

Г. КАПИЦА
и Н. ЯКОВЛЕВЪ

ОСТРОВ
ТАНДАНТО

П о в е с т ь

Петр Иосифович Капица
Николай Николаевич Яковлев
Остров Панданго

OCR&Spelcheck Alexandr

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157095

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	16
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	30
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	35
ГЛАВА ПЯТАЯ	53
ГЛАВА ШЕСТАЯ	67
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	83
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	96
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	113
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	121
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	128
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	135
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	144
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	152
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	166
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	175
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	191
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	203
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	220
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ	231
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	241

Петр Капица, Николай Яковлев Остров Панданго

ГЛАВА ПЕРВАЯ НА ПОЗАБЫТОМ БЕРЕГУ

Вспененные волны прибоя одна за другой накатывались на бесконечный песчаный пляж Позабытого берега, распространяя горьковатый запах соли и морских трав.

Пустынен здесь океан: на сотни миль – ни дымка, ни паруса. Пассажирские лайнеры далеко стороной обходят опасные воды, изобилующие скрытыми банками и рифами. Только изредка показываются рыбацьи кечи, небольшие рефрижераторы и чумазые грузовые суда, идущие за копррой, рудой и фруктами. Они стараются держаться ближе к берегу, чтобы вовремя укрыться в безопасных бухтах.

Позабытый берег находится в полосе бурь. Чуть зазеваешься, не заметишь фиолетового марева на горизонте – никакие молитвы не спасут: налетевший шквал если не опрокинет судно, то выбросит на рифы и разобьет в щепы. Спокойствие океана обманчиво.

Была и другая причина, по которой рыбаки Позабытого берега не уходили далеко в океан, но о ней они помалкивали. Разве только подвыпив в «Осьминоге», хабрецы намеками говорили о трупах, попадавших в сети. А если кто из рыбаков обращался в полицию, то кончал плохо: его обычно находили у своего собственного кеча с пробитой головой.

Правда, живет в селении рыбак с ветром в голове, не умеющий держать язык за зубами. Любители загадочного еще недавно могли послушать забавного собеседника, готового вспомнить всевозможные таинственные истории, происходившие в море. Но теперь и он помалкивает.

Обломки кеча, которым так гордился Сильвейро, догнивают на отмели, а сам прославленный шкипер ежедневно курсирует от стойки «Осьминога» до старой, полузасыпанной песком баржи, выброшенной на берег. «Осьминог», видно, цепко опутал ослабевшую волю одинокого моряка.

Виноваты в этом, конечно, захожие шкипера, угощавшие рюмкой виски старого приятеля. Да и сам он немало сделал, чтобы навлечь на себя беду.

Год назад Сильвейро вышел в океан с двумя племянниками на ночной лов. Напрасно все-таки он не прислушался к словам патера, обладавшего редкостной на побережье вещью – барометром.

Занесенные далеко в океан внезапно налетевшим ураганом, рыбаки увидели... Впрочем, что именно они увидели, – никто толком понять не мог. Доходя до этого места, Силь-

вейро прикладывался к даровой рюмочке, морщился, крутил головой и дальше начинал говорить такое, что примерещится не каждому. Будто бы из мрака выплыл остров с вертящимся огнем. Воспрянув духом, племянники собрались было возблагодарить святого Матэо, но не успели. В вихре брызг на гребнях волн показался катер, мигающий оранжевыми вспышками...

Свинцовый град обрушился на кеч. Племянники, видимо, были убиты; их сразу слизнуло волной. Сильвейро очнулся на днище изрешеченного кеча, когда на светлеющем горизонте еще виднелись пальмы незнакомого острова.

На счастье, шторм стих так же неожиданно, как и налетел. Это обстоятельство спасло рыбака. Разорвав рубашку, он кое-как перевязал раненую голову и, отдавшись на волю течения, лег у кормы.

Лишь на третьи сутки море прибило к берегу полузатопленный кеч с человеком, в беспомощности припавшем к румпелю. В горячечном бреду он бормотал о каком-то черном катере, вертящемся огне и пальмах.

Со временем у выжившего из ума Сильвейро количество пальм, катеров и даже островов возрастало в несомненной зависимости от опрокинутых в вечно жаждущую глотку шкипера рюмок виски и рома.

Время шло. Сильвейро, фантазируя, так запутал происшедшую с ним историю, что никто ему уже не верил и не преподносил виски. Даже шкипера захожих судов не велича-

ли его, как прежде, стариной, и не усаживали за свой столик.

Но недавно престиж Сильвейро вновь поднялся. Как-то утром в «Осьминог» заглянул велосипедист в костюме песочного цвета. Пока смахивали с него пыль, гость успел понравиться всем своими шуточками и прибаутками.

Он благосклонно выслушал историю старого рыбака и покорило его дружелюбным обращением. Пожалуй, это был единственный за все времена собеседник, заинтересовавшийся бреднями Сильвейро. Старый рыбак, кстати, был трезв, – дело-то происходило утром. Проезжий не выразил сомнений в достоверности событий и даже что-то записал.

– Да пусть я подавлюсь рюмкой виски, которую вы мне преподнесете, если я вру! – поклялся Сильвейро.

– Не поперхнешься, старый брехун! Вы не очень доверяйте, синьор, ему все прибрелось, – сказал хозяин «Осьминога» Дон Амбросио, наливая за счет гостя рюмку виски шкиперу.

Задетый за живое Сильвейро подсел к велосипедисту и доверительно шепнул:

– Они полагают, что все это я выдумал. Жалкие люди! – Старик пошарил в кармане и вытащил вместе с табачными крошками три смятые крупнокалиберные пули, с потускневшей никелевой оболочкой.

– Недавно я их выковырял из борта кеча. Что же, сам господь бог стрелял в нас этими штучками? – произнес он. – Нет! Мне ничего не прибрелось!

На вопросы велосипедиста старик лишь приблизительно, больше по догадкам, смог определить направление таинственного острова. А выпив вторую рюмку виски, он так разошелся, что даже добавил:

– Вот если бы у меня была карта, я живо разыскал бы это место, а так ведь не объяснишь...

– У меня, дома где-то валяется мореходная карта, – как бы между прочим, сказал собеседник.

– Прихватите ее с собой, если еще заглянете сюда. Не будь я Сильвейро, проклятый остров будет найден! – пообещал старик.

Уезжая, велосипедист подарил шкиперу десять аргентинских песо. Но, когда дон Амбросио попытался обсчитать доверчивого гостя, тот этак взглянул на него, что почтенный хозяин харчевни в растерянности передал лишку сдачи, чего на памяти старожилов с ним давно уже не случалось.

Сильвейро вскоре размечтался и пустился в немислимые предположения. Разумеется, проездий был столичным репортером, он скоро так распишет все, что в «Осьминог» хлынут толпы любителей необычайного. Они будут пить, слушать его рассказы и тратить без счета деньги.

Даже дон Амбросио – насколько все же легковерна человеческая натура – и тот поддался чарам этой фантазии. На всякий случай он выкатил к стойке бочонок лучшего рому и, в припадке великодушия, первый стаканчик пожертвовал старику.

Но как обманчива фортуна! Ни один любопытный богач не спешил из столицы! А когда Сильвейро навязался со своей историей двум гулякам, прикатившим откуда-то на серебрястой гоночной машине, те выволокли его на улицу, сбили кулаком на землю и, дав несколько пинков ногами, пригрозили:

– Если не перестанешь бредить, старый чурбан, будешь покойником.

Местные парни хотели было проучить их, но их смутили недвусмысленно оттопыренные задние карманы туристов. С такими людьми лучше не связываться.

«Придется помалкивать!» – решил Сильвейро и замкнулся в себя. А жаль! От его рассказов, казалось, иногда раздвигались прокопченные стены старой харчевни и оживала былая романтика южных морей. На целый вечер забывались повседневные тяготы жизни и начинались рассказы о далеких походах отцов и дедов. Ведь не часто рыбаки Позабытого берега рисковали уходить на своих утлых кечах далеко в океан, хотя знали, что там есть пустынные острова с кокосовыми пальмами и рощами панданусов.

* * *

В одно из воскресений на Позабытом берегу вновь появился человек в песочном костюме. Правда, теперь его нельзя было назвать велосипедистом, так как он катил на

мотоцикле, и не один, а с молодой блондинкой, носившей защитные очки, шапочку с широким целлулоидным козырьком и кремовый пыльник.

Оба они походили на жителей столицы, которым лишь по воскресеньям удастся вырваться к просторам моря и гор.

Мотоцикл катил по кромке песчаного пляжа, которую лениво лизали набегавшие волны прибоя. Он остановился невдалеке от лежавшего на боку, занесенного песком кеча.

– Долорес! – сказал мотоциклист сидевшей в коляске девушке. – Взгляните на это затонувшее рыбачье суденышко; оно было расстреляно в океане каким-то таинственным катером. И полиция не ведет расследования. Не странно ли, а?

– Хосе, а вам не опасно вновь показываться в «Осьминоге»? Может, лучше пойти мне одной? – спросила девушка.

– Нет, мы подъедем вместе. Почему бы нам не остановиться и не выпить кока-кола? Я ведь турист, выбравшийся в горы со своей невестой.

– Вы всерьез?

– А как же? Неужели вы бы согласились поехать сюда только для маскировки?

Трудно было понять, шутит ли Хосе Реаль по обыкновению или говорит всерьез. Как хотелось бы Долорес, чтобы в словах его была правда!

Они выкатили на дорогу, по которой шли женщины с молитвенниками в руках. Судя по серьезным и печальным лицам, рыбачки возвращались с похорон. Поравнявшись с куд-

рвяой босоногой девочкой, несшей на руках полуголового чумазого карапуза, Реаль спросил:

– Девочка, ты не скажешь нам, почему так печально звонит колокол?

– Хоронили старого Сильвейро, – ответила она.

– Сильвейро? Но ведь недавно он был здоров! Что случилось?

– Его нашли на отмели у кеча. Кто-то ударил старика. Он упал и захлебнулся.

– Безбожника Сильвейро покарал господь, – строго заметила дородная матрона, проходившая мимо. – Он наказывает пьяниц и безбожников!

Реалю стало понятно, что произошло здесь. Ниточка, которую он случайно нащупал, опять оборвалась.

– Теперь бессмысленно ехать в «Осьминог», надо возвращаться, – хмурясь сказал он.

Развернув мотоцикл, они вновь выехали на пляж и помчались по старому следу, едва приметному на мокром песке. Здесь не могли помешать автомашины. Хосе дал полный газ... Стрелка спидометра подскочила к цифре «90».

Мотоцикл рокоча летел по песчаной равнине. Долорес сидела пригнув голову, так как в лицо дул соленый морской ветер.

Иногда мотоцикл влетал в голубоватые лужи и разбрасывал в стороны брызги.

«Этак можно и шею свернуть», – думала девушка, но она

не останавливала Хосе. Ей нравилась быстрая езда.

Так они мчались километров семьдесят. Потом Хосе сбавил ход, выбрался на шоссе и поехал за вереницей автомашин, никого не обгоняя.

«О чем он сейчас думает? – хотелось бы знать Долорес. – Ведь скоро нам расставаться».

Солнце уже стало заходить, когда из-за крутого поворота перед ними возник большой город. Он лежал в долине, на берегу океана, окруженный синеющими силуэтами гор. Это была столица Южной республики.

Реаль остановил мотоцикл на развилке двух дорог, недалеко от деревянного распятия Христа; католические кресты теперь попадались почти на всех перекрестках.

Проверив, достаточно ли осталось бензина в мотоцикле, Хосе сказал:

– Возвратите владельцу с благодарностью. Впрочем, один ваш взгляд вознаградит его больше, чем мои слова.

– Вечно вы шутите, – с укором заметила Долорес. – К сожалению, в меня влюбляются не те, кто мне нужны.

Девушка стала грустной. Сегодня ей не хотелось так быстро расставаться, – слишком короткими были их встречи, всегда связанные с партийными поручениями.

– Как же быть дальше? – спросила она. – Вы не отказываетесь от поисков?

– Что вы! Какой журналист отступится, когда он на пути к открытию? К тому же я друг вашего брата. Не могли бы вы

точнее вспомнить, как все произошло.

– Я вам уже говорила: пошли к докерам с листовками. Неожиданно порт оцепила полиция. Энрико отдал свою пачку мне и сказал: «Беги, только не раньше, чем начнется свалка». Он свистнул, помахал рукой крановщику и, прикинувшись подвыпившим матросом, затеял драку с полицейскими...

Хосе представил себе, как начал действовать рослый пароходный механик Энрико Диас, умевший одним ударом кулака сбивать противников на землю.

– К нему на помощь прибежали еще какие-то портовые парни. Началась свалка. К дерущимся ринулись все полицейские. Я перебежала к складам и ушла. Энрико не был убит, нет. На другой день я сама побывала во всех моргах.

Хосе знал, что и ни в одном из концентрационных лагерей, как лишайники, покрывших всю страну, Диаса не было. Не оказалось его и в числе безымянных жертв полицейских застенков. У компартии всюду, где требовали сложные обстоятельства подпольной борьбы, существовали свои глаза и уши. Так бесследно исчезли не один Диас, а еще десятки активных товарищей. Нужно было во что бы то ни стало узнать, куда же отправляет их кровавый диктатор, и разоблачить его перед народом.

– Хорошо, Долорес, я еще в одно место съезжу. В среду мы с вами увидимся в сквере у Центральной площади. Я не потеряю следа, не беспокойтесь. А теперь... разрешите по-

благодарить за компанию, за приятную поездку.

Реаль крепко сжал ее руку. Мимо них то и дело проносились автомобили и двухэтажные автобусы, возвращавшиеся с загородных прогулок. Хосе очень не хотелось расставаться с девушкой, но он должен был покинуть ее. На Центральной площади его ждал товарищ.

– До встречи! – добавил он.

Долорес села за руль, дала газ и включила сцепление. موتور взвыл на первой скорости, потом изменил тон и умчал ее в темноту.

Реаль, проводив девушку взглядом, вздохнул и пешком направился в город.

В восьмом часу он остановился у тумбы с афишами на большой площади, залитой вечерним сиянием реклам и витрин. Вскоре к нему приблизился сухощавый человек в форме тюремного стражника.

– Найдите свободную скамейку, – негромко сказал ему Реаль.

Стражник молча направился к бульвару, где по одной стороне росли, сливаясь в сплошную массу, приземистые бенгальские смоковницы, а по другую – высокие стройные пальмы. Найдя скамейку, на которую не падал свет фонарей, он уселся и закурил.

Реаль подошел к нему минут через десять и, прикурив, уселся рядом.

Проходившая парочка собралась было также отдохнуть на

этой скамейке, но, разглядев погоны и блестящие пуговицы стражника, раздумала и прошла дальше.

– Как они ненавидят мою форму! – с горечью произнес стражник.

– Настанет час, и вы скинете ее, а сейчас партии нужно, чтобы вы служили там, – сказал Реаль.

Стражник вытащил из-за пазухи небольшой пакет и отдал его Хосе.

– Письма от заключенных из подследственного флигеля, – объяснил он. – Там связь надежная. Есть контакт с флигелем «Зет», где содержатся особо опасные. Мне передали оттуда странную записку. Известно одно: пролежала спрятанной месяца три, прежде чем попасть ко мне.

Стражник поднялся, собираясь уходить. Хосе развернул смятый клочок бумаги – на нем ничего не было. Тогда он повернул его и, убедившись, что и на обороте нет ничего, спросил:

– Вы не ошиблись?

Стражник мотнул головой.

– Я не имею права ошибаться. Принес, что передано. Во флигеле «Зет» не дают чернил. Там, кроме соли и хлеба, ничего нет...

– Кроме соли, сказали вы? – переспросил Реаль, но стражник был уже далеко.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НАДО ИДТИ НА РИСК

Южная республика – одна из двадцати стран Латинской Америки. Она «независима и свободна», как уверяет пресса, но это обычная ложь продажных газет. Южной республикой, как и большинством ее соседок, негласно управляет Зеленый папа.

Кто такой Зеленый папа? Почему ему подчиняются президенты республик, министры, епископы, генералы, редакторы газет и полицейские?

Говорят, что в капиталистическом мире он молод, так как появился на свете всего лишь в семидесятых годах прошлого столетия. Породил его обычный морской бродяга – бостонский капитан дальнего плавания мистер Бейкер. Доставив груз на остров Ямайку, он не хотел возвращаться домой порожняком. На полсотни долларов предприимчивый моряк накупил столько бананов, что загрузил ими все трюмы и палубы парусника.

Бостонцам понравились незнакомые, чуть вяжущие рот, сладкие плоды. Они нарасхват брали бананы, платя за них доллары. Капитан Бэйкер заработал столько, что ему захотелось вновь отправиться на Ямайку.

Объединившись с местным купцом Престоном, он стал

привозить фрукты, а тот торговать ими. Их дело так разрослось, что пришлось основать компанию, которая вскоре получила название «Юнайтед фрут».

Банковская компания под безобидным флагом оптовых торговцев фруктами начала захватывать банановые рощи, леса, огромные плодородные земли, для разведения сахарного тростника, ананасов и цитрусов. Она строила железные дороги, исследовала недра, вывозила руду. У нее появился огромный флот, собственные телефонные линии, радиостанции, рекламные бюро и авиация.

«Юнайтед фрут компани», чтобы властвовать в Латинской Америке, подогревала старые споры малых стран, вызывала пограничные инциденты, натравливала одних на других. Подкупам, шантажом, подготовкой путчей она свергла неугодные ей правительства и ставила у власти послушных ей диктаторов. И в храмы она засылала своих служителей, поэтому заслуженно получила титул «Зеленого папы». Репортеры то и дело употребляли его для хлестких заголовков в газетах, а народ произносил его с ненавистью, как имя подлого и беспощадного врага.

Не зря же среди бедноты ходила поговорка: «Мы живем слишком далеко от бога и очень близко от Соединенных Штатов».

Зеленый папа, словно огромный спрут, из Бостона и Нью-Йорка протянул свои бесчисленные щупальца вдоль побережья Атлантического и Тихого океанов далеко на юг и вы-

сасывал соки из чужих земель и кровь из людей, живущих впроголодь.

В выкачке богатств из Южной республики, кроме «Юнайтед фрут», были заинтересованы и другие американские монополии, поэтому недавнее восстание шахтеров и батраков было зверски подавлено военной хунтой, пришедшей к власти, а коммунистическая партия объявлена вне закона. В стране свирепствовал террор.

Столица Южной республики, как и прежде, жила шумной жизнью приморских городов. В ее огромном порту день и ночь гудели моторы автокаров, лебедок, погрузочных кранов. В море то и дело выходили тяжело осевшие суда, а навстречу им, завывая сиренами, спешили к причалам новые.

Под эстакадами мелькали черные и бронзовые спины грузчиков. Согнувшись, подгоняемые надсмотрщиками, люди поднимались по зыбким сходням и скрывались в недрах трюмов. В огромные пароходные пасти укладывались богатства Южной республики. У складов и на длинных пирсах вереницами стояли самопрокидывающиеся вагонетки с висмутом, вольфрамом и цинком, грудями высились мешки с зернами какао, кофе, ящики со смолой Чикле и «райскими орехами».

Надрывно мычали быки, обвязанные сетями и вознесенные кранами чуть ли не под облака. Блеяли овцы, сбившиеся в кучу у трапа, перекинутого на борт грязного «Скотовоза».

А весь этот шум покрывала веселая песня, несшаяся из радиорепродукторов только что прибывшего парохода, на который грузили солдат в новых, топорщившихся гимнастерках.

«Мы встретимся скоро, Чинита,
Под сенью родимого дома...»

Вот к овцам привели барана-проводника. Он первым вошел на трап... И за ним рекой хлынуло стадо. Перед самым спуском в трюм баран-проводник отошел в сторону, а стадо по инерции продолжало двигаться навстречу привычным запахам хлева.

Баран еще не успел дожевать морковку, полученную за предательство, когда на палубу выбежал взбешенный офицер. Он гневно потрясал прокламациями, обнаруженными во всех трюмных помещениях.

Машинист портовой лебедки, наблюдавший за этой сценой, усмехнулся в усы и принялся раскуривать прокопченную трубку.

К нему подошел человек в белой фуражке с большим козырьком, какие обычно носят шкипера. Взяв в зубы сигарету, он попросил прикурить. Машинист протянул зажигалку и, почти не разжимая зубов, сказал:

– Улица Снов, второй этаж, квартира четырнадцать. Ровно в семь.

– Благодарю, – ответил подошедший и, козырнув, зашагал дальше. Внимательный наблюдатель узнал бы в нем Хосе Реалья.

В этот день его можно было встретить в самых различных концах большого города. В магазине навигационных приборов он долго разглядывал карты морских течений и, наконец, выбрал несколько листов.

Позже он купил в погребке бутылку тростниковой водки, красноватой аргентинской колбасы и большой плод авокадо.

– В подарок дядюшке, – сообщил Хосе продавщице.

В полдень он очутился на окраине, у домика с подслеповатыми окнами. Зорко осмотревшись, Реаль поднялся по скрипучей лестнице и несколько раз нажал кнопку звонка.

– Каким счастливым ветром занесло вас, Хосе? Мне показалось, что я ослышался, узнав ваш сигнал, – радостно приветствовал его смуглый старик-креол в прожженном халате. – Ведь, судя по газетам, вас уже нет в живых!

– Слухи о моей смерти сильно преувеличены.

– Да я собственными глазами читал!

Старик порылся в кармане висевшего на стене пиджака, вытащил записную книжку, достал из нее газетную вырезку и подал Реально.

В заметке было написано:

«25 апреля одна из групп преступников, бежавших из замка Сан-Стефанио, была достигнута в горах. При перестрелке автомобиль беглецов сорвался в ущелье.

Установлена гибель одного из организаторов побега – бывшего журналиста Хосе Реалья».

На снимке изображались среди обломков автомашины изувеченные тела погибших.

– Видите ли, в машине остался не я, а мой пиджак с документами. Если бы полиция внимательнее взгляделась, то она бы опознала в трупах своих конвоиров и шофера. Но я опровергать не буду. Пусть мое дело с дактилоскопическими отпечатками пальцев навсегда будет списано в архивы полиции. А сейчас покойнику хотелось бы позавтракать с вами.

Реаль выложил на колченогий стол свои покупки.

Пока хозяин разворачивал свертки, гость стал присматриваться к разнообразным склянкам, стоявшим где попало, чтобы использовать их вместо рюмок. Старик-креол вовремя перехватил его руку, готовую выплеснуть остатки какого-то реактива. Понюхав отобранный раствор, ученый сообщил:

– Обыкновенный цианистый калий! Правда, слабый раствор...

Хосе даже привскочил и осторожно отодвинул какую-то колбу, обнаруженную под ногами. А хозяин продолжал:

– Здесь яды на все вкусы. Ну, вот эта посуда, пожалуй, подойдет.

Он протянул два стаканчика явно лабораторного назначения. Смущенный гость, помня, что иной посуды здесь никогда не водилось, сказал:

– А нельзя ли, уважаемый профессор, хоть предваритель-
но обезвредить их чем-нибудь?

– Не стоит, здесь была лишь соляная кислота!

Жилье ученого, заставленное диковинными приборами, напоминало лабораторию средневекового алхимика. Старик был в привычной среде, но гость никак не мог здесь освоиться и чуть не уселся на каменную ступку с пестиком.

– Садитесь-ка лучше в кресло, – предложил хозяин.

Хосе уселся в покосившуюся развалину, из которой торчали пружины и жесткая морская трава.

– Рассказывайте, – что снова привело вас сюда? Знаю, без причины не являетесь. Нехорошо забывать старых друзей, – сказал с укоризной креол.

– Все дела, профессор, – оправдываясь, ответил Реаль и налил в стаканчики водки.

– Ну-с, за ваше появление! – промолвил хозяин, беря стаканчик. – Мы с Фанни прочли о вашей гибели и, признаюсь, загрустили.

Красавица Фанни, протяжно мякнув, появилась из-под дивана и приветственно потерлась о ногу гостя. Это было второе живое существо в домике. Профессор, вспомнив что-то, поставил стаканчик на стол и потащил Реаля в дальний угол за полог. Там стоял прибор, похожий на старинный «волшебный фонарь», с конструкцией которого старик давно возился.

– Отлично работает – похвастался он. – Вот посмотрите,

ничего в этом векселе не замечаете?

– Вексель как вексель, – ответил Реаль, повертев продолговатую бумажку.

– А теперь взгляните! – сказал старик, вставив вексель в аппарат. – Вторичное свечение или люминесценция, – пояснил он.

Хосе заметил, что тексты, напечатанные типографской краской и вписанные чернилами, светились по-разному, а первая цифра суммы сияла совершенно своеобразно.

– Счет подделан! – сказал профессор. – Вписана двойка. Замечаете, цифры светятся по-иному?

Подделка была выполнена искусно, но невидимые лучи разоблачили фальшь.

– Выравненная надпись, попав в поле действия ультрафиолетовых лучей, становится видимой, – продолжал объяснять старик. – Любой элемент испускает свечение, характерное исключительно для него. Представляете, какое значение имеют эти лучи? Они могут установить присутствие нефти в куске каменной породы, обнаруживают примеси...

– Я читал, что в Советской России ультрафиолетовые лучи уже широко применяются в промышленности. Там на консервных заводах они даже сортируют рыбу...

– Стоило упомянуть об этом, как меня попросили покинуть кафедру. Пропаганда! – с горечью заметил профессор.

– Ничего, мы еще отпразднуем день вашего возвращения к студентам в настоящую науку, для народа!

– Готов выпить за это.

Они вернулись к столу и чокнулись. Старик отпил глоток вина и спросил:

– Вы ведь, наверное, неспроста ко мне? Опять что-нибудь вроде смывания паспортных бланков?

– Сегодня дело посложнее. Нужно знать: не было ли здесь что-либо написано?

Профессор, взяв обрывок бумаги, осмотрел его, понюхал и понес к своему аппарату.

Реаль устроился поудобнее в шатком кресле. Он помнил, что хозяин не переносил когда «вертятся под рукой», и поэтому терпеливо ждал результатов применения ультрафиолетовых лучей.

Через четверть часа профессор подал ему несколько фотоотпечатков и сказал:

– Записка написана раствором обыкновенной поваренной соли. Это не трудно установить по спектру свечения. Оригинальные чернила!

– Откуда же, дорогой профессор, в застенках Централы взяться чернилам? А применить соль догадается не всякий, – ответил Реаль, со скрытым волнением читая записку.

* * *

В точно назначенный час в небольшой квартире на улице Снов, имевшей два выхода, собрался подпольный Коми-

тет Компартии столицы. Заседание близилось к концу, когда седовласый человек, с лицом, изрезанным морщинами, объявил:

– У товарища Хосе сегодня важное сообщение. Прошу внимания.

Реаль поднялся, тряхнул головой, чтобы откинуть спадавшую на глаза светлую прядь волос, и негромко заговорил:

– Наша группа разведки несколько месяцев бьется над тем, чтобы разыскать хоть какие-нибудь следы пропадающих товарищей. Их нет ни в известных нам концлагерях, ни в списках убитых. Столь необъяснимое исчезновение самых активных коммунистов тревожит не только родственников и соратников по подполью, но и пугает сочувствующих. Они боятся встречаться с нами. А суеверное население верит в сказки церковников, что против марксистов идут силы неба. Такие бредни терпеть больше нельзя. Надо выяснить, где находятся наши товарищи. В начале этого месяца, проезжая по делу, я заглянул в рыбацкий поселок. В таверне на Позабытом берегу ко мне подсел спившийся шкипер. И вот он поведал историю о странном острове в океане, о котором обычно рыбаки помалкивают. Они считают, что даже простой разговор о нем приносит несчастье. Кеч этого старика, унесенный штормом в океан, был обстрелян из пулеметов именно у этого острова. Убитых смыло волной, а тяжело раненного шкипера вместе с кечем прибило течением к берегу. Местные жители считают, что после этой истории старик «тронулся».

Сегодня мы получили подтверждение: в океане действительно существует тайный концлагерь. В наши руки из Централы попал этот листок, – Хосе показал обрывок серой бумаги. – На нем не было никакого текста. Обработка реактивами тоже ничего не дала.

– А почему вы решили, что должен быть текст? – спросил коричневолицый метис¹ – один из членов комитета.

– Его нам передали как письмо. Когда были применены ультрафиолетовые лучи, то появилось несколько слов.

Вместе с обрывком бумаги Реаль выложил на стол несколько фотокопий. Члены комитета без труда прочли:

«Отправляют на какой-то остров в океане. Оттуда, говорят, никто не возвращается. Прощай, Долорес! Прощайте, товарищи! Да здравствует компартия!
Э. Диас».

– Значит, Энрико жив! – обрадованно воскликнул краповщик из порта. – Это несомненно его рука, я узнаю.

– Но записка ничего не раскрывает, – заметил метис. – Как мы найдем этот остров? Ведь у нас нет возможности послать экспедицию? Да и рискованно.

– Одну минуту, – вновь заговорил Реаль. – Обстрелянный кеч дрейфовал и его принесло течением к берегу. Следовательно, загадочный остров лежит где-то в зоне течения, омывающего Позабытый берег. Любой из вас может теперь

¹ Южноамериканские метисы происходят от смешения европейцев с индейцами

разыскать его, руководясь этими данными.

Хосе стал разворачивать принесенные карты.

– Узнаю журналистскую предусмотрительность Реалья. Молодец, достал все, что нужно, – одобрительно отметил председательствующий.

Все нагнулись над столом, рассматривая на карте голубые извивы океанских течений.

– Не здесь ли? – спросил крановщик, ткнув пальцем в группу небольших островов.

– Сомневаюсь; эти острова заселены и эксплуатируются, – ответил Реаль. – А вот этот подозрителен. – Он указал на едва заметную точку на карте. – Примерно в ста пятнадцати милях от Позабытого берега существует островок Панданго. На новых мореходных лоциях он отмечен как необитаемый. Лежит он в стороне от оживленных морских путей! Прежде, как я узнал от одного старого моряка, на нем пытались добывать кокосовые орехи, развести сахарные и кофейные плантации, но ничего не получилось. В дни войны на каменном утесе, отделенном от острова проливом, была служба наблюдения и база для заправки кораблей-охотников за подводными лодками. Землями владеет «Юнайтед фрут».

– Самое подходящее место для концлагеря, – признал метис. – Какую же помощь мы можем оказать?

– В их положении самое ценное – свобода!

– Но остров, без сомнения, под надежной охраной?

– Тюрьма в Сан-Стефанио ведь тоже охранялась. Однако

это не помешало спасти семнадцать товарищей, – возразил Реаль.

Все вспомнили дерзкое проникновение в тюрьму отважных помощников Реаля, освободивших товарищей, приговоренных к смертной казни.

– Это не тюремный замок, куда вы добрались на пригородном автобусе, – подчеркнул председатель.

– Новые обстоятельства потребуют и нового плана действий, – сказал Хосе.

– Установить связь с этим островом – нелегкая задача.

– Можно другое предпринять: отправиться на остров и организовать побег, – предложил Реаль.

Все переглянулись.

– Это слишком рискованно! – произнес председательствующий.

– Вы говорили так же, когда готовили «визит» в замок Сан-Стефанио, потом поздравляли с успехом. Помните?

– Помню и повторяю еще раз: слишком рискованно! В случае опознания вас ждет верная гибель.

– Она ожидает многих в случае ареста, но я что-то не замечаю бледных лиц, – отозвался Реаль. – Кроме того, Хосе Реаля нельзя опознать. Согласно официальным сообщениям полиции, его уже не существует.

– Но что вы сможете сделать там один? – спросил метис.

– Я и не собираюсь действовать в одиночку. На острове наши товарищи, коммунисты. Я окажусь лишь фитилем, –

поднесенным к пороху. К тому же можно наладить связь. Течение приносит не только продырявленные кечи, но и другие плавающие предметы.

– Хорошо, – сказал председательствующий. – Хотя предложение Реаля необычное, но я о нем доложу Центральному Комитету. – И он обратился к Хосе: – Прошу к завтрашнему дню разработать подробный план проникновения на остров и налаживания связи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

УДАЧНОЕ НАЧАЛО

Деловая жизнь в столице Южной республики затихла. Наступил час, когда дневной свет стал уступать место быстро надвигающейся тропической ночи. Высокие здания банков и торговых компаний начали терять во мгле свои очертания.

Вдруг с крыши одного из небоскребов, словно стая голубей, разлетелись листовки. Кружась и кувыркаясь в воздухе, они падали на панели, на мостовые. Пешеходы хватали их и спешили исчезнуть в узких переулках.

Но вот послышались свистки. Забегали полицейские. Они кого-то поймали, – стали бить... Завыли сирены тюремных машин.

Не прошло и получаса, как в центре был восстановлен прежний порядок, зажглись уличные фонари, и стали вспыхивать разноцветные огни световых реклам, зазывающие в игорные дома, рестораны, ночные бары, кинотеатры...

С огромной афиши беззаботно улыбалась, показывая жемчужные зубы, голливудская кинозвезда с красиво изогнутыми фальшивыми ресницами.

На главном проспекте появились хорошо одетые праздничные люди.

Послышались завывание и грохот джазов. Двери кафе и

баров раскрывались настезь, столики по желанию публики выносились на улицу. Их занимали отдыхающие биржевые дельцы и маклеры, пришедшие за чашкой кофе почитать вечерние газеты, столичные щеголи с дамами, желающие утолить жажду пивом со льдом или прохладным кокосовым соком.

Тут же шныряли и чумазые мальчишки. В поисках заработка они пролезали под столики и начинали наводить глянец на обувь посетителей баров, а те лениво награждали их пинками и очень редко – монетами.

По центральной площади столицы проносились автомобили, обгоняя старинные, поблескивающие лаком кабриолеты и фаэтоны в парных упряжках.

Невдалеке раскинулся старый тенистый сквер. Здесь народу было немного.

– А если они опознают вас, Хосе? – тихо спросила Долорес сидящего рядом с ней широкоплечего парня в грубой одежде.

– Наши специалисты основательно потрудились над моим превращением в «неизвестного», а личное дело с фотографиями уже списано полицией в архив, – ответил он.

– Вы действительно неузнаваемы. Особенно эти усы: они придают какое-то, я бы сказала, наивное выражение. Да вы ли это? – рассмеялась она, еще раз взглядевшись в преображенного Реаля.

– Я теперь ковбой, вернувшийся на родину. С вами рас-

стаюсь на неопределенный срок. Риск не в опознании, а в ошибке... но я не допущу ее. Через два – три месяца поселитесь на Позабытом берегу. Прикиньтесь болезненной горожанкой, нуждающейся в морском воздухе. По утрам, и как можно раньше, прогуливайтесь вдоль полосы прибоя и вглядывайтесь в предметы, выброшенные морем. Особое внимание обращайте на скорлупу кокосовых орехов. Шифр вам известен. Ждите вестей от Энрико. Но это, наверное, будет не скоро.

Реаль вытащил бумажник и, вытряхнув все содержимое в широкополую ковбойскую шляпу, стал отбирать ненужное.

– Второй паспорт навредит, – сказал он, кладя его в открытую сумочку Долорес. – Фотокарточки – тоже. Здесь четыреста аргентинских песо... гонорар за статью в прогрессивном журнале. Возьмите их, не отказывайтесь. Вам они понадобятся, а у меня – станут лишь добычей полицейских. Себе оставлю только две долларовые бумажки и несколько сентавсов. Прошу паспорт с моим новым именем.

Она вытащила спрятанный на груди паспорт и сунула ему в бумажник. Хосе запихал отощавший бумажник в задний карман брюк, затем, взглянув на часы, снял их и надел на запястье Долорес.

– Пусть они напоминают вам о минутах, проведенных вместе, – едва слышно произнес он.

– Как коротки были эти минуты! – вздохнула Долорес.

Реаль поднялся со скамьи. Встала и она. Наступил послед-

ний момент расставания.

– Я скоро вернусь, и тогда... – он умолк, не решаясь закончить фразу.

– Что же будет тогда, Хосе? – тихо спросила она.

– Если бы вы знали, как трудно было всякий раз расставаться! Хотелось... Даже сегодня не осмелюсь... – Он неожиданно обнял ее и поцеловал. – Ждите меня. Начнем не раньше сезона дождей. Я обязательно вернусь.

Хосе быстро зашагал в сторону неоновых огней, мигающих на площади. Долорес видела, как он оглянулся у фонаря и помахал шляпой.

– Почему ты не сказал всего этого раньше, милый и глупый Хосе? Как трудно было тебе произнести простые слова! А я так ждала их, – прошептала она.

Долорес вновь опустилась на скамейку и, сжимая в руках сумочку, стала вслушиваться: не донесутся ли свистки полицейских?

Прошло около получаса. К скверу вдруг приблизилась возбужденная толпа. Впереди двигались полицейские. Они вели, вернее – волочили человека с бессильно склонившейся головой. Рядом шагали двое в штатской одежде. Один из них стирал кровь с подбородка и бранился:

– Чему вас только учат, ослы! В таких случаях нужно действовать решительно, а не собирать толпу. Тащите его в нашу машину; она дежурит за углом.

Поравнявшись с Долорес, человек в светло-серых бри-

джах добавил:

– А сильный, скотина! Троих разбросал! Прямо буйвол какой-то...

За тайными агентами двигалась в отдалении толпа зевак. Долорес присоединилась к ним.

Полицейские дотащили арестованного к закрытой черной машине, бросили его в кузов и стали усаживаться сами.

Вскоре, завывая сиреной, черная машина умчалась в темноту, озаряемую вспышками реклам.

Долорес, сдерживая слезы, смотрела ей вслед и думала: «Теперь я могу сказать товарищам: «Все прошло удачно». Но какая же это удача, когда его без сознания бросили в машину! Не разбили ли они ему голову? Какие бессердечные, звери!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ НА ПАЛУБЕ ЛАЙНЕРА

Под утро депутата скотоводов дона Гонсалеса, едущего в Чикаго для переговоров, вторично выпроводили из бара лайнера. Бурная кровь потомка конкистадоров² звала к мщению, но природная сметливость подсказывала: «Здесь поднимать стрельбу нельзя. В море нравы крутые, не спасет и депутатская „неприкосновенность“. Все же он не мог спокойно стоять на палубе, – хотелось с кем-нибудь поделиться своими горестями.

Палуба лайнера была еще безлюдна. Лишь у прохода к люкс-каютам за столиками под тентом сидели на шезлонгах два скучающих джентльмена. Дон Гонсалес заплетающейся походкой направился к ним и стал жаловаться.

– Когда нужны деньги, – все ко мне! Туда давай, сюда жертвуй! А если я желаю плясать на столе, меня выталкивают проветриться. Да где же справедливость? Я спрашиваю. Певичкам можно, а мне, депутату, нельзя? – И он вытер слезу волосатой рукой. – Потребую в сенате внести ясность в этом вопросе. Довольно, не позволю притеснять свободных скотоводов! Секретарь! Где ты, каналья, прячешься?

² Конкистадоры – испанские завоеватели, захватившие в XV-XVI веках огромные территории в Центральной и Южной Америке

Из мглы парохода, откуда доносилась приглушенная музыка, появился тонконогий человек в черном костюме. Почтительно поклонившись, он остановился на изрядном расстоянии от скотовода.

Джентльмен с лицом, напоминавшим замшелый, потрескавшийся камень, тотчас же пальцем поманил к себе секретаря депутата и, сделав свирепое лицо, шепнул ему несколько слов.

– Хорошо, сэ, не беспокойтесь. Сию минуту, – пообещал тот.

Подбежав к своему эстансьеро³, секретарь схватил его за руку и потащил в каюту, подальше от скучающих джентльменов.

– Туман, сплошной туман! – глядя на море, пробормотал краснолицый человек в светло-серых бриджах; затем он заглянул в пустой стакан и огорчился. – В этих южных морях все не по-человечески: лето зимой, а зимы совсем нет. Зато сколько угодно лихорадки. Брр! Надо бы по этому случаю еще по глотку, а?..

Но его собеседник, убрав виски со стола и указав на сифон с содовой, внушительно сказал:

– Пока мы на дежурстве, – вот ваше питье! А чтобы не было скучно, расскажу назидательную историю. В ней есть даже мораль.

– Валяйте! – согласился краснолицый и прикрыл ладонью

³ Эстансьеро – крупный помещик

невольную зевоту.

– Вот так же, как и мы, в личной охране полковника Луйса подвизался один джентльмен. Звали его, кажется, Мальвини. Он был не плохим служакой, но слишком часто лакал виски, жаловался на сварливую жену и лихорадку. Однажды он исчез. Что случилось с его лихорадкой, неизвестно, но вдовушка торгует теперь в порту спичками. Рекомендую никогда не забывать о судьбе неудачника-Мальвини.

За бортом легшего в дрейф лайнера колыхалась молочная кисея тумана. Из бара вышла на верхнюю палубу парочка: светловолосая девушка и летчик в новом мундире, хорошо облежавшем его статную фигуру. Серебристые полосы на рукаве свидетельствовали о том, что пилот служит не в армии, а в наемном «воздушном легионе».

Молодые люди направились к фальшборту и, остановясь, стали любоваться затуманенным океаном.

Замшелый джентльмен покосился на краснолицего. Тот поспешил сообщить:

– Пилот Наварро, из легиона. Следует к месту службы. Между прочим, известный гусь: был когда-то чемпионом по плаванию. Кумир всех девиц и... никакого делового соображения. Эх, я бы на его месте давно разбогател! Глуп; мог сделать карьеру в армии, но свихнулся.

– Причины известны?

– Начал размышлять!

Летчик явно охмелел; он слегка покачивался, но с себе-

седницей держался вежливо и предупредительно. Это, видимо, было случайное пароходное знакомство. Девушка, наверное, тоже выпила немного вина; она была возбуждена, тербила за рукав кавалера и говорила:

– Взгляните, Рамон, как изумительно кругом!

– Обыкновенный восход солнца, мисс Лилиан. Оно имеет манеру подниматься по утрам, – меланхолично ответил Наварро, закуривая сигарету.

Туман постепенно расползлся; вдали показался остров. Он был окружен белым кольцом прибоя, разбивавшегося на рифах. На острове росли высокие пальмы.

– Так бывает лишь в сказках! – восторженно продолжала девушка. – Остров должен называться очень красиво!

– Не увлекайтесь, Лилиан! – усмехнулся летчик. – Зеленый папа наверняка уже устроил на нем какой-нибудь склад копры или печи для сжигания излишков кофе. Сказок давно нет на свете!

– Ах, вы не хотите понять! На таком острове должны жить только необыкновенные люди! Посмотрите, там вдали светится звезда. Скажите, Рамон, вы верите в то, что у каждого человека есть своя счастливая звезда? Ее только надо найти.

– Не знаю. Вблизи я видел звезды на хвостовом оперении самолета. Они мне ничего хорошего не принесли. Моя звезда закатывается. Прошу вас, – потанцуйте со мной последний раз.

Наварро бережно взял под руку свою спутницу и увел с

верхней палубы.

– Не возьму в толк, – возобновил прерванный разговор краснолицый. – Зачем полковник везет трех арестантов? Особенно этого... кареглазого. Ну и взгляд! Людей с подобными глазами необходимо уничтожать сразу же. Ненавижу таких. Хотел было при посадке закатить ему оплеуху, а он таким сатаной взглянул, что я даже опешил, рука не поднялась.

– Сразу видно, что вас перевели к нам из полиции; слишком прямолинейное мышление, – заметил старший агент. – А наша работа требует соображения: знай, когда бить можно.

– Как прикажете понимать сию премудрость?

– Провожал я однажды из Управления в тюрьму арестанта. Не понравился он мне. Ну я, конечно, по пути съездил ему по роже несколько раз.

– А он вам – сдачи? – догадался краснолицый.

– Ничего подобного! Только коротко сказал: «Запомним!» Ну, привез, сдал и забыл о нем. Месяца через три вызывает меня полковник и говорит: «Нужен толковый сотрудник интеллигентного вида». Я щелкнул каблуками: «К вашим, мол, услугам». А в кабинете у него два каких-то майора. Вдруг один из них и говорит: «Годится вполне. Я эту морду давно заприметил, даже должен ему». Смотрю, тот самый арестант... только в форме. Полковник смеется: «Долги платить всегда полезно!» Ка-ак развернется майор... Меня даже в угол от его удара занесло. Вот какие ошибки бывают!

Я под его начальством больше года работал; многому научил. А рассказываю я вам это для науки. В нашем деле необходимо чутье, – пояснил рассказчик и налил собеседнику в фужер виски.

– Следовательно, среди них могут оказаться и наши? – пришел к выводу краснолицый.

– Вы удивительно догадливы! Кстати, этот кареглазый арестант – наш общий знакомый.

– Мне и то показалось, что уже где-то встречался с ним.

– Месяца полтора назад мы с вами задержали на площади какого-то дурня... Жалкий эмигрантишка, вернулся на родину, кажется, из Аргентины. Он пристал к полисмену с просьбой почитать вслух коммунистическую прокламацию! Должны бы вспомнить: ведь он вам тогда еще зуб вышиб!

– Неужели это он? – изумился краснолицый, потрогав нижнюю челюсть. – Тогда ничего не понимаю: зачем такой болван полковнику?

– Во всяком деле всегда участвуют дураки и умные; причем выигрывают лишь те, кто с головой. Полковник хитер, и просто так он ничего не делает. Запомните это! – и рассказчик многозначительно поднял палец.

* * *

Полковник Луис во время второй мировой войны был резидентом тайной немецкой разведки в странах Латинской

Америку. После поражения гитлеровцев он притаился, но ненадолго. Его ненависть к коммунизму привлекла внимание агентов Зеленого папы. Вскоре он был приглашен на секретную службу: нужно было любыми путями вести разведку в странах Центральной и Южной Америки и убирать с пути враждебные компании элементы.

Служба оказалась очень прибыльной; в ней были заинтересованы, кроме «Юнайтед фрут», еще и «Стандарт ойл», «Ванадий корпорейшен» и много других компаний. Благодаря подкупам и влиянию Уолл-стрита, он получил доступ к секретным документам и выступил в роли шефа тайной полиции многих республик. К его указаниям даже прислушивались министры внутренних дел.

В это раннее утро полковник Луис смазывал маленький маузер – подарок Гимmlера, которым чрезвычайно гордился.

Адъютант с прилизанным пробором, почувствовав хорошее настроение шефа, вкрадчиво спросил:

– Сеньор полковник, почему вы всегда чистите пистолет сами? Я был бы счастлив...

– Мы, солдаты, бодрствуем во мраке, – цветисто ответил Луис, – в своем оружии должны быть уверены в любую минуту.

– Но ваше время так драгоценно, – замялся адъютант.

– Есть кое-что поценнее, – ответил полковник. – Собственная жизнь! Катер с острова придет минут через сорок.

Приведите ко мне этого ковбоя. Следователи, кажется, не сумели разобраться в нем. Посмотрю; может, пригодится для разведывательных целей.

Адъютант вышел на палубу первого класса. Захватив краснолицего охранника, он спустился по трапу за пленником.

Когда они вытолкали арестанта из камеры, он все время порывался вежливо уступить дорогу, но ничего путного из этой затеи не получилось: ковбой безбожно давил ноги, по минутно извинялся и задерживал всех. Поднимаясь по трапу, он обратился к адъютанту:

– Господин старший, чего же меня домой не отпускают?

– Прекратить разговоры! – прикрикнул тот.

Полковник, поглядев на доставленного ковбоя, жестом отпустил всех.

– Как вас зовут? – спросил он, пристально взглянув на арестанта.

– Я уже всем начальникам рассказывал... Роберто Юррита! А все равно не отпускают!

– Сядьте, Роберто, отвечайте на вопросы!

– Сижу, тридцать лет сижу, а что толку? – пробормотал Юррита, присаживаясь на краешек стула.

– Вас держат всего лишь сорок два дня, а вы уже успели надоесть всем своей феноменальной тупостью!

– Как? – оживился арестант и даже заерзал на месте. – Могу я спросить, – что бы значило это словечко?

– Оно означает, что ты такой дурень, какого еще никто не видывал! – объяснил полковник, всегда гордившийся своим хладнокровием.

– А-а! Ну, это-то мне и прежде говорили.

Некоторое время Луис пытался проникнуть во внутренний мир собеседника, но скоро убедился в бесплодности этого занятия. Арестант оказался на редкость глупым, и вытянуть из него что-либо было просто невозможно.

– Н-да! Догадываюсь, как вы осточертели моим следователям! – наконец сказал полковник, вытирая платком лоб.

– Так ведь не я, а они пристают ко мне с пустяками! – пожаловался арестант. – Вот когда я был гаучо⁴ у дона Густаво. Да вы его, наверное, встречали. Его любая собака знает...

Сдерживая нараставший гнев, Луис строго приказал:

– Отвечайте только на вопросы. Кто ваши родители?

– Мои родители, в том числе и мамаша, скончалась при моем рождении, а возможно, немного позже. Никто достоверно не знает, а я сам был в те дни очень маленький. Я, видите ли, бедный сирота! – сообщил арестант с подкупающей простосердечностью.

– Послушайте, вы... бедный сирота! Вас арестовали за приставание к полисмену с листовкой!

– Как, и вы о том же? – изумился пленник. – Сунула мне на улице какая-то девчонка пачку листиков. Я даже обрадовался: думаю, афишки насчет цирка. В цирке мне нравится:

⁴ Гаучо – ловкие наездники-пастухи

клоуны, лошади под музыку пляшут. В дверях самый настоящий генерал стоит, весь в золоте. Строгий, – у него без билета не проскочишь.

Глаза арестанта разгорелись, но полковник вовремя остановил его и заставил вернуться к истории с прокламацией.

– Смотрел-смотрел, ничего не понял: читаю я плохо, – продолжал рассказывать Роберто Юррита. – А на площади полицейский; я к нему: «Прочти, добрый человек, объясни, что к чему?». Смотрю, а у него глаза на лоб, – видно, тоже неграмотный. «Отдай, – говорю, – афишку, поищу людей поумней». И стал я эти листочки прохожим совать. Только и всего. А полицейский цап меня за ворот и давай свистеть. Тут еще двое подскочили, рожи такие – карманы береги. Один меня в зубы – я его... так и пошло. Драчунов не тронули, а меня в тюрьму. В Аргентине, правда, меня тоже за решетку водили, но к утру вытолкали, даже сна не дали досмотреть.

Полковник глубоко вздохнул и опять вытер лоб. Один из следователей высказал подозрение, что вернувшийся на родину ковбой не так глуп, как притворяется. Проверка установила, что человек, по имени Роберто Юррита, действительно проживал когда-то в скотоводческих районах Аргентины и числился среди неблагонадежных.

Следователей также смущала внешность арестанта. Большой высокий лоб, серые, словно смеющиеся, чуть прищуренные глаза делали его лицо чрезмерно интеллигентным

для неграмотного ковбоя. А на допросах он казался болтливый идиотом, изводящим не относящимися к делу вопросами и бесконечными рассказами.

– Ваши политические убеждения? – как бы между прочим поинтересовался Луис.

– Чего? – искренне недоумевал Роберто Юррита.

– Ну, кому вы сочувствуете? – упростил вопрос полковник. – Католикам, анархистам... социалистам? Что нужно, по-вашему, чтобы людям жилось лучше?

– Ах, вот вы о ком! – обрадовался арестант. – Значит, тоже о бедняках подумываете? Это хорошо! Вам бы с одним моряком поговорить. В десяти словах умел все объяснить: богачей, значит, по шапке, а народ сам, без них хорошую жизнь наладит...

– Где этот чертов моряк?

– В Уругвае остался. Звал я его с собой, а он: «Нет, – говорит, – своих дел хватит, без меня добивайтесь».

– Так вот ты за каким дьяволом вернулся? Бунтовать захотелось?

– А как же! Если начнется, я от людей не отстану.

– Понятно! Твое счастье, что ты бедный сирота! – сказал полковник.

Вглядываясь в безмятежно-спокойные глаза допрашиваемого, Луис пришел к выводу: «Наследственный идиотизм. Потому и обманчив весь его вид. Вырождение!»

– Скоро ли меня отпустят, господин начальник? – спросил

Юррита. – Тут все какие-то скупые, есть ничего не дают.

Полковник молча подчеркнул надпись «бессрочная карта» на сопроводительной карточке, позвонил адъютанту и приказал:

– Уведите этого идиота, надоел.

* * *

Туман, разгоняемый утренними лучами солнца, постепенно рассеивался. Капитан уже посылал штурмана к полковнику, по приказу которого лайнер несколько отклонился от обычного курса и лег в дрейф. Луис ответил, что по прибытии катера с острова можно будет продолжать рейс. Зная, какую роль играет полковник в этих краях, капитан не рискнул больше надоедать ему. Плюнув на расписание, он сдал вахту старшему помощнику и завалился спать.

Пассажирам первого класса было безразлично, где находится пароход. Их больше интересовало местонахождение стюарда, уже разносившего по каютам виски с содовой. Все шло именно так, как и положено во время океанских путешествий.

Наварро вновь появился на палубе. Он перехватил мчавшегося с подносом стюарда и попросил:

– Голубчик Самбос! Три коктейля истребительного типа. Вон на тот столик, если джентльмены не возражают.

Джентльмены не возражали. Стюард, польщенный оригина-

нальным обращением, довольно быстро выполнил просьбу летчика.

Краснолицый оживился.

– За успех в жизни! – провозгласил он, поднимая фужер.

Наварро чокнулся с ним.

– Благодарю, – сказал он. – Вот именно этого мне и не хватает!

– Странно! – заметил джентльмен с замшелым лицом. – Вижу первого военного, жалующегося на судьбу. Молод, красив, небеса к услугам... Чего же вам еще надо?

– Честно работать и получать свои деньги. Не желаю вмешиваться в чужие дела, и пусть ко мне никто не суется! Каждый должен жить, как ему нравится!

– Программа – одно восхищение! С таким мировоззрением можно далеко преуспеть в жизни.

– Не выходит! – признался летчик. – Во все мои начинания под конец обязательно впутается какая-нибудь пакость. Прямо злой рок!

Чувствовалось, что ему хотелось поделиться с кем-либо своими злоключениями.

– Был я когда-то рекордсменом по плаванию. Сперва все шло отлично, потом вдруг ни с того, ни с сего мне предложили проиграть слабому пловцу. Эх, и славно же летел от меня антрепренер по лестнице!

– За это вам, конечно, дали под зад и выгнали? – спросил краснолицый, стремясь предугадать развязку.

– Нет! Просто девушка, довольно симпатичная, будто случайно оцарапала мне булавкой руку. Началась весьма странная инфекция. Пришлось плыть с распухшей рукой. Ну, конечно, как тут выиграешь!

– Остроумно проделано! – восхитился джентльмен с замшелым лицом.

– Стал инструктором. Думал, других научу плавать, – все меньше утопленников будет; а меня заставили развлекать в бассейне пышных дамочек. Закатит глаза этакая пышка килограммов на восемьдесят и шепчет: «Ах, держите крепче, я, кажется, тону!» А жиру в ней – топи, не утопишь!

Слушатели расхохотались. Летчик, не замечая их веселья, продолжал:

– Призвали в армию, сделали пилотом. Рассчитывал летать над Антарктикой. Да кому нужны мои мечты? Нанялся вот теперь в легион, буду возить грузы.

– Бомбы, между прочим, тоже именуются грузом, – напомнил джентльмен с замшелым лицом.

– Только работа, мистер! Я не собираюсь воевать! – решительно сказал летчик.

– Какая разница, – привезете вы консервы или оружие? Винтовку возьмет другой, закусит вашими консервами и пойдет стрелять. Цивилизация!

– Не интересуюсь политикой, мои идеалы...

– Идеалов не существует! Их выдумали коммунисты, – перебил его джентльмен с замшелым лицом.

– Точно! – едва ворочая языком, подтвердил краснолицый.

Летчик вскоре покинул странных джентльменов. Отойдя к фальшборту и задумчиво глядя на расплывшиеся клубы тумана, он вслух рассуждал:

– А пожалуй, эти каналы правы: грузом могут быть и бомбы. Но я их бросать не буду.

Внизу, у трапа, покачивался морской катер. Он только что выскочил из тумана. Это было небольшое суденышко с короткой мачтой и зачехленным пулеметом на носу. Прибывшие поднялись на борт лайнера.

Чернобровый человек в черном плаще и военной фуражке доложил подошедшему адъютанту Луиса:

– Капрал Варош. Прибыл по приказанию майора Чинча!

Хотя он и четко выговаривал слова, но чувствовался акцент, обычно присущий людям, говорящим на не родном языке.

Адъютант забрал запечатанный пакет и, приказав подождать, ушел к полковнику.

Наварро тем временем, перехватив у стюарда бифштекс и графин виски, уселся за крайний столик под тентом.

– Капрал, вы с этого острова? – спросил он прибывшего. – Завидую вам. Ну-ка, хлопните стаканчик, пока начальство не видит, – и он дружелюбно протянул гостю виски.

Капрал не заставил себя упрашивать: оглянувшись, он

произнес:

– За вашу удачу, господин летчик, на земле и в воздухе!

Залпом выпив виски, капрал поставил на стол стаканчик и доверительно сказал:

– А завидовать, разрешите доложить, не приходится. Этот остров... он хорош лишь издали. А так – пальмы, камни да тоска. Главное – тоска.

Вернувшийся адъютант поманил к себе капрала, и они по трапу спустились в трюм. Наварро опять погрузился в бездумное созерцание рассвета над океаном.

Летчик не заметил, как на палубе показался высокий широкоплечий человек, сопровождаемый краснолицым джентльменом и капралом. Поравнявшись со скучающим Наварро, пленник неожиданно шагнул к его столику, схватил с тарелки бифштекс и, поклонившись, сказал:

– Благодарю, сэр! Весьма признателен!

При этом спокойно стал рвать бифштекс зубами.

Краснолицый, зашипев, как кот, которому наступили на хвост, двинул похитителя кулаком в бок, но голоса не подал. Странная процессия молчаливо проследовала к трапу и словно растворилась. Наварро изумленно смотрел им вслед.

– Сомнительно, чтобы все это мне приснилось, – сказал он озадаченно, – бифштекс только что вот тут был! Не пьяный ли его схватил? – Вдруг летчика осенила догадка: – Да он просто голоден, сидел в арестантском трюме. Стюард! Немедленно дюжину самых отборных бифштексов!

Наварро вскочил. Он бы побежал за неизвестным ему голодным парнем, если бы джентльмен с замшелым лицом, сидевший невдалеке и наблюдавший за всем происходящим, не удержал его.

– Не вмешивайтесь, пилот, не в свои дела, – ведь это не соответствует вашему мировоззрению. В ближайшем будущем вам вполне хватит собственных огорчений.

Никто не заметил, как на верхней палубе появилась девушка в светлом плаще. Она остановилась в тени около шлюпбалки и смотрела вниз.

Зарокотал мотор, послышался свисток – сигнал отплытия. В ответ прозвучал басистый гудок и за кормой зашумели винты. Лайнер и катер распрощались. Если бы в эту минуту кто-либо находился рядом с девушкой, он расслышал бы, как она, вздохнув, прошептала:

– Счастливого пути, мой милый! Возвращайся скорей!

На корме уходящего катера среди трех арестантов сидел широкоплечий усатый ковбой. Лишь он сумел заметить рядом со шлюпбалкой женскую фигуру в светлом плаще. Она сняла с себя шарфик и помахала ему.

Полковник Луис, к которому вернулось хорошее настроение, увидев в иллюминатор уходящий в туман катер, закурил сигару и оказал пришедшему агенту из «Юнайтед фрут компани»:

– Сейчас на остров Панданго отправилась довольно любопытная компания. Один из них – явный коммунист, а другой

– наш тайный осведомитель. И в придачу к ним – совершеннейший дурак. Очень забавная комбинация!

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОСТРОВ МЕДЛЕННОЙ СМЕРТИ

На огромном темно-синем небосводе тропиков, густо усыпанном изумрудными, желтыми, фиолетовыми и красноватыми мерцающими звездами, ровно и ясно сияло скромное созвездие Южного Креста.

Беспрестанной чередой набегали волны прибоя на каменистые берега затерянного в океане острова Панданго и с шипением откатывались.

Одинокий остров во всех лоциях был помечен как необитаемый, но эти сведения не соответствовали действительности: на Панданго уже несколько лет ссылались люди, приговоренные к медленной смерти. За пальмовой рощей раскинулся, скрытый под сенью огромных деревьев, концентрационный лагерь, начальство которого подчинялось лишь полковнику Луису.

В крайнем бараке для белых, сооруженном из бамбука, тростника и пальмовых листьев, каторжники, копошась на трехэтажных нарах, готовились ко сну. Один из них, по имени Мануэль, с грустью рассматривал свои штаны. Они ничем не отличались от традиционной полосатой формы каторжников, разница была лишь в количестве дыр на парусине.

– Они честно прослужили три года, Мануэль; от них нель-

зя ожидать невозможного, – сказал черноглазый и смуглый Жан, лежавший на верхних нарах.

– Да, три года и десять дней... Вполне достаточно для человека, не говоря уже о штанах, – согласился Мануэль и положил одежду у стены вместо подушки. Оставшись в ветхих трусах, он взобрался на нары и там, подняв руку, торжественно произнес:

– Будь проклят остров Панданго! Провалиться бы ему вместе с Зеленым папой, его диктаторами и военной хунтой. Аминь!

Закончив странное заклинание, он трижды плюнул и улегся спать.

– Ты настойчив, – заметил Жан. – Я слушаю твои проклятия уже много времени; они неизменны.

– Кто-то должен провалиться; либо остров, либо наши враги. Ни на что другое я не надеюсь. Отсюда не убежишь, – ответил Мануэль.

Вдруг входная дверь с грохотом распахнулась под ударом чьей-то ноги. В барак вошли два стражника с автоматами в руках.

– Встать! – рявкнул один из них, выпятив вперед длинную челюсть. В лагере его называли «Лошадью».

У второго автоматчика на лице виднелись рубцы и лиловые шрамы, поэтому ему дали кличку «Лиловый».

– Обход врача! – крикнул стражник. – Встать!

Появившийся медик Эулохия Вилламба – пучеглазый и

круглый, как кубышка, испанец – строго оглядел арестантов, стоявших перед ним вытянув руки по швам. Потом он взглянул на нары, туда, где лежал арестант, укрытый циновкой.

– Смеет дрыхнуть в моем присутствии! – возмутился представитель милосердия и вытянул лежащего хлыстом.

– Он не встанет, господин доктор. Он умер! – доложил Мануэль.

– Как умер? Когда умер?

– Лишь вы изволили войти, господин доктор, он и того... Видно, сердце не выдержало! – объяснил Жан.

Медику почудилась в ответе какая-то ирония, но смиренный вид заключенного успокоил его, и он важно произнес:

– Как рапортуешь? Слишком много рассуждаешь... Необразованные черти! – Осмотрев мертвого, врач согласился: – Да, действительно подход. Кто он?

– Был когда-то человеком. Звали его, кажется, Мальвини, – отрапортовал Мануэль, презиравший соседа. В Мальвини все подозревали шпиона.

– Болван, номер говори... У вас здесь нет имен!

Записав номер, Вилламба добавил:

– Жаль мне вас, негодяи. Зачем только вы существуете на свете?

Из полутьмы появился сгорбленный седой человек. Он снял измятую и дырявую фетровую шляпу и с поклоном произнес:

– Рад вас видеть, коллега. Если будут затруднения, прошу

не стесняться, обращайтесь ко мне.

Никто не знал, за что этот старик попал на остров, но к нему все относились хорошо и звали его «профессором». Его старомодная вежливость в лагере выглядела нелепо; стражники потешались над ним.

– А-а, ученое светило! Очень кстати, – с серьезным видом произнес медик, а стражники, предчувствуя забаву, ухмыльнулись. – А ну, господин профессор, определите, – когда подох этот тип?

– Таких выражений я не признаю, – строго заметил старик. – Советовал бы и вам воздержаться.

Медик задохнулся от злости.

– Что? Ты мне еще указывать будешь? – заорал он. – А ну, повертись, как земля вертится!

И беспорядочные удары хлыста посыпались на профессора. Жан, желая выручить старика, окликнул разгневанного медика:

– Сеньор доктор! Разрешите доложить... Охота вам так затрудняться? Он же не оценит современных медицинских забот. Он же профессор старой формации!

Медик остановился, пытаясь уяснить скрытый смысл этих слов. Все знали, что Вилламба был туп и зол, он ненавидел людей, которые были умнее его. Пока он размышлял, Мануэль успел подтолкнуть пришельца, и тот, надев шляпу, засеменил в другой конец барака.

– Я и до тебя доберусь! – пообещал медик, потрясая хлы-

стом перед носом Жана. – Больно непонятно говоришь. Вы все здесь в сговоре. Перестрелять бы вас следовало, а не посылать на остров!

– Топить, сеньор доктор, топить живыми! – поддержал Лошадь, говоривший с заметным немецким акцентом.

Приказав убрать труп, Вилламба покинул барак. Вместе с ним ушли и стражники. Каторжники, проклиная порядки на острове, стали карабкаться на нары и укладываться спать.

Вскоре в бараке все стихло. Мануэль, тронув Жана, тихо сказал:

– Зачем ты дразнишь этого ветеринара? Когда-нибудь он поймет и прошибет тебе башку.

Жан сжал кулаки.

– Я уже не в силах переносить это, – сказал он. – Скоро кому-нибудь вцеплюсь в глотку.

Через некоторое время дверь вновь распахнулась: в барак вошли капрал Варош и какой-то новичок в одежде ковбоя.

– Где освободилось место? – спросил Варош. – Каторжник 14 450, вот ваша койка, – и он указал на пустующее место Мальвини.

Широкоплечий человек положил на нары оловянную миску, ложку, тряпку, именуемую полотенцем, и самое главное – без чего нельзя и дня прожить под палящим солнцем тропиков – широкополое сомбреро, сплетенное из волокон пальмовых листьев.

– Ну что ж, – сказал он. – Гостиница приличная. Думаю,

не скучно будет.

Варош взглянул на новичка – все они бодрятся вначале – и, уходя, посоветовал:

– Будешь держать язык за зубами – проживешь дольше. Запомни! Это не обычная каторга, а остров Панданго!

– Спасибо, капрал, учту. – Новичок обвел неторопливым взглядом нары и, как бы про себя, добавил: – Никогда не слышал о таком острове.

Жан не удержался и в полудремоте пробормотал:

– Новенький, поверь мне, этим островом ты будешь сыт по горло. Ложись-ка спать!

Как только ушел капрал Варош, из прохода появился коротконогий человек в полосатой одежде. Он шел босиком, неся парусиновые башмаки с деревянной подошвой в руках. Прислушавшись к дыханию спящих, он приблизился к новичку и негромко сказал:

– Привет мужественному борцу за наше дело... за наше общее дело, – поправился он. – Друг! Расскажи, как идет борьба там на воле. Даже крохотная весточка согревает нас.

– Да здесь вроде не так уж и холодно, – ответил новичок, разглядывая гостя.

Пришедший, не обращая внимания на иронию, продолжал свое:

– Мы здесь измучились, устали, находясь на... на краю бездны. Надеюсь, они не дознались, что ты в компартии?

Мануэль предупреждающе кашлянул, но никто не обра-

тил на него внимания.

– А ты сам коммунист, что ли? – поинтересовался новичок.

Гость замахал руками.

– Тсс! Зачем так громко? – зашептал он. – Здесь шпионов полно. Все подслушивают... очень нехорошие люди! Друг, прошу, остерегайся их!

Новичок усмехнулся и так хлопнул пришедшего по плечу, что тот невольно поморщился.

– Ладно, друг, запомню. Заходи утром, сегодня я устал.

– Хорошо, хорошо... Обязательно зайду! Вот тогда мы...

– Да, уж тогда я из тебя всю пыль разом выколочу, а сейчас извини, – обессилел. Впрочем, что ни сделаешь для друга. – И новичок недвусмысленно стал подниматься. Гость моментально съезжился и шмыгнул в темноту.

Мануэль рассмеялся; он никак не ожидал такого исхода подслушанной беседы.

– К нам этот тип давно уже не суется. Быстро ты раскусил его, – сказал он, с любопытством глядя на новичка. А тот, словно не слыша его, молча стал расшнуровывать ботинки.

В этот вечер, оказывается, не спали и в другом бараке. Хлопнула дверь, послышались чьи-то шаги. Появился рослый парень, богатырского сложения. На вид ему было не больше двадцати двух лет. Огромные руки неуклюже оттопыривались, а все движения говорили о большой неловкой силе. Смущенно потоптавшись, почесав широкий курносый

нос, парень кашлянул и, напустив на себя строгость, приказал:

– Вот что... Снимай пиджак!

Новичок взглянул на силача и продолжал сидеть с равнодушным видом. Вокруг слышалось посапывание и храп.

– Давай, не раздумывай! Я ж Кончero! – сообщил, свое имя богатырь.

Но его слова не произвели ожидаемого впечатления на новичка. Ковбой улыбнулся и устало сказал:

– Пиджак не по твоему плечу, маловат будет.

Кончero не ожидал отказа. Нахмурясь, он грозно повторил:

– Неважно... Давай – и всё!

В стороне какой-то арестант заворочался и страдальческим голосом посоветовал:

– Новенький, не тяни волынку – отдай пиджак и не мешай спать.

– Как это отдай? – отозвался ковбой. – Я не привык делать подарки незнакомым людям и не люблю, когда у меня так категорически просят. А если я не отдам, что будет?

Кончero озадаченно почесал за ухом и ответил:

– Так я же сильнее всех. Как ты не понимаешь? Поколочу тебя – и всё!

Ковбой осуждающе покачал головой и, словно решив подчиниться силачу, стал снимать пиджак.

И вдруг произошло что-то непонятное: ковбой неожидан-

но выпрямился, коротким движением так ударил силача, что тот закачался и рухнул на землю.

Мануэль стал тормошить Жана:

– Вставай, смотри, что делается.

Кончero вскочил и бросился на новичка, но ковбой ловко уклонился от него и тем же неуловимым приемом опустил ребро ладони на напряженную шею противника. И снова силач грохнулся на земляной пол.

Проснувшийся Жан склонил голову и полюбопытствовал:

– Слонище, ты жив еще?

Кончero сидел с обалделым видом и трогал голову, как бы желая убедиться, на месте ли она.

– Колдовство, не иначе! – бормотал он.

– От такого «колдовства» иногда и совсем не встают, – решив припугнуть его, сказал Жан.

– Ну, будет тебе, поднимайся! – приказал ковбой. – Не до утра же с тобой возиться! Часто такие гости заглядывают к вам? – спросил он у проснувшихся каторжников.

– Эти уголовники надоели хуже Панданго. Их тут целая банда, грабят всех.

– Аи, какие они нехорошие! – посочувствовал новичок. – И заступиться за вас некому?

Он шагнул к поднявшемуся силачу и, смотря ему в глаза, спросил:

– Тебя за такие дела ночью еще никто не брал за глотку?

Кончero простодушно мотнул головой, – нет, не брали.

– Зря. Ночью, когда слоны спят, их без труда можно придушить. Подними пиджак! – прикрикнул победитель. – Я же говорил, он не по твоим плечам. Почисти на нем пыль. Вот так! А теперь ступай и подумай над моими словами.

И общепризнанный силач, послушно выполнив приказание новичка, поплелся к выходу.

Возле барака его подждал однорукий уголовник.

– Тебя лишь за смертью посылать, – проворчал он. – Где добыча?

– Он не отдает. Ночью, говорит, когда спят слоны, их легко... – И Кончero, запамyтовав произнесенное слово, провел рукой по горлу.

– Задушат! – догадался Однорукий. – Если обещали, – покупай гроб! Ложись теперь от меня подальше, а то еще перепутают!

– Я же не для себя, ты велел.

– Велел! Но нужно разбираться, на кого идешь. Вот задушат, – что делать будешь? – потешаясь над растерянностью силача, сказал Однорукий и тут же снисходительно пообещал:

– Твое счастье, что я бесстрашный. Так и быть, заступлюсь.

Над рощей поднялась луна. Блеклый неживой свет озарил остров... Черные – тени пальм заколыхались на стенах барачков. Вдали шумел прибой.

Когда ушел Кончero, Мануэль первым нарушил молча-

ние. Порывшись в кармане, он достал кусок маисовой лепешки и протянул новичку.

– Не кормили ведь? На, погрызи.

– Бить били, а покормить забыли, – ответил ковбой и, подмигнув ему, стал грызть сухую лепешку.

Мануэль искоса поглядывал на смуглое лицо новичка с белесыми усами и не мог вспомнить, на кого же из его старых друзей он похож.

– А ты остер на язык, – сказал Мануэль ковбою. – Насчет обиженных уголовниками ловко проехался.

Новичок слизнул с ладони крошки и, прислушиваясь к посапыванию Жана, негромко заговорил:

– Иногда даже боевые друзья не любят метких замечаний и не узнают. Помню, пришлось в горах от полиции отбиваться. Один парень впервые ружье получил. Он зажмурил глаза от страха, ткнулся носом в землю и стреляет неизвестно куда. А другой, уже обстрелянный, хлопнул его по заду и посоветовал: «Эту часть тела опусти, а голову подними выше, тогда увидишь, в кого стрелять надо». Ну и обозлился же тот парень!

Мануэль соскочил с нар, рывком схватил новичка за руку и потянул его к окну, в полосу лунного света.

– Кто ты? Откуда знаешь про это? – спросил он.

– Мы с тобой, Мануэль, у одного костра спали и листовки про Зеленого папу сочиняли.

– Реаль! – стиснув новичка в объятиях, обрадованно за-

шептал Мануэль. – Пусть оторвут голову, если не ты!

– Молчи. Меня зовут Роберто Юррита. Я бедный сирота.

Луч луны, пробиваясь сквозь проволоку окна, падал на утоптаный земляной пол. Мануэль и Хосе устроились у окна так, чтобы их не заметили, если кто войдет в барак.

На всех трех этажах нар каторжники, ворочаясь во сне, скрипели зубами, стонали, бредили.

– Знаешь, Хосе, мы ведь все время ждали; думали, товарищи победят и спасут нас. Оказывается, это дело долгое. Здесь будет тяжело тебе, – все время надо быть начеку. Язык губит скорей, чем лихорадка и пеллагра.

– Много ли наших на острове? – спросил Реаль.

– Человек триста-четыреста наберется. Многим приходится скрывать свое прошлое. За нами охотятся шпионы. Стоит им узнать хоть что-нибудь – замучают или сумасшедшим сделают.

– Веселая перспектива! А как насчет побега?

– Сюда легко попасть, но уйти невозможно.

– А пробовали?

Мануэль безнадежно махнул рукой.

– Наш лагерь обнесен электропоясом. Стоит прикоснуться к проводам – и ты готов! А если прорвешься через электропояс, с острова не уйдешь. Его охраняют быстроходные катера. Сторожат днем и ночью. Рядом с Панданго – скалистый мыс Бородавка. На нем находятся комендатура, электростанция и маяк с вращающимся прожектором. Стоят ско-

рострельные пушки и пулеметы. Вот и попробуй бежать.

– А где живет охрана?

– В основном – на Бородавке. На Панданго пребывают только дежурные надзиратели и смена стражников. Живут они в помещении первого поста. Ты видел его у входа в лагерь. Высшая власть в лагере – майор Чинч, а всеми стражниками командует капитан Томазо. Свирепейшая личность! Стражники – бывшие гестаповцы, фалангисты либо убийцы, удравшие из стран народной демократии. Нас они ненавидят.

– А какова связь между островом и утесом?

– По дну пролива проложены электрокабель и телефон. Часто ходят катера.

– Предусмотрено все, как я и ожидал, – задумчиво произнес Хосе.

– Спасти себя отсюда собственными силами невозможно. Некоторые мечтают о помощи со стороны, но они не учитывают, что существует военно-морская база. По радио с Бородавки всегда могут вызвать военные корабли.

Реаль неожиданно улыбнулся; его зубы сверкнули при лунном свете.

– Я вижу, ты изучил все особенности, – негромко сказал он. – Это хорошо!

– Чего же хорошего? Каждый здесь задумывается о бегстве. Но убеждается, что спасения нет.

– А вот это зря! – укорил его Хосе. – Люди не из таких

мест убегали. Ты сам же рассказывал мне о своем побеге со свинцовых рудников. Там тоже была стража. И все же сумели вы вырваться?

– Вокруг не было океана. И бежали мы втроем.

– Вас там было несколько тысяч, мой друг! Но не все были изобретательны и смелы. Дело, – очевидно, в другом. И здесь нужно думать и искать.

Мануэль не спал всю эту ночь. Он вспомнил давний бой в горах, свой позор под пулями и злость на соседа, заметившего, что он прячет голову в камни. Мануэль тогда рассвирепел и готов был убить насмешника, а позже... стал подражать ему.

«Хосе – крепкий парень! На ветер слов не бросает. Авось вместе с ним и удастся убежать с острова. Мы же ничего не теряем, так и так – смерть».

ГЛАВА ШЕСТАЯ ПРОИСШЕСТВИЕ НА ПАНДАНГО

Каждое утро, едва начинало светать, в лагере раздавалась пронзительная сирена. Каторжники, словно от ударов хлыста, вскакивали с нар и спешили одеться. Им надо было успеть вымыться и занять очередь в столовую, так как запоздавшие оставались голодными до вечера.

После завтрака, состоявшего из тапиоковой⁵ похлебки, с плодами пандануса и черного кофе с маисовой лепешкой, обитатели лагеря выстраивались на поверку. Белые – европейцы и креолы – стояли в одной шеренге, метисы с мулатами⁶ – в другой, самбос⁷ – в третьей.

В полосатых рядах виднелось множество людей в рваной одежде. Это были новички. Они не получали казенной униформы, пока не снашивали свою собственную одежду.

Окруженный автоматчиками, слегка прихрамывая, по-

⁵ Тапиока – крупа, приготовленная из клубневидных корней южноамериканского растения маниок

⁶ Мулаты – жители Латинской Америки, происшедшие от смешанных браков европейцев с неграми

⁷ Самбос – жители Латинской Америки, происшедшие от браков негров с индейцами

явился начальник лагеря – майор Чинч. За ним следовал черноусый капитан Томазо. Если майор всем своим видом – нависшими на глаза бровями, порыжевшими бакенбардами и широким носом – напоминал старого потрепанного льва, то «африканский капитан», так прозвали на острове Томазо, походил на злобную пантеру, готовую кинуться в любую минуту на кого угодно. Никто не видал его без хлыста, сплетенного из буйволово́й кожи. Бил он им так, что шрамы оставались на всю жизнь.

Варош гаркнул команду; люди замерли в строю.

Из рапорта выяснилось, что за истекшие сутки ничего особенного не произошло. Четверо заключенных скончались от пеллагры, двое – от лихорадки и один повесился.

Томазо зычным голосом объявил:

– Начальник лагеря, наш добрейший майор Чинч, разрешает вам раз в месяц обращаться к нему с просьбами. Обращайтесь!

Осунувшийся человек, преждевременно превратившийся в изможденного старика, выступил из строя и невнятно прошамкал:

– Шеньор майор, я ошталшия беш шубов...

Томазо щелкнул хлыстом и заметил:

– Наши деликатесы и без зубов слопаешь. Подумаешь, жених нашелся!

– Относительно зубов – это к врачу. Да и зачем они вам? – поинтересовался Чинч, нахмутив свои брови-щетки.

– Шеньор врач выбил их ручкой от хлышта, – необдуманно сообщил старик.

– Не выбил, а удалил! На то он и врач, чтобы знать, какие зубы у тебя лишние. Жалобщик! Всыпать ему десяток палок и добавить столько же за неуважение к науке. Ну, кто там еще?

Новых просителей не отыскалось. Старший надзиратель, по кличке «Тумбейрос», так называли прежде португальских работарговцев, почтительно поклонился и сказал:

– Сеньор майор, каторжник тысяча шестьсот третий просит вашей милости... Оборвался совершенно. Послушен, дисциплинирован. Поощрили бы, для примера остальным. Эй, итальянец!

Исхудалый высокий человек выступил из рядов. Из локотьев у него просвечивало голое тело. Стражник почти уперся в его тощий живот автоматом. Лишь так дозволялось приблизиться к начальству.

– Покорился? – спросил Чинч.

– Так точно!

– На колени, проси, как положено, – приказал Томазо. – Повторяй за мной: «Я, каторжник тысяча шестьсот три, униженно прошу дать мне униформу, которую я заслужил беспрекословным послушанием».

Заклученный медленно опустился на колени и чуть слышно повторил слова «просьбы». Майор довольно почесал бакенбарды, видя полное унижение заключенного.

– Карамба! Почему я так великодушен сегодня? – пробормотал он. – Дать этому червю новую «полосатку»! Ну, кланяйся, паршивый макаронщик!

Тумбейрос отвел итальянца в сторону, для отправки на склад после развода.

Чинч важно откашлялся и приступил к главной цели своего появления на утреннем построении. Вытащив список, он грозно произнес в наступившем молчании:

– Каторжник пятьсот тридцать восьмой!

Из шеренги вышел истощенный старик.

– Почему ленишься, медленно работаешь?

– Я стар и слаб, господин начальник.

– Стар – подыхать надобно! Дать ему десять палок и столько же добавить за возражение!

– Но ведь, я ничего обидного не сказал! – взмолился заключенный.

– Добавить еще пять за болтовню!

Не обращая больше внимания на старика, Чинч отрывисто приказал:

– Каторжник тысяча четыреста сорок третий, выйти из рядов. Наручники!

Стражник ловко защелкнул на запястья побледневшего человека наручники. Майор торжествующе подошел к нему и ударил по лицу.

– Взять на Бородавку! Ну, Гарсиа Пинес, нам известна твоя настоящая фамилия и принадлежность к компартии.

Долго ты маскировался, но теперь не уйдешь от кары, приговор будет приведен в исполнение.

Пинес, уже цепко схваченный стражниками, успел лишь выкрикнуть:

– Компанейрос, меня выдал... .

Один из стражников ударил его кулаком в переносицу. Пинес захлебнулся кровью. Разбивая, стражники оттащили несчастного в сторону. Все молчали в напряженной тишине.

– Развести на работы! – приказал Чинч.

Начался развод групп. Томазо, щелкая хлыстом, подгонял людей в полосатых одеждах.

– Шевелись, мертвецы, быстро!

Один из стражников заметил своему приятелю: «Африканский капитан» пребывает в превосходном настроении!»

– А как же! Стакан рому да бутылка вермута с утра... и ни в одном глазу. Он у нас весельчак!

Старший надзиратель, отправив отряды каторжников на работы в мастерские, на плантации, на рытье туннеля шахты, стал собирать группу для «промывки воды» – так назывались бессмысленные работы, которые давались политическим заключенным.

– Барак номер один! Нале-во... шагом марш! – скомандовал он.

Почти в конце длинной вереницы шел Хосе Реаль, успевший за недельное пребывание привыкнуть к режиму морской каторги. За ним шагали Мануэль и Жан. Поравнявшись

с обитателями соседнего барака, ожидавшими отправки на работы, Мануэль шепнул:

– Видишь на левом фланге горбоносого парня? Мне только что сообщили наши... это он выдал Гарсиа Пинеса!

Хосе увидел кривоногого португальца, стоявшего в конце шеренги. Португалец был бледен. Вороватым взглядом он провожал стражников, уводивших человека, для которого сегодня последний раз светило солнце.

– Запомним! – произнес Хосе. – И отомстим за тебя, Пинес, – поклялся он.

* * *

День был жарким. Чинч грузно уселся на плоский камень под зеленую сень широкой листвы. В ожидании медика он закурил сигарету с золотым ободком.

Когда-то Чинч был обыкновенным армейским кадровиком, не имевшим надежд на продвижение в Южной республике. Если бы его не послали в начале 1941 года в Испанию для приемки закупленных пушек и он не попал бы на попойку фалангистов в Малаге и не познакомился там с полковником Луисом и майором Эстеваном Инфантес, формировавшим «Голубую дивизию», то судьба бы его не изменилась. Они быстро тогда поладили. Чинч получил отпуск «по семейным обстоятельствам», причем с неожиданным повышением оклада. Он принял командование одной из рот «Го-

лубой дивизии», состоявшей из мадридских хулиганов, барселонских карманников, алжирских пропойц и прочего отребья, выпущенного из тюрем.

В окопах под Старой Руссой, после морозных выюг и артиллерийских обстрелов, многие из фалангистов стали думать только о том, как бы скорее унести ноги с заснеженных равнин.

Во время панического бегства, начавшегося после знакомства с русской «катюшей», Чинч пострадал: крупным осколком перебило берцовые кости. «Надо же назвать женским именем такое дьявольское изобретение!» – возмущался он не раз.

Больше двух лет майор скитался по госпиталям и вернулся на родину инвалидом. Чинч уже не рассчитывал получить прибыльную должность, и вдруг встретил полковника Луиса. Немец узнал его и предложил место начальника секретного концлагеря, строящегося на Панданго. Чинч расценивал это назначение как вознаграждение за военные подвиги.

Появившийся медик отвлек его от мыслей о прошлом.

– Ох, уж эти проклятые тропики! Адская жара и отчаянная скука!.. Даже деньги не радуют! – сказал Вилламба, усаживаясь на бугорок у ног майора.

– Что ж, отправляйтесь в Испанию! – ехидно посоветовал Чинч. Он знал, что Вилламба не стремился на родину, так как боялся мести товарищей по факультету, которых он выдал полиции Франко, и их родственников, поклявшихся

убить предателя.

– Если всех красных перестреляют, я вернусь туда, – сказал медик.

– Долго вам придется ждать. На место одного появляются десятки новых. Вот в чем горе! Не повесишь же какого-нибудь интеллигентушку за мысли, которые прячутся у него в голове? Он молчит, но он против! Как быть?

– Я только представитель милосердия, – сказал Вилламба и ткнул палкой выползшего краба. – Но я помогаю вам отправлять их на тот свет.

– Если нельзя отрубить голову, можно прислать ее владельца на остров, – не слушая его, продолжал Чинч. – Отсюда не удерешь, писем с разоблачением в либеральные газеты не пошлешь, а главное – стражей не развратишь этими, ну, как их... идеями. У нас надежнейшая охрана!

– Прохвосты на подбор! – согласился медик.

– Здесь не только тюрьма с надежной стражей, но и школа для наших агентов, проникающих в коммунистические организации, – разоткровенничался Чинч. – Помимо коммунистов, которых опасно держать на материке, сюда ссылают и всех заподозренных. Отсутствие надежды на освобождение и побег, сама жизнь на каторге приводит неустойчивые натуры к необдуманным поступкам.

– Да, тут свихнешься быстро.

Сняв ботинки, Вилламба растянулся в тени и, прислушиваясь к разглагольствованиям майора, изредка поддакивал

ему.

– Надломленные и слабодушные станут работать на нас и думать, как бы снова не попасть на Панданго. Мы здесь напечем агентов, знающих все эти «марксизмы-коммунизмы». Такие будут пользоваться доверием у красных и мешать им скovyрнуть нас.

– Вы говорите так, словно коммунисты обязательно должны перевернуть весь мир!

«Если бы у тебя было хоть каплей больше ума, то это ты бы понял сам, – подумал Чинч. – Их силы растут в Азии и в Европе». Но вслух он сказал:

– Наше дело – задержать события, оттянуть революцию на многие годы.

– Чего наши политики смотрят? – возмутился медик. – Я уверен, – их всех можно истребить в лагерях!

– Где больше гнешь, там скорей сломается, – со вздохом заметил Чинч. – Одна надежда – на бога и силы Вашингтона. А сейчас наша задача: вышибать у красных веру в себя и плодить как можно больше в их среде ренегатов-предателей.

– Верная мысль, – поспешил согласиться медик. – Сначала мне показалось, что слишком много будет шпионов. Нет! Их нужно насаждать сотнями, тысячами!

– Хм! – замялся майор, почесывая бакенбарды. – Не так-то легко это делать, хотя у нас здесь тренируются лучшие пси... пси... психологи, черт возьми! Не зря же сам Луис навещает остров и меня сюда назначили.

– А я почему-то считал, что вы проворовались где-то на службе и в наказание попали в эту дыру.

Майор с презрением взглянул на медика.

– Это кой-кому надо прятаться от полиции, – сказал он. – А для меня этот остров не наказание, а повышение по службе. Я не подчиняюсь ни одному из государственных деятелей Южной республики. А они будут лизать мне сапоги, если попадут сюда. К тому же к нам на практику прибывают люди высшего звания, чем у меня. В первый год я, не зная этого, даже съездил одного по зубам.

– Знаете, я ведь тоже иногда бью, – обеспокоился медик.

– Нарветесь на какую-нибудь знаменитость. Они ведь не должны отличаться от каторжников и вида не подадут. Но зато потом рассчитаются. Вот и сейчас у них появился стажер, – видно, крупная птица!

– Вы бы хоть показали его.

– Не могу, секретная служба.

– Понятно! – вздохнул врач. – Придется поостеречься.

– Не беспокойтесь, он вам под руку не подвернется.

Где-то за рощей раздался выстрел. Судя по ответным коротким очередям из автомата и остервенелому собачьему лаю, это была не просто забава заскучавшего стражника, а нечто более серьезное.

Вилламба вскочил; его побелевшие губы тряслись. Косясь на майора, он спросил:

– По... по-видимому, кто-то из них добыл оружие?

– Похоже на это, – прислушиваясь, сказал майор.

Грянул еще выстрел, и послышался пронзительный вопль.

* * *

«Поднимись... встань скорей!» – шептали со всех сторон каторжники, не смея помочь товарищу, так как стражник с выпяченной челюстью уже скомандовал: «Стой, ни с места!»

Свалившийся на песок заключенный в рваной «полосатке» хватал ртом воздух и, задыхаясь, конвульсивно дергал ногами. Он не мог подняться, это было ясно всем; подошедший стражник, не признававший солнечных ударов, заорал:

– Встать!

Видя, что его приказание не выполняется, Лошадь пригрозил:

– Я тебя сейчас подниму!

Откинув на спину болтавшийся на ремне автомат, стражник подцепил в пригоршню песок и начал сыпать его тонкой струйкой в рот задыхавшемуся человеку.

Все молчали. Лишь овчарка, не понимавшая, что делает ее хозяин, два раза тявкнула.

Заключенный сомкнул губы. Лошадь заржал и начал сыпать песок в ноздри. Стражника забавляло придуманное занятие. Он нагнулся, чтобы взять еще горсть песка, и это его погубило: невысокий креол с горящими глазами выбежал из толпы и ударил тяжелым заступом по пробковому шлему

стражника. Вторым взмахом он уложил метнувшуюся к нему собаку.

Сорвав с убитого стражника автомат, смельчак поставил его на боевой взвод. На помощь Лошади ринулись другие стражники. Один из них выстрелил вверх, поднимая тревогу.

Креол, выпустив из автомата поток пуль, бросился в кусты цепкого терна. Вслед ему загревели выстрелы, но он успел скрыться в зарослях.

* * *

С деревьев свисали зеленые лианы; они цеплялись за одежду беглеца, словно призывая остановиться, перевести дыхание. Остроконечной мушкой автомата измученный креол надорвал оболочку толстой, как корабельный канат, лианы и припал к ней пересохшими губами. Прохладный кисловатый сок немного освежил его.

Лучи полуденного солнца жгли голову. Широкополая шляпа была где-то утеряна. Пришлось бросить и сандалии с деревянной подошвой, – ремешки на них оборвались. Уйти от преследователей было некуда, беглец это сознавал, но продвигался вперед, чтобы хоть немного оттянуть неминуемую развязку.

Стражники не спешили приблизиться к нему: им было известно, что он стреляет без промаха.

Креол решил не сдаваться; он упрямо сжимал в руке автомат. Кровь стекала с его плеча, оцарапанного пулей, но он не чувствовал боли. Его огорчало лишь одно: иссякали запасы патронов; их осталось в обойме не более двадцати штук.

Путаные заросли кончились, дальше виднелись пески, камни и редкие кусты терновника. Вдали ярко поблескивали волны океана, над которыми летали белые чайки.

Беглец сознавал бесполезность происшедшего, но он иначе не мог поступить. Вспомнив ненавистного всем стражника, креол с удовольствием подумал: «Наконец-то Лошадь получил заслуженное сполна. Больше он не будет издеваться».

Справа внезапно взлетели обеспокоенные попугаи. Беглец стер с лица пот и стал всматриваться. Мелькнувший за кактусами белый шлем стражника дал понять, что погоня приблизилась на автоматный выстрел.

Тщательно прицелившись, креол затаил дыхание и нажал гашетку. Он сразу же заметил покотившийся по земле шлем и решил забрать патроны убитого, но лай овчарок напомнил ему, что надо скорее уходить дальше.

По пути беглец застрелил спущенную на него собаку и ранил надзирателя, хотевшего преградить ему путь. Креол рвался к пенящимся волнам океана. Он родился у моря и хотел перед смертью вдохнуть его бодрящий соленый воздух.

Начальник лагеря и медик опасливо всматривались в сторону перестрелки. Они заметили беглеца, когда он появился у электропояса. Одновременно из рожицы выбежали и запыхавшиеся стражники, которыми командовал Варош.

– Без моей команды не стрелять! – приказал капрал. – Пулемет на холм. Живо!

– Варош! Почему у вас бегают каторжники? – окликнул его Чинч.

– Разрешите доложить... Мне на пост сообщили, что один из них сошел с ума. Не иначе как от жары. Он уложил уже несколько человек и двух овчарок. Попросил бы вас укрыться на время.

– Двух овчарок? С ума сойти! – вскричал Чинч. – Пристрелить подлеца!

Креол притаился за камнями. Они были хорошим прикрытием для него, так как сзади его защищал электропояс.

Появившиеся преследователи не решались приблизиться; они благоразумно прятались за стволами толстых платанов.

Заклученные, стоявшие поблизости, волей-неволей наблюдали за стражниками, трусливо укрывавшимися за деревьями.

– Взять живым! – вдруг передумал Чинч. – Он у меня узнает, как бегать! Двух псов... подумать только!

Варош вдруг неторопливым шагом направился к беглецу. Даже издавшие виды стражники застыли в изумлении. «Не иначе, смерти ищет, – подумали многие. – Каторжника голыми руками не возьмешь».

– Слушай, ты! – закричал Варош, остановившись в полсотне шагов от беглеца. – Игра твоя сыграна. Сдавайся, у тебя кончаются патроны.

– Не мешайся у смерти под ногами, капрал. Оставшиеся пули не твои, – ответил ему креол. – Эй, хромой дьявол, – обратился он к Чинчу, – покажись! Тебе мало от русских влетело... Я добавлю!

– Стреляйте из пулемета в него! – требовал медик, видя, как ствол автомата направился в его сторону.

Первые пули, сорвав зеленоватую кору платана, просвистели в нескольких сантиметрах от виска майора, обдав его горячим ветром. Одна из пуль второй автоматной очереди отсекла медику кончик носа. Тот упал на песок и отчаянно заверещал:

– Убивайте его... убивайте скорей!

– Да не визжите вы, как недорезанная свинья! – прикрикнул на него майор. – Каторжник выдохся, в обойме не осталось патронов.

Стражники гурьбою было двинулись к беглецу, но он в два прыжка очутился около проводов электропояса, и они в нерешительности остановились. Никому не хотелось рисковать, подойти поближе: неизвестно, что предпримет каторж-

ник в последнюю минуту жизни.

– Компанейрос! Прощайте, братья! – звенящим голосом закричал креол.

– Как твое настоящее имя? Что передать родным? – раздался голоса заключенных.

Беглец вскинул голову и в наступившей тишине громко ответил:

– Мать у меня в Барвосе... зовут Барбара Лескано! Скажите, что я честно прожил и умираю без страха. Прощайте, компанейрос, я расплатился за вас, как сумел. Да здравствует свобода!

Он коснулся стволом автомата оголенного провода, и все невольно зажмурились от ослепительной вспышки.

Потрясенные его поступком, стражники и заключенные стояли в оцепенении, лишь Варош ровными шагами приблизился к отброшенному от электропояса креолу. Затушив тлеющую полосатую куртку, он поднял искореженный автомат и пробормотал:

– Как и тот... в прошлый раз! Но почему они всегда рвутся к морю? Ведь выхода нет нигде.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОСМЫСЛЕННОЕ ЗАНЯТИЕ

За двенадцать дней жизни на каторге Реаль основательно изучил остров, затерянный в океане.

Панданго и торчавшую Бородавку разделял бурный пролив шириной в полмили. Видимо, когда-то это был один остров, но за тысячи лет бури, возникавшие в океане, размыли его на две неодинаковые части. Если на небольшой каменистой Бородавке не росло ни одного деревца, то на Панданго растительность буйствовала и стремилась густой порослью занять участки, расчищенные людьми, особенно – в заболоченной части.

Невдалеке от острова в океане виднелись коралловые рифы. Они делали Панданго неприступным с юга.

В северной части острова, обращенной к проливу и Бородавке, находился лагерь, оцепленный рядами проволоки на белых и коричневых изоляторах. По проводам проходил ток высокого напряжения. Ограда охватывала семь квадратных километров. Внутри ее, под сенью высоких деревьев, находились бараки, мастерские, кухня и плантации, на которых уголовники выращивали сладкий картофель батат, фасоль, маниоку, маис – для каторжников – и сахарный тростник,

анону⁸, авокадо⁹ и ананасы – для начальства.

В стороне от барачков была роща причудливых панданусов. Листья этих деревьев, похожие на пальмовые, располагались спиралью, а придаточные воздушные корни росли так, что казалось, будто деревья стоят на изогнутых ходулях. Видимо, от названия этих оригинальных деревьев и произошло наименование острова Панданго.

Ток в электропояс подавался по подводному кабелю с Бородавки. Там находилась подземная электростанция для нужд охраны и работы прожекторов маяка.

На электропояс Реаль обратил особое внимание. Проволочная ограда была высокой, и ширина ее в самом узком месте достигала семи-восьми метров. Видимо, смертоносный ток пробегал лишь по определенным проводам. Попробуй в ночной темноте угадать, где они! И перерезать не сможешь. Кроме алюминиевых ложек да оловянных мисок, у каторжников ничего не было. Кирки и мачете¹⁰ вечером пересчитывались и запирались под замок.

С Бородавки велось непрерывное наблюдение за исправностью электропояса. В случае обрыва – прибор сигнализировал дежурному технику, в каком секторе произошло нару-

⁸ Анона – субтропический плод, вкусом напоминающий сдобное тесто со сливками или несладким кремом

⁹ Авокадо – крупный грушевидный плод, вкусом похожий на сливу с примесью несладкого шоколада

¹⁰ Мачете – нож-тесак

шение линии. Тот немедленно докладывал Чинчу о чрезвычайном происшествии и посылал электромонтеров к месту аварии. Если это происходило ночью, то прожектор обшаривал прилегающую местность. Но таких тревог за последние месяцы не случалось, ограда была надежна. Независимо от этого состояние электропояса два раза в неделю проверялось капралом Варошем, отправлявшимся в обход с овчаркой, обученной поиску подкопов.

Всякая растительность с внутренней стороны уничтожалась руками заключенных. На расстоянии в двадцать метров от проводов были предусмотрительно вырублены все деревья.

Через электропояс существовало два прохода. Один из них – возле пристани, в северной части острова. Там стояло невысокое здание первого поста, в котором жили стражники и капрал Варош. Для входа в лагерь одно из звеньев ограды поднималось механизмом так, что ограда оставалась под током.

Второй проход находился в южной стороне лагеря; через него выводили заключенных на заготовку дров, каучука, кокосовых орехов и расчистку зарослей. Сразу же за электропоясом начиналось сплошное сплетение деревьев, лиан и кустарников. Буйно росли высокие папоротники, орхидеи, бромелеи, стремящиеся к свету из сырого полумрака леса. Казалось, что многие деревья окутаны зеленым войлоком; с их ветвей спускались до земли воздушные корни, похо-

жие на толстую проволоку. Когда тропическая темнота сгустилась, то из зарослей доносились голоса мощного хора: зычный крик лягушек, треск цикад, пронзительный визг диких кошек, рык ягуаров, специально завезенных на остров, и бормотание попугаев.

Лианы и вьющиеся растения за пределами лагеря чувствовали себя подлинными хозяевами. Сплетаясь с воздушными корнями эпифитов в густые сети, они превратили всю южную часть острова в непроходимую тущобу и подбирались к проводам электропояса. Поэтому Чинчу приходилось посылать на работу за оградой даже политических заключенных.

Южный проход открывался утром по сигналу ракетой. Заключенные проходили за электропояс, и поднятые звенья колючей проволоки немедля опускались. Когда подходило время возвращаться в лагерь, надзиратель выпускал вверх ракету, каторжников пересчитывали и пропускали за ограду. Впрочем, никто не рискнул бы остаться в зарослях, в которых ютились ягуары, ядовитые змеи, крупные, очень злые и всепожирающие муравьи.

Работа в душных и сырых зарослях, на вязком болоте, среди испарений гниющей листвы, изматывала истощенных людей. Но на нее все стремились, так как это был осмысленный труд. Кроме того, можно было передохнуть минутку в тени, пока не видит злобный глаз надсмотрщика, утолить жажду и голод соком молодого бамбука или дикими плодами.

Срубленные сучья и деревья доставлялись на кухню. На-

груженные вязанками хвороста, заключенные, работавшие в зарослях, возвращались обычно вечером грязные, исцарапанные, но довольные.

* * *

Реаль долго разыскивал Энрико Диаса, а когда встретился, – с трудом узнал его. Брат Долорес походил на старика, обросшего окладистой бородой, хотя был на два года моложе Хосе.

Диас также едва признал в простоватом ковбое-усаче старого приятеля, но очень обрадовался, увидев его живым. А Реаль умышленно был сух. Он строго спросил:

– Центральный Комитет интересуется, – почему вы до сих пор не организовали побег?

– Видимо, были серьезные причины, – ответил Диас. – С острова не убежать, вот в чем дело.

– Удобная позиция! Страна словно на вулкане, нужен каждый человек, а вы уверили себя и успокоились.

Диас, видимо, сочтя упрек несправедливым, ничего не ответил. Осмотревшись, они устроились в тени под фантастически искривленным панданусом. Поблизости никого не было, надзиратель ругался на другой стороне болотца.

– Ты давно здесь? – спросил Энрико, подавляя в себе чувство обиды.

– Две недели.

– Неужели за такое время не убедился, что ни малейшей возможности? Бегство исключено.

– Возможности надо создавать. Кто-нибудь из вас думал в этом направлении?

– Думали, и не мало. Спасти нас может только победа на континенте.

– Сомневаюсь. Они мстительны и трусливы. В случае переворота перебьют всех, кто сидит за электропоясом.

– Что же мы могли сделать?

– Действовать, и как можно решительней.

– Решительные люди найдутся, но без плана, который хотя бы создавал иллюзию надежды, разве поведешь на гибель? Ты что-нибудь можешь предложить?

– Пока ничего, но не теряю надежды. У вас хотя бы маленькая ячейка существует?

– А как же ты думал? Не знал, что ты обо мне такого мнения!

– Прости, Энрико, за придирчивость. Видимо, я несправедлив. Меня злит, что многие здесь надеются не на себя, а на других. Если бы ты знал, каких трудов стоило разыскивать вас и попасть сюда! Твоя весточка, написанная солью, тоже сыграла свою роль.

Реаль рассказал, как записка помогла убедить Центральный Комитет отправить его на остров.

– Так, значит, ты здесь по своей воле? – удивился Диас. – А если бы угодил в другой лагерь?

– Наша разведка установила, что именно сюда за последнее время новый правитель ссылает не угодных ему людей.

– Одни ломают голову, как бы расстаться с островом, а другие сами лезут сюда! – уже с восхищением глядя на товарища, сказал Энрико. – Ну, дружище, ты меня потряс! Такого номера еще никто не выкидывал!

– Чего не сделаешь ради вас! Давай хоть поцелуемся, чудовище джунглей!

Они крепко, по-братски обнялись.

– Как Долорес? – спросил Энрико.

– Очень скучала по тебе. Сейчас будет ждать весточки на Позабытом берегу.

– Интересно, какая почта доставит ей мои письма?

– Океанские волны. Подбитое в этих местах рыболовное судно течением выбросило на Позабытый берег. Если ты бросишь в море плавающее письмо, оно может попасть в руки Долорес.

– Да, но нас на выстрел не подпускают к берегу. Впрочем, что-нибудь можно будет сообразить.

– Для чего ты отпустил такую бородищу? – поинтересовался Реаль.

– Я здесь числюсь матросом чилийского судна. Борода помогла мне обмануть следователя. Тебя, конечно, тоже по-иному зовут?

Реаль назвал свое новое имя и поинтересовался, как ведется в лагере борьба со шпионами.

– Некоторых мы знаем, – ответил Диас. – Они под наблюдением. Но нужно быть начеку, ошибка грозит смертью. Хочешь, я сегодня же свяжу тебя с нашими?

– Нет, мне следует остаться неизвестным. Для всех я буду придурковатым гаучо Роберто Юррита. Но ты все же шепни своим, что на остров прибыл представитель Центрального Комитета для организации побега. Это может поднять дух. Для нашей связи я постараюсь подобрать надежного человека, но ты все же проверь его. У вас в каждом бараке есть свои глаза?

– Да, не сомневайся, проверим.

– Ну, я очень рад встрече. Действуй; связного я пришлю. До следующего раза!

Хосе крепко сжал руку Диасу, и они, условившись о пароле, разошлись.

* * *

Реаль внимательно присматривался к окружавшим его людям и отбирал пригодных для борьбы. Первым его помощником стал Мануэль. Его он и свел с Диасом. Тот нашел общий язык с докером и после двух продолжительных бесед сказал Хосе:

– Ты подыскал способного ученика, подойдет.

– Смену готовлю, – отшутился Реаль.

Товарищи Мануэля скоро стали друзьями Хосе. Они лю-

били наблюдать, как этот ловкий и сильный парень дурачит стражников и надзирателей, прикидываясь простоватым ковбоем.

С первых же дней к Реалю привязался пилот южной авиакомпании Паоло Эскамильос – сухощавый, мускулистый крепыш, с орлиным носом и тонкими подвижными чертами лица. Паоло вместе со своим механиком – метисом Паблито Ачукарро – в вечерние рейсы нередко сбрасывали листовки на города, попадавшие по пути. Полиция долго не понимала, откуда в далеких селениях по утрам появляются воззвания против военной хунты, отпечатанные в подпольной типографии. На поиски отправились специальные агенты. Один из них заметил, что листовки летят с большой высоты, после того как в темноте пролетел рейсовый самолет. Он немедленно позвонил по телефону. В тот же вечер приземлившийся самолет обыскали. Сыщики, конечно, никаких листовок не обнаружили, но это не смутило тайную полицию. Пилот и механик были сосланы на вечную каторгу.

Паоло Эскамильос любил шутить с Жаном и отличался умением не унывать при любых обстоятельствах. Смущала в нем только вспыльчивость и петушиная задирчивость. Если бы не его друг моторист Паблито, в характере которого сохранились привязанность, осторожность и благородство предков-индейцев, то Паоло не раз был бы избит надзирателями или уголовниками.

Цвет кожи у Паблито, несмотря на то, что он был мети-

сом, мало чем отличался от чистокровных испанцев, Ачукарро лишь казался более смуглым. Паблито мог без слов просидеть весь вечер рядом с пилотом, опиливая камнем какую-нибудь деревяшку. Его руки не могли оставаться без дела. Но стоило Паоло задержаться после работы – механик не находил себе места и отправлялся на поиски. При столкновениях с уголовниками рядом со вспыльчивым Паоло неизменно появлялась спокойная фигура Паблито со скрещенными на груди крупными руками. Увидев его кулаки, всякий понимал, что шутки будут плохи.

Механик Ачукарро всегда был спокоен; казалось, никто не может вывести его из равновесия или заставить произнести длинную речь. Он отличался молчаливостью. Иногда случалось, что Паблито оставался единственным слушателем в компании лагерных друзей, так как все они норовили говорить одновременно, с присущим южанам темпераментом и горячностью.

Четвертым человеком, заинтересовавшим Реаля, был веселый шутник француз Жан Офре, прадед которого после разгрома Парижской Коммуны бежал в Южную Америку. Офре рассказывал забавные истории о старике, упорно сохранившем на другом полушарии национальную самобытность и ненависть к угнетателям. С юных лет Жан плывал на грузовых судах, вывозивших фрукты и копру. На Панданго он попал за то, что скрывал в трюме бесплатных пассажиров, желавших убежать за границу от расправы агентов Зеленого

папы.

Жана в бараке любили за легкий характер, за умение веселой историей и остроумной шуткой скрашивать жизнь на каторге.

Вечером после ужина Реаль сидел прислонясь спиной к стволу пальмы и дремал. Теперь он уже втянулся в изнурительный режим каторжных работ, но первые дни изматывался так, что едва держался на ногах. Вблизи, на песке, сидели Мануэль, Жан, Паоло и Паблито. Паоло, проработавший день в зарослях, рассказывал удивительную историю: стражник Фиолетовый заметив, что «профессор» бросил работу и занялся своей рваной шляпой, хотел было огреть его плетью, но кто-то возьми и крикни: «Не тронь большого человека!» Еще недавно подобное вмешательство могло бы дорого обойтись. А тут вдруг стражник опасно схватился за автомат и, трусливо озираясь, отошел в сторону, бормоча что-то про себя.

– Не совесть ли проснулась? – допытывался Жан. – Может, в святые метит?

Реалья заинтересовало: какой же вывод сделают его друзья? Его радовало, что они постепенно избавляются от мертвящего безразличия ко всему.

– Стражники действительно несколько утихомирились, – заметил Мануэль. – Молодец Джиованни Лескано, он толковал им, что кирка в руках решительного человека – гроз-

ное оружие.

– Скоро и я свихнусь от бессмысленной работы, – сказал Паоло. – Нельзя же в здравом уме носить песок под пальмы, когда знаешь, что завтра тебя же заставят перетаскивать его обратно. В руднике хоть польза какая-то.

– На это они и рассчитывают, Паоло, – ввязался в разговор Реаль. – Им надо на нелепой работе духовно измотать человека. Стоит сделать труд осмысленным – и все станет на место в твоём мозгу. Ты даже ощутишь некоторое удовлетворение.

Жан с явным сомнением откашлялся.

– Представь, – продолжал Хосе. – Товарищи по побегу предложат кому-нибудь взобраться на высокую, почти неприступную гору...

– Полезу первым! – перебил его Паоло.

– Рад слышать! – улыбнулся Реаль. – Но одних слов недостаточно, хотя и сказанных от души. Вообрази, что от этого зависит судьба товарищей. Ты должен будешь и бежать, и карабкаться, и подтягиваться на руках. Никто не поддержит, если ослабеешь в пути, уставшие мышцы изменят, ты подведешь друзей, потому что не укрепил мускулов, не подготовил себя.

Жан смущенно почесал взлохмаченную голову, а Мануэль подхватил мысль:

– Не бесполезный труд, а тренировка – подготовка к побегу. Вот в чем сила!

Теперь и остальные уловили идею Реаля. Жан вдруг схватил крупный каменный обломок и, приседая, начал выжимать его над головой.

– Да я через месяц тяжелоатлетом сделаюсь, – пообещал он под общий смех.

– Ну, теперь-то и на меня не нарадуются! Становлюсь самым старательным пересыпателем песка! – воскликнул Паоло. – Отныне самая идиотская работа – сплошное удовольствие для меня!

– Значит, у нас теперь не каторжная работа, а сознательная физическая подготовка? – обрадованно спросил Мануэль. – Это надо будет еще кой-кому сообщить.

Довольная улыбка расплылась и на лице механика Паблитто.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВСТРЕЧИ СО СТАРЫМИ ЗНАКОМЫМИ

В деревне рослый Кончero слыл за смиpного и добpодушного юношу. Вместе с дедом они обрабатывали мотыгами клочок потрескавшейся каменистой земли, засекали его и на своих спинах в бочонках таскали воду для поливки. Выращенных овощей, клубней маниоки, маиса и фасоли им хватало на год. Лишь месяц или два они батрачили у эстансьера дона Хименеса.

Богатому эстансьеро вздумалось согнать нищего деда с насиженного места. Весной он приехал с судейским чиновником и, хлестнув плетью по земле, сказал:

– По старому плану этот участок входит в мои владения. Что же ты молчал, старый каналья? Думал, я не замечу пропажи?

– Нет, не думал, – ответил дед. – И чужого никогда не брал. Вы же знаете, сеньор, что ваш достопочтенный отец – старый дон Хименес – перед святой мадонной обещал... Я до сих пор помню его слова: «Если сделаешь каменную осыпь пригодной для посевов, пятая часть – весь этот клин на террасе – будет твой».

– Я такого разговора не слышал. И к тому же, какое зна-

чение имеют пустые слова, если сделка не оформлена на бумаге?

– Они для меня не пустые! – вскипел дед. – Я сорок лет себя и родных не жалел. Мы каменную стену выложили, чтобы гора не осыпалась, землю в корзинах таскали. Жена от воловьей работы кровью изошла, сын и невестка надорвались. Еще не известно, кто из нас каналья и кто кого обокрасть хочет!

– Будь поосторожней в выражениях, старая падаль! – наливаясь темной кровью, повысил голос дон Хименес. – Иначе я взыщу с тебя за сорок лет аренды и прогоню, как бродячую собаку.

Но разве остановишь жителя гор, когда дело идет о земле, добытой потом и кровью?

– Сам ты бешеная собака! – вспылил дед. – Убирайся с моей земли, пока я не взял самопал!

И он приказал внуку принести ружье.

Юноша не мешкая бросился в дом, схватил старинный самопал, с которым охотился на кроликов, бесчинствовавших в огороде, зарядил его свинцовой пулей и выбежал прогонять пришельцев.

Пока он возился с ружьем, Эстансьеро успел ударом кулака сбить деда на землю. Увидев, как взбешенный дон Хименес избивает плетью лежащего старика, Кончero в отчаянии прицелился в него и выстрелил.

Свинцовая пуля снесла череп дону Хименесу. За это Кон-

черо схватили, несколько месяцев держали в тюрьме и сослали на каторгу. А здесь, на Панданго, никто из политических не заинтересовался юношей, попавшим в барак к уголовникам. «Раз убийца, – значит, бандит», – решили многие.

В бараке Кончero стал обрабатывать однурукий гангстер, подбиравший себе крепких телохранителей. Верховодя в шайке головорезов, инвалид властвовал среди уголовников и запугивал политических.

Неприятнь к однурукому гангстеру переносилась и на Кончero, его всюду чурались и презирали.

Однажды вечером, когда Реаль и его товарищи отдыхали после тяжелой работы на куче хвороста за кухней, неожиданно появился Кончero. Силач осунулся за последнее время, ходил каким-то вялым, с опущенными плечами.

– Идет требовать реванша, – определил Жан.

– Не завидую ему, – добавил Мануэль и на всякий случай взял увесистый обрубок корневища.

Остальные тоже были настороже. Общее дело сплотило их в решительную группу.

Реаль выжидающе смотрел на противника. Судя по измученному лицу с запавшими глазами, тому было не до реванша. Потоптавшись на месте, Кончero потупился и спросил:

– Когда же вы душить придете?

Вопрос был задан совершенно серьезно; поэтому все невольно засмеялись, а Реаль ответил:

– Все никак собраться не можем. Подожди немного.

– Сколько же ждать можно! – рассердился Кончero. – Больше месяца не сплю... Устал я. Однорукий все дразнит: «Раз грозилась, – обязательно явятся. Спи одним глазом». А я не умею одним... Каждую ночь жду.

Простодушный силач, измученный бессонницей, вызвал у Реаля жалость.

– Ладно, спи спокойно, – сказал он. – Мы раздумали тебя душиТЬ.

– Одни говорят – задушат, а другие – вроде раздумали! – Не мог остановиться Кончero. – Что же получается? Сплошной обман! Есть ли тут честные люди?

И он, требуя справедливости, уставился воспаленными глазами на Реаля. Тот, указав на пустующее место рядом, пригласил:

– Садись, потолкуем.

Дружелюбный тон удивил Кончero. Несколько смущенный, он уселся рядом. Реаль предложил:

– Рассказывай: кто ты и откуда?

Кончero не очень последовательно, но честно и без утайки поведал несложную историю своей двадцатилетней жизни.

– Значит, кроме Однорукого, никто здесь с тобой по душам не говорил?

– Никто! – вздохнул силач. – Все зовут меня «бандидос».

– Это действительно несправедливо, – согласился Реаль и с укоризной посмотрел на Мануэля. – Не сумели тут наши

компанейрос приглядеться к тебе. Но ничего, попробуем исправить оплошность. Давай руку на дружбу!

Кончero показалось, что он ослышался. Но рука дружелюбно была протянута к нему. Силач обрадованно схватил ее и горячо стиснул.

– Так вы вправду душить раздумали?

– Ну, конечно. Ты же славный парень! Такой же трудовой человек, как и мы. Из-за чего нам ссориться? Если будет время, заходи, ты нам по душе пришелся.

– Обязательно зайду. И гостинцев притащу. Спасибо, компанейрос! Век не забуду... Спасибо!

* * *

Кончero был кухонным рабочим в столовой для заключенных. Едва начинал розоветь горизонт над океаном, как он спешил под навес к примитивным каменным очагам и возвращался в барак лишь вечером. Определяя его на эту должность, майор Чинч изрек:

– Он настолько глуп, что его никакой идиотской работой не проймешь. А котлы ворочать сумеет. Помощники не требуются.

И действительно, исполнительный Кончero трудился за пятерых. Чтобы поддерживать в нем силы, повара давали парню очищать котлы, в которых варилась тапиоковая размазня или маисовая каша.

Теперь, после мытья котлов, Кончоро спешил под пальмы, разыскивал Реалья и отдавал ему сверток с маисовыми пригарками. Они были большим подспорьем для истощенных, вечно голодных каторжников.

Глядя, как новые знакомые по-братски делят принесенную еду, Кончоро прислушивался к их разговорам. Он не все понимал из того, что они говорили меж собой, но ему эти веселые парни нравились и вызывали желание подольше побыть с ними.

Случайно Реаль выяснил, что Кончоро совершенно неграмотен. Он пристыдил силача и велел Мануэлю заняться им. Тот охотно взялся. По вечерам парни садились в сторонку. За неимением карандашей и бумаги, Мануэль палочкой выводил на земле аккуратные буквы, а Кончоро, шевеля высушенным языком и потея от усилий, срисовывал их.

Силач старался запомнить буквы. И когда ему удавалось без подсказки изобразить на земле хоть одну, он готов был задушить Мануэля в объятиях.

Вскоре майору Чинчу доложили о появлении на песке, на дорожках и даже на прокопченных котлах загадочных знаков, напоминавших буквы. Начальник лагеря обеспокоился; он сам ходил на места появлений таинственных знаков и приказал доносчикам выследить не только «пачкунов», но и тех, кто приглядывается к надписям.

В один из вечеров Мануэль встретился со старым приятелем. Перед ним на камнях сидел оборванный, измученный человек со впалой грудью. Его огромные, горящие беспокойным блеском глаза, казалось, занимали половину исхудалого лица, изрытого глубокими оспинками. Это был школьный товарищ и сосед по двору – Алонзо Альварец. Они узнали друг друга в очереди за похлебкой и условились встретиться за бараками.

– Они не сумели дознаться, что я в компартии, – озираясь, торопливым шепотом говорил Альварец. – Меня очень били... до сих пор кашляю. Здесь поместили в третий барак... на работы гоняют в заросли. Я не раз приглядывался к тебе... думаю: «Удивительно похож на покойника Мануэля», а подойти не решался. Хорошо, что ты первым заговорил. Как же так случилось? Ведь когда бежали со свинцовых рудников, тебя подстрелили... ты тогда не доплыл.

– Да, я был ранен... течением занесло далеко вниз. Но вас, кажется, всех переловили?

– Не всех... мне удалось уйти. Я стал нелегальным. Марион не верила в твою смерть и со мной не хотела разговаривать. Вздорная она у тебя.

– Да-а, ты ей чего-то был не по вкусу! – согласился Мануэль, вспомнив, как жена уговаривала его больше не связы-

ваться с Альварецем. «Рябой иным стал, – убеждала она. – Смотреть в глаза не может и лебезит, словно слизняк. Я не хочу, чтобы он знал твое новое имя. Такие предают. Будь для него погибшим». Чудачка Марион! Ведь это каторга, побои и тюрьма сделали Алонзо не похожим на себя. Он пострадал больше других, в двадцать восемь лет похож на старика.

– Я всегда был неприятен женщинам; лицо словно гвоздем поковыряно, – уныло глядя в сторону, продолжал говорить Альварец. – Им больше здоровые и красивые нравятся. Впрочем, нечего больше об этом, нам осталась лишь медленная смерть под пальмами.

Мануэль понял, что друг детства впал в уныние и видит все в мрачном свете. А ведь когда-то он был самым изобретательным сорванцом. Сколько чужих садов пострадало от их налетов! А мечты юности? Разве о таком конце они думали? И Мануэль, жалея Альвареца, шепнул:

– Не унывай: мы, кажется, скоро покинем этот остров.

Но школьный друг, ни во что не веря, безнадежно махнул рукой.

– Какой-нибудь провокатор или шпион подыскивает проstackов, – сказал он. – Ты отлично понимаешь, что спастись отсюда невозможно.

– Прежде и мне так казалось, – сознался Мануэль. – Но, слава богу, нашелся человек, который вправил мозги. Не сомневайся, а главное – не отчаивайся. Собери свои нервы в кулак. Сердце разрывается, когда видишь тебя в таком со-

стоянии. Поверь, мы скоро будем свободны.

Он не заметил, как дрогнули кончики пальцев у собеседника и глаза еще больше потемнели. Альварец оглянулся и приглушенным голосом спросил:

– Так это не шутка, Мануэль? Сумели наладить дело с охраной, да? Ты не забудешь меня?

– Алонзо, возьми себя в руки! Ну, как я забуду о товарище? Разве ты бы покинул меня в беде?

– Никогда! – клятвенно заверил Альварец. – Разве можно изменить дружбе юности? Мы же четверть века знаем друг друга. Значит, это побег? А чем я могу помочь? Оружие у вас есть?

За деревьями послышался какой-то неясный шум. Мануэль жестом остановил его.

– Ничего не нужно... пока я не скажу. Не беспокойся, ты будешь предупрежден. Сюда идут.

Альварец вновь оглянулся и, заметив показавшихся на дороге стражников, поспешно юркнул за куст терновника.

По дороге от первого поста шли конвоиры-автоматчики и с бранью подталкивали связанного парня, одетого в мундир летчика. Шествие замыкал стражник Лиловый и майор Чинч. У начальника из-под тропического шлема на левом глазу виднелась марлевая повязка.

Приблизясь к утоптанной площадке, где обычно после ужина сидели и лежали под пальмами заключенные, Лиловый скомандовал остановиться. Майор вышел вперед.

Все лагерники моментально повскакали и вытянули руки по швам. Раскрасневшийся Чинч, скривив шею, оглядел площадку одним глазом – нет ли где не уважающих начальство – и приказал развязать пленника.

Конвоиры поспешили срезать веревки. Летчик, видимо не чувствуя затекших рук, пробовал шевелить пальцами, но они плохо подчинялись ему.

Заклученные молчаливо разглядывали новичка, доставленного с такой помпой. Судя по ссадинам и кровоподтекам, он чем-то заслужил особое отношение к себе. Это был атлетически сложенный парень. Голубой мундир со споротыми нашивками плотно облегал его мускулистый торс.

Майор Чинч откашлялся и, выставив вперед ногу, выкрикнул:

– К сведению коммунистов! Этот фрукт участвовал в подавлении мятежа, так сказать, сбрасывал напалмовые бомбы на ваших единомышленников. Разрешаю поступить с ним, как вам заблагорассудится. Наказаний не последует.

Новичок выпрямился, с презрением оглядел майора и его свиту. Потом вдруг неожиданно рассмеялся и, подмигнув Чинчу, сказал:

– А здорово я вам вlepил, господин майор! За провокацию следовало бы еще добавить.

– Молчать! – заорал Чинч. Машинально поправив бинт, он вновь обратился к заключенным:

– Уголовники! Кто из вас желает получить отдых на три

дня, может доложить о случайной смерти этого негодяя.

Новичок, выслушав начальника, неодобрительно pokrутил головой и попросил:

– Господин майор, не могли бы вы на одну минуточку подойти поближе ко мне? Всего на минуточку!

Чинч побагровел и, дрыгая от злости укороченной ногой, рявкнул:

– Заткнуть глотку нахалу!

Лиловый ударом жилистого кулака сбил с ног летчика.

– Каков негодяй! – не мог уняться Чинч. – Жрал-жрал казенный хлеб, а как отрабатывать, – струсил! И ждать от тебя нечего. Повесить мало! Неделю отдыха тому, кто доложит мне, что он сам кинулся на электропояс.

Майор повернулся и, сильно прихрамывая, пошел в сторону. За ним, оставив на земле пленника, двинулись на почтительном расстоянии стражники.

Заключенные, не приближаясь, разглядывали новичка. Слишком необычным было его появление.

Летчик поднялся, стер с губ кровь и выругался. Небольшие черные усики придавали его лицу задорное выражение.

– Кто ты, новенький? – наконец спросил Паоло.

– Меня зовут Район Наварро. Был пилотом легиона.

– С какими песнями залетела к нам воздушная пташка? – поинтересовался Жан.

Летчик пренебрежительно оглядел его и не спеша ответил:

– Мои песенки для меня. Сам пою, сам слушаю!

– Сугубый индивидуалист, значит, – определил Паоло. –

Почему доставили с таким почетом?

– Начальству виднее, – уклончиво ответил новичок.

Мануэль ближе подошел к задиристому летчику.

– Мы бы хотели знать, – за что вы попали сюда? – сказал он.

– Умнеть начал. Вот и прислали... для завершения образования.

– Уж не ты ли майору глаз подбил? – поинтересовался Жан.

– Пустяки! Один раз только стукнул, больше не дали!

Новичок сказал это так просто, что никто не выразил сомнений. Паоло даже присвистнул. Зная нрав Чинча, было удивительно, что летчика не прикончили сразу.

– Чем же он не по вкусу тебе? – спросил Жан.

– Не один он, многие. По глупости я подписал контракт с Воздушным легионом. Работа по специальности: – полеты на старых американских калошах, занятие для начинающих самоубийц.

Паоло и Паблито понимающе закивали головами, а новичок продолжал:

– В легионе вздумали отправить нас с напалмовыми бомбами против взбунтовавшихся парней. Я отказался. «Не интересуюсь, мол, политикой». Меня в трибунал! «Ты коммунист?» Ну, какой же я коммунист? Мне даже смешно ста-

ло. Я просто человек, не желающий стать убийцей. А они твердят: «Коммунист!» Ну, я тут сгоряча и закатил одному. А ваш майор за другое получил. Он мне предложил подружиться с коммунистами. Они будто ко мне должны хорошо отнестись.

– А тебе что, коммунисты не нравятся? – продолжал интересоваться Жан.

Рассказчик вспыхнул:

– Одно к другому не имеет отношения. Он хотел, чтобы я сообщал ему обо всех разговорах. Обещал хлопотать о помиловании. Ну тут я ему и съездил.

Новичок нравился заключенным, Реаль вполголоса сказал:

– А он ничего парень! Им, видимо, заинтересовано начальство повыше Чинча, иначе хромоногий сам бы разделался.

– Ну и приземлился же я! – вслух высказал невеселую мысль летчик, оглядев лагерь. – И надолго мы с вами?

– Видишь, каждому тут свое, – ответил Паоло. – Тебя лагерное начальство не тронет до прибытия полковника. Он главный вершитель грязных дел.

– А что случится, когда появится этот чертов полковник? Мне о нем и майор что-то бормотал.

– Расстреляют, если не согласишься шпионить, – пояснил Жан. – Битье майоров не одобряется.

Летчик взглянул на чаек, летавших над морем.

– Н-нда! – протянул он. – Перспектива не веселая. Придется подумать о чем-нибудь другом.

– Это было бы лучше всего, – словно уловив ход его мыслей, вставил Реаль.

Летчик повернулся к нему, он был удивлен.

– Что лучше? Я ведь ничего определенного не сказал.

Хосе усмехнулся и негромко спросил:

– Ты надеешься убежать?

– Ну и островок! – восхитился Наварро. – Даже мысли чужие читать умеют!

Все рассмеялись. Летчик все больше и больше нравился друзьям.

– К сожалению, твое желание неосуществимо, – чтобы подзадорить его, сказал Реаль. – Удрать не дадут.

– Ну, это мы еще посмотрим! – ответил новичок и взглянул на пролив, пенившийся за смертоносной оградой.

– А птичка-то с огоньком! – заметил Мануэль. – Он, видно, из тех, кто в гору своим путем карабкается.

На дорожке показался однорукий гангстер со своей бандой. За последнее время уголовники не связывались с обитателями политических барачков, умевшими постоять за себя. Весьма кстати с другой стороны появился Диас с группой товарищей. Пришельцы очутились между двух огней.

Однорукий поглядел на летчика и пальцем поманил к себе.

– Эй, красавчик, идем с нами, я тебе кое-что шепну.

Раздался смех уголовников. Наварро презрительно сплюнул:

– Лучше ты подойди, я тоже найду, что шепнуть.

К летчику было двинулось двое гангстеров, но Реаль преградил им путь.

– Не торопитесь, сперва мы с вами побеседуем.

Поняв, что парни здесь собрались решительные, уголовники присмирели.

– Вы сейчас же уберетесь отсюда! – продолжал Хосе. – А если еще кто пожалуется – терпеть больше не станем. Ночью выведем из барака и бросим на электропояс. Понятно? И что бы ни случилось, начнем с тебя, Однорукий. Предупреждаю.

Однорукий оглянулся и, увидев, что банда притихла, наигранно сказал:

– Анархистов обижаешь! Я ведь сам руку на революциях потерял.

Но тут вмешался в разговор прибежавший на выручку друзьям Кончеро.

– Обман, – сказал он. – Говорил, что ночью во время грабежа руку оттяпало.

– И ты, теленок, с ними? – обозлясь спросил гангстер. – На тебе еще не ездят? На ослах всегда надо ездить!

Сказав это, он повернулся и пошел в сторону. За ним двинулась и вся банда.

– Мануэль, а иногда драться можно? – тихо спросил Кончеро.

– Можно, только не горячься, – ответил тот.

– Отведите летчика в наш барак, – сказал Реаль. – Пусть отлежится.

Когда новичка увели, Реаль задержал Мануэля.

– У тебя приятель отыскался? – спросил он.

– Да я не успел рассказать тебе об Альвареце. Он был моим хорошим другом.

– Был? А сейчас ты уверен в нем? Нам нужны вполне надежные люди. Почему ты считаешь его своим другом?

– Я знаю Алонзо с детства. Мы вместе работали...

Мануэль вспомнил первые поручения партийной ячейки: патрулирование в дни забастовок, расклеивание листовок, арест.

– Я головой ручаюсь за него, Хосе, – сказал он.

Они дошли до электропояса. Отсюда отлично были видны просторы океана и Бородавка. С недавнего времени это место полюбилось Реалю; все беседы он вел здесь.

– То, что задумал один, всегда может разгадать другой, воспользовавшись ничтожной ниточкой, – продолжал Хосе. – Иногда одно слово может погубить всё.

– Я понимаю это, но при чем тут мой друг? – тихо спросил Мануэль.

– Когда я был доставлен на Бородавку, вместе со мной привезли еще двоих. Нас бросили в подвал. Там я пригляделся к Альварецу. Он безвольный человек. Не знаю, каков твой друг был прежде, но сейчас – явно ненадежен. Ты рас-

стался с ним давно. Дружбу надо ценить, но не мешает сначала присмотреться – не изменился ли он? По дружбе ты, конечно, намекнул о наших надеждах?

Мануэль вспомнил, что он говорил Альварецу. Реаль укоризненно покачал головой.

– Теперь при встрече объясни ему, – сказал он, – что твои слова были лишь дружеской попыткой ободрить. Свобода придет, но не раньше победы на материке. Мы не имеем права рисковать, а польза от него сомнительна. Ясно?

– Понятно. Следующий раз буду осторожнее, – пообещал Мануэль.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ В ГРОЗОВУЮ НОЧЬ

Утром большую сборную группу заключенных отправили на расчистку зарослей, подступавших к ограждениям лагеря.

В передних рядах колонны Реаль заметил бороду Диаса. «Хорошо, что будем вместе, – подумал он. – Энрико поможет бросить в ручей шифровки».

В карманах его пиджака были спрятаны три небольшие пустышки кокосовых орехов. Их добыл ему у индейцев в шестом бараке Паблито. Он сам залепил отверстия, через которые был выпит сок, и на скорлупе вырезал значки шифра.

Миновав мастерские, где уголовники выделывали шляпы из волокон пальмовых листьев, кокосовые пуговицы, циновки, ткани и грубую материю для униформы каторжников, колонна заключенных подошла ко второму выходу лагеря.

Здесь надзиратель пересчитал всех, вытащил пистолет-ракетницу и выстрелил в сторону Бородавки. Зеленая молния взвилась в небо.

Через несколько минут на маяке каменного утеса вспыхнул и погас прожектор. Это обозначало, что сигнал замечен. Затем медленно поднялись вверх одно за другим три звена колючего ограждения. Образовался длинный и узкий проход.

Прожектор на Бородавке мигнул три раза: «путь безопасен».

Первыми прошли за электропояс два автоматчика, за ними цепочкой двинулись заключенные.

Реаль принялся считать шаги. Ограда на изоляторах здесь достигала десяти метров и высотой была в полтора человеческих роста. В нескольких шагах от нее начинались густые заросли.

Надзиратель Тумбейрос, разделив заключенных на небольшие группы, приказал начисто уничтожить буйную поросль, подступавшую к ограждениям.

Каторжники делали вид, что они с рвением выполняют его приказание, а на самом деле старались вырубать лишь зеленые побеги, оставляя корни почти нетронутыми, чтобы через две-три недели здесь вновь появилась молодая поросль.

День был жарким. Стражников, державших на коротких поводках овчарок, разморило на солнце. Один за другим они устраивались в тени деревьев и наблюдали из своих укрытий. Если кто из каторжников удалялся дальше канавы, прорытой для осушки болота, то его настигала выпущенная овчарка.

Реаль взмок в пиджаке, но не снимал его. Дождавшись, когда Диас потащит в общую кучу срубленные ветки, он схватил в охапку хворост и направился туда же. Сойдясь, они мигнули друг другу, и Реаль шепотом спросил:

– В каком состоянии ручей? Если что-нибудь бросить, уплывет в море?

– Наверяд ли, – вода в канаве застоявшаяся. Но сегодня парит, – видимо, будет ливень. Тогда все поплывет. Кстати, если вечером начнется гроза, мы собираемся в панданусовой роще. Скажи слово от имени Центрального Комитета.

– Хорошо, – согласился Реаль. – Только условие: никто не должен знать, под каким именем я здесь скрываюсь. На собрание приду замаскированным. Не возражаешь?

– Правильно, до времени тебе незачем открываться. А почему ты интересуешься ручьем?

– Сегодня надо послать первую весточку Долорес. Если сумеешь, брось эту пустышку в канаву.

Реаль незаметно передал Диасу один из кокосовых орехов. Тот спрятал его за пазуху и ушел.

Работа по расчистке полосы болот у электропояса была не легкой. От тяжелых испарений и запаха трав кружилась и болела голова. Босые ноги то и дело попадали в муравьиные проходы и кучи. Крупные муравьи, величиной с финик, кусались до крови, а мелкие так жалили, что тело охватывал нестерпимый зуд. Часто встречались змеи, выползшие на солнцепек. Ядовитых гадов каторжники тут же убивали мотыгами и палками.

Реаль, орудуя мачете, шаг за шагом приближался к канаве. Пот заливал ему глаза, от жары пересохло горло. Пожевав сочной мякоти молодого бамбука, он сделал вид, что наткнулся на змею. Реаль яростно стал хлестать палкой по земле у насыпи канавы, а сам незаметно выбросил из карманов

оставшиеся кокосовые пуштышки в тинистую застоявшуюся воду. Чтобы орехи не плавали на поверхности, он палкой затолкал их под мясистые листья каких-то болотных цветов и, как бы с сожалением, громко сказал:

– Эх, ушла в воду!

Через некоторое время они вновь сошлись с Диасом около наваленных горой молодых деревьев и ветвей.

– Я не могу понять, – что ты нацарапал на скорлупе?

– Это наш шифр. Его поймет только одна Долорес. Мы с ней заранее условились.

– Что такое «Э – 1»? – поинтересовался Диас.

– «Э» – твое имя. Мы договорились, если единица – значит, жив; двойка – ты не обнаружен; «3» – побег возможен; «4» – ничего пока не придумано. В общем, четные цифры для нас не хороши. Дальше я сообщаю, что побег возможен в сезон дождей, если к нам в эту пору подойдет корабль.

– Что же ты ни слова о своих делах с Долорес? Неужели вы до сих пор не объяснились?

– Нет, – вздохнул Реаль.

– А я принимал тебя за решительного парня. Думал, поженитесь без меня.

– Моя жизнь проходит в скитаниях и тюрьмах. Зачем же Долорес делать несчастной?

– А так, ты думаешь, она счастлива?

Хосе помолчал, Диас был прав. Он зря не поговорил с ней откровеннее, но сейчас не время сожалеть об этом.

Ночную мглу озаряли далекие молнии. Ветер раскачивал пальмы. С просторов океана на остров надвигалась гроза.

Луч прожектора, скользивший по кругу, время от времени выхватывал из тьмы кусты, прибрежные скалы, рифы, вихрящиеся волны океана.

В рощу панданусов собирались коммунисты – руководители тайных пятерок. Еще до отбоя каждому из них связанные передали, куда надо явиться. Обходя освещаемые маяком места, заключенные по одиночке пробирались к кустам чапаралья. Там их опознавали связные и передавали Паоло и Паблито. Те вели в глубь рощи и велели усаживаться меж причудливо изогнутых воздушных корней панданусов. Сюда не могли пробиться лучи прожектора.

Многие из заключенных, предвидя ливень, оставили одежду в бараках и пришли на совещание в одних трусах. Поэтому все они при вспышках молнии с любопытством поглядывали на человека в черной маске, закутанного в грубую мешковину.

Ночь была душной и томящей. Порывы ветра, проносившегося по верхушкам деревьев, не приносили облегчения.

Наконец в листве зашумели первые капли дождя. Энрико Диас поднялся и сказал:

– Компанейрос! За всю историю каторги на Панданго не

было еще такого многолюдного совещания коммунистов, как сегодняшнее. Это признак нашей силы. Надеюсь, что имена выступающих никто не назовет ни при каких обстоятельствах. Строгая конспирация – путь к свободе. Первому даю слово представителю Центрального Комитета партии, прибывшему к нам на Панданго со специальным заданием.

– Эге, значит, нас не забыли! Помнят еще? – послышались голоса.

– Помнят и ждут! – поднимаясь, подхватил последние слова человек в маске.

Сверкнула молния. Все увидели, что представитель Центрального Комитета высок и плечист: «Как он пробрался к нам? Отчаянный человек!» – мелькнуло в мыслях у многих.

Пророкотал гром; хлынувший дождь не заглушил голоса оратора. До всех явственно доносились его горячие слова:

– Лучшие сыны народа брошены в тюрьмы, томятся в лагерях. Но нас не запугают, не согнут. Мечту не закуешь в кандалы! Наши ряды растут, пополняются. Пришла молодежь, ее надо воспитывать. Каждый опытный человек дорог. Ваше место не на Панданго, а там, на материке. Мы не вечные каторжники, мы борцы за свободу. Поэтому никакая сила не удержит нас. Правда, система морской каторги продумана основательно. Первое впечатление остается такое, что побег невозможен. Но это может обескуражить лишь людей дряблых, безвольных. Кто осуществляет здешнюю систему насилия? Чинч, Томазо и прочий фашистский сброд, объединен-

ный страхом перед расплатой. Главные подлецы прячутся на Уолл-стрите и под рясой Зеленого папы. Здесь же мелкие, спившиеся исполнители. Неужели мы, коммунисты, не одолеем их?..

– Одолеем, если с умом возьмемся, – поддержал его Мануэль.

– Побег с Панданго возможен. Это мы выяснили, – продолжал говорить Реаль. – Подпольный центр разрабатывает подробный план действий. Но пять голов хорошо, а сто – лучше. Прошу всех вас поломать голову и обсудить на пятерках, как лучше организовать побег. Предложения передавайте связным. С завтрашнего дня считайте себя мобилизованными. Беспрекословно выполняйте приказания центра, даже если они будут казаться иногда нелепыми. Деталей мы не раскрываем по известным причинам: не хотим провала.

– А вы хоть немного оружия привезли?

– Нет.

– Как же без оружия? Ведь пули, выпущенные идиотами, тоже убивают.

– Одно могу сказать: мы не полезем в лоб на автоматы. Наша сила в точном расчете, разумных действиях, дисциплине и сплоченности. Ждем ваших советов.

Поднялся Энрико Диас.

– Больше вопросов не будет? Нет? Прошу по одному разойтись. О совещании никому ни слова, даже очень близким людям.

Прямо над рощей панданусов сверкнула молния, прогре-

хотал гром и хлынул тропический, все затопляющий ливень.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РАЗВЕДЧИК С-117

Рядом с конторой, в которой работали учетчиками и регистраторами бывшие клерки, попавшие на каторгу, находился лагерьный кабинет Чинча и веранда для отдыха. Веранда выходила в небольшой цветущий сад, огороженный от взоров заключенных двойной стеной колючих кустарников.

Солнце уже склонялось к горизонту, когда майор Чинч, слегка прихрамывая, прошелся вдоль живой непроницаемой ограды и остановился. Было тихо. Издали доносился невнятный рокот прибора. Чинч взглянул на часы, откашлялся и громко произнес:

– Без четверти семь!

Из колючего кустарника донесся негромкий, но четкий голос:

– Эс сто семнадцатый докладывает!

– Вы точны, как обычно, – отметил майор, доставая записную книжку. – Говорите, поблизости никого нет.

– Каторжник восемь тысяч шестнадцатый проболтался о перевозке нелегалщины в трюме «Сириуса». У них была создана специальная сеть по транспортировке запрещенной литературы. Все это происходило около года назад. Установить личность соучастника нетрудно: какой-то рыжий коче-

гар с «Сириуса». Записали, сеньор майор?

– Он у нас из рыжего серым станет, – ответил Чинч. – Вот уж истинно: язык – враг простофили. Потопил ведь дружка! Эти болтуны для нас просто клад.

– К номеру две тысячи девяносто девять необходимо подослать сотрудника из третьего барака, – продолжал шпион. – Задумывается, грустит, депрессия в разгаре. Он, кажется, коммунист. В подобном состоянии наверняка проболтается. Следует поторопиться, пока не повесился. Учтите: нужен тонкий подход.

– Дошел, значит. Вот что делает моя система! – не без гордости сказал майор, записывая донесение.

Разведчику это, видимо, не понравилось, и он напомнил Чинчу:

– А не ошиблись ли вы, сеньор майор? Мне кажется, что действующую систему ввел полковник Луис. Прошу записать: заключенный пять тысяч сто семь оскорбительно отозвался о вас. Считаю полезным выпороть перед строем.

– А что он сказал? – полюбопытствовал Чинч.

– Этот нахал назвал вас хромающей жабой. Надеюсь, он раскается. Перехожу к главному. На острове как будто готовится побег. Я случайно нащупал нить; она ведет к первому барaku. Но там ко мне относятся недоверчиво. Нужно...

– А вы не учите меня. Я сам знаю, что нужно делать, – перебил шпиона разозлившийся майор. – Какой там еще побег? Вы столько служите на острове и не знаете, что на эту

дешевку даже новички не попадутся. Каторжники смертным боем лупят тех, кто заводит речь о бегстве. И правильно делают! Нужны новые приемы в работе, а это слишком старо и примитивно...

– Сеньор майор, а если в их разговорах есть что-то серьезное? – настаивал шпион.

Чинч презрительно отмахнулся:

– Ерунда! В первом бараке работает отличный разведчик С-122, он сообщил бы... Ведь это не ваш сектор наблюдения. Уж не напоролись ли вы на своего? Занимайтесь только намеченным баракком, а то путаница происходит, а мне разбирайся потом. Что еще у вас? – спросил Чинч, поглядывая на часы.

– На сегодня все, – ответил голос из куста. – Попросил бы напомнить полковнику: срок моей стажировки кончается. Меня необходимо скорее убрать... хотя бы на Бородавку.

– Трусите? – произнес Чинч. Он неодобрительно покачал головой и закурил сигарету с золотым ободком. – Еще не прибыла замена... Ох, уж эта современная молодежь! Поживите рискованной жизнью, отполируйте нервы, зато вернетесь к новеньким погонам. А как приятно получить повышение в чине!

– Еще бы! – отозвался голос из куста: – Мой новый мундир уже ожидает меня. На нем будут нашиты погоны такие, как у вас.

«Хоть в шпионы переходи, – огорчился Чинч. – Любой

молокосос майором становится... и в генералы пролезет, а тут кисни на острове. Вот ловкач, мундир заранее заказал. Эх, Санта Мария, не везет же старым кадровикам!»

– Сеньор майор, одолжите будущему коллеге парочку сигарет. – Вновь послышался голос шпиона. – Полковник Луис говорит, что вы непревзойденный знаток виргинских табачков. Вообще он всегда очень мило о вас отзывается.

Услышав это, Чинч с готовностью полез в карман; майор рад был поделиться сигаретами с приятным собеседником. Ловким жестом открыв портсигар, он просунул его в кусты.

– Прошу, берите про запас! Да, мы с полковником старые боевые кони! Вместе наступали в России. Вспомнишь прошлое и загрустишь.

Отпуская разведчика, майор любезно добавил:

– А насчет так называемого «побега» – не рискуйте. На эту удочку они нас не поймают.

Чинч закурил сигарету и уселся в шезлонг.

Вскоре на дорожке появился медик с пластырем на носу, возвращавшийся после обхода барачков.

– Трое отправились к праотцам, – доложил Вилламба. – Наказанный вами утром – тоже не жилец, подохнет ночью. А так, ничего особенного. Ну, пятеро больных...

– Чем? – осведомился майор.

– Чем? Хм! Знаете, это меня самого заинтересовало. Но кто их поймет! Может, лихорадка, а может, еще что?.. Болезней ведь много, всех не запомнишь. Да и не к чему это

здесь. Больной и так протянет ноги.

– Так-то оно так, – согласился Чинч. – А вдруг чума или желтая лихорадка?

– Ну, в чуме-то я разберусь, – хвастливо уверил медик.

– Итак, на острове, значит, тишина и спокойствие? Приятно слышать! Прошу заглянуть вечером, у меня для вас отыщется бутылочка малаги. Мой фронтовой друг, полковник Луис, не забывает... прислал еще ящик.

– Малага, солнечная малага! Сколько воспоминаний связано с этим превосходным городом. Там была пылкая любовь, намечалось даже счастье. Вы представляете себе виллу из белого камня и мрамора? И понимаете, все пришлось бросить. Проклятые красные обвинили меня в отравлении женщины. Но ничего! По окончании контракта я обвенчаюсь с некой совершенно умопомрачительной дамой. У нее тоже вилла! Влюбилась с первого взгляда. Это вдова майора Гаудильо, скончавшегося от белой горячки. Но прежде я был красив, а теперь мой нос на полсантиметра короче. Как она примет меня?

– Примет, перенесет старушенция! – успокоил Чинч. – Я ее давно знаю. Кроме того, учтите, ваше увечье – почетное, вроде фронтовой раны.

На дорожке показался капрал. За ним следовали автоматчики и двое заключенных с носилками. Капрал приказал опустить ношу на землю и отрапортовал:

– Сеньор майор, разрешите доложить... заключенный по-

весился на дереве... только что сняли. Господин доктор, прошу взглянуть: он мертвый или живой?

Медик нехотя покосился на носилки и строго произнес:

– Вы глупы, Варош. Раз повесился, – значит, покойник. И нечего носить таких ко мне. Передвиньте носилки к свету, а то уже ни дьявола не видно!

Заключенные молча переставили носилки в другое место. Лунный свет упал на труп человека в полосатой одежде. Медик дотронулся до его холодного лба и определил:

– Готов, конечно; чего тут смотреть. Несите акулам на закуску.

Ветер качнул ветви деревьев. Лунные блики заколыхались на присыпанной песком дорожке. Майор, чтобы прервать наступившую тишину, громко откашлялся и спросил:

– А вы обыскали его, Варош? Записки нет?

– Простите, сеньор майор... Сейчас проверю.

Капрал нагнулся и стал обыскивать карманы повесившегося.

– Ложка... обрывок тряпки, – бормотал он. – Интересно, в кармане две сигареты. Где он их добыл?

– Что? Сигареты? – испуганно спросил Чинч и протянул руку. – Дайте-ка их сюда!

Сигареты были виргинскими с золотыми ободками, те, что майор отдал шпиону! Начальник лагеря провел ладонью по лбу и почувствовал неприятный озноб.

Медик вновь взгляделся в труп и, пораженный неожидан-

ным открытием, сказал:

– Он не сам повесился, его задушили. Вот следы насилия.

Чинч посмотрел на носилки. Лунный свет мерцающими пятнами колебался на посиневшем лице шпика.

– Он словно что-то хочет сказать, – произнес автоматчик и, пятясь, отступил от носилок.

– Оказывается, спокойствие обманчиво, – шепнул медик майору. – Они вовсе не на коленях.

Чинч, приказав доставить тело на пристань, заковылял к выходу. Медик поспешил за ним.

На ходу майор дрожавшими пальцами теребил рыжеватые бакенбарды и, как бы недоумевая, бормотал:

– Выходит, заказать новый мундир – еще не значит надеть его. Удивительно не повезло. А ведь как хотел получить повышение!

Начальник лагеря почувствовал себя в безопасности лишь за электропоясом, когда увидел у пристани катер, вооруженный крупнокалиберными пулеметами. Но он все еще не мог успокоиться: «Что же творится на нашем острове? Этак они и меня скоро повесят. Какие-то совершенно непонятные и загадочные истории».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ТАИНСТВЕННЫЕ ЗНАКИ

На Панданго началась незаметная, тайная деятельность подпольного центра. Самые активные коммунисты были распределены: одни попали в штаб, другие – в контрразведку, третьи – в группу подготовки. Группа подготовки состояла из специалистов; на них возлагалось решение всех технических задач побега. Одновременно и совершенно секретно формировался штурмовой отряд. О нем знали лишь посвященные.

Каждый участник получал задание через связных или руководителей пятерок. Некоторые из них не знали, кто им помогает и какую роль придется играть в дальнейшем. Особенно смущены были люди, попавшие в штурмовой отряд. «Неужели наши собираются одолеть тюремщиков голыми руками?» – недоумевали они. Об оружии им ничего не говорили, и, что думает по этому поводу руководство, тоже никто не знал.

Один из участников получил задание подсчитать охранников первого поста, так как никто из заключенных не знал, сколько же всего стражников караулит их.

Другой участник, обладавший хорошим зрением, выполнял почти такую же задачу: он вечерами сидел невдалеке

от пролива, подсчитывал стражников и скрытно наблюдал за всем происходящим на Бородавке. Через неделю наблюдатель сделал обстоятельный доклад о распорядке жизни в комендатуре и подтвердил верность сведений полученных штабом.

Инженеры из группы подготовки, по заданиям бывшего строителя мостов Хорхе, занимались расчетами каких-то деталей для непонятного им сооружения. Каждый делал свое дело молча, никто не пускался в догадки и обсуждения. Этого требовала дисциплина.

Правда, был случай, когда один из строптивых участников обратился к Диасу с жалобой на Мануэля. Оказывается, тот посоветовал ему навязаться к старшему надзирателю с изготовлением переносного ложа. Заключение было против угодничества перед тюремщиками, но, побеседовав с Диасом, он перестал сомневаться в разумности поручений.

В эти дни Кончero решился в присутствии товарищей сдать первый экзамен Реалу. Экзаменатор предложил буквами изобразить первое его желание. Ученик, наморщив лоб, задумался, затем ухмыльнулся и не спеша, чтоб не нарушить торжественности момента, вывел название сладкого картофеля – «батат».

Все затаили улыбки, а Реаль, стараясь быть серьезным, поинтересовался:

– А чего-нибудь большего ты не желаешь?

Кончero, видимо опасаясь провалиться, с таким усердием

принялся лепить одну к другой буквы, что у него бисеринками выступил пот на лбу и переносице. Он без ошибки написал целую фразу: «Котел батата». И тем самым, по мнению Реаля, доказал неплохое усвоение письменного изложения своих мыслей и желаний.

Но тут Жан заинтересовался:

– Зачем же, Кончоро, тебе так много батата?

Силач, смутясь, потупился и, краснея, объяснил:

– Я бы тогда сумел всех вас как следует накормить досыта.

И этот ответ так понравился экзаменаторам, что Кончоро тут же был зачислен в отличники и был принят шестым в дружную «пятерку».

* * *

После отбоя в лагере начиналась иная, не похожая на прежнюю жизнь. Возле роци панданусов появлялись крадущиеся фигуры. Одни пробирались настороженно, вглядываясь во тьму, другие шли походкой людей, уже изучивших ночной маршрут. Все они обязательно встречались с Кончоро. Силач обладал удивительной особенностью: он видел своими небольшими глазами в темноте не хуже кошки. Настороженная внимательность и бесстрашие помогли ему стать непревзойденным стражем.

В один из туманных вечеров Кончоро поймал подозрительного заключенного, пытавшегося ползком пробраться в

рошу. Напрасно задержанный вырывался, умолял, грозился пожаловаться начальству. Кончерио был неумолим. Он пристукнул лебезящего лазутчика, чтобы тот не убежал, а позже передал своим друзьям. Те, разглядев задержанного, допросили его и, поняв, что в их руки попался доносчик, без долгих размышлений бросили его на провода электропояса.

Паблито выполнял старое задание: отправлял с одним и тем же текстом письма к Долорес. Мать воспитала его, как все индианки воспитывают своих детей. Он знал обычаи индейцев и умел объясниться с ними на родном языке. Это помогало ему добывать в шестом бараке кокосовые пустышки. Гвоздем выцарапав на них знаки шифра, он заворачивал кокосовые пустышки в мох и бросал их в сточные канавы. После каждого ливня все плавающее уносилось бурными потоками в море.

Дружба с индейцами из шестого барака помогла Паблито проникнуть в одну из тайн лагеря. Оказывается, Чинч эксплуатировал индейцев для своего обогащения. Он их посылал за электропояс собирать несозревшие кокосовые орехи, чтобы всегда иметь в запасе прохладный и приятный на вкус сок; отыскивать среди лиан гвоздику и гуаране, которую индейцы звали «иоко», а в кустарниках листья возбуждающего кока, идущего на изготовление кокаина.

Часть добычи им удавалось проносить в барак, так как со своим грузом они отправлялись прямо в лагерьный кабинет Чинча, все укладывали в ящики и уходили никем не обыс-

канные. По вечерам, чтобы как-нибудь скрасить каторжную жизнь, индейцы заворачивали кусочек извести в лист кока, закладывали его за щеку и посасывали, впадая в блаженное опьянение.

Перед каждым походом в болотные заросли индейцы приготавливали настой из стружки коры лианы «иоко». Одной чашки этого настоя было достаточно, чтобы целый день не ощущать ни голода, ни жажды.

* * *

На острове Панданго, казалось, все шло по-старому: чуть свет вой сирен поднимал каторжников с нар, надзиратели гнали их на поверку, а медик подсчитывал умерших за ночь.

Майор Чинч, после бунта Лескано, издал чрезвычайный приказ, запрещающий заключенным подходить к стражникам ближе чем на пять шагов, и свирепее прежнего расправлялся с нарушителями каторжной дисциплины. И несмотря на все это, политические заключенные словно повеселели. С просветленными лицами они усердно копали котлованы и таскали с места на место песок. Самые бессмысленные работы перестали действовать на них угнетающе. Казалось, что заключенные выполняют их с удовлетворением.

Все надзиратели утверждали, что большинство политических стали на редкость послушными; к ним не легко было придраться.

«Неспроста это, – думал Чинч. – Система полковника Луиса не могла так утихомирить политических. Тут кроется что-то другое. Но что?»

На днях капрал Варош после обхода электропояса принес майору кокосовую пустышку.

– На ней вырезаны какие-то знаки, – сказал он.

Чинч взял лупу и попытался расшифровать их, но у него ничего не получилось.

– Такая же чепуха, какая была на дорожках и котлах, – сказал он. – Видно, какие-нибудь молитвы индейцев или самбос.

На всякий случай он все же спрятал пустышку до приезда полковника Луиса.

Доклады медика отравляли душевное спокойствие майора. За последнее время из строя то и дело выбывали тайные агенты, подосланные в бараки. Пронырливый шпион С-116 умер неизвестно от чего, С-119 сам напоролся на смертоносные ограждения около секретного телефона. Двое осведомителей отлеживались на Бородавке. Их избили в темноте какие-то неизвестные личности.

«На старые места таких агентов не пошлешь, – сокрушался Чинч. – Для шпионской работы на острове они навсегда потеряны. Но где возьмешь новых, если старые будут; ежедневно выбывать?»

Происходящее пугало и угнетало майора. Разуверившись в агентуре, он стал зазывать к себе охромевшего доктора,

пил с ним малагу, стремясь с помощью медицины проникнуть в психологию заключенных. Но охмелевший Вилламба лишь запутывал его и вселял еще больший страх.

Все же майор по начальству докладывал, что на острове все спокойно. Не будешь же описывать все то таинственное, что происходит? За это могут прогнать и лишит обещанных денег. Тогда прощай, тихая жизнь на континенте!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ГОРОДСКАЯ СЕНЬОРИТА

Месяца два назад на Позабытом берегу появился небольшой оранжевый автофургон, в каких обычно коммивояжеры возят образцы своих товаров. Он остановился около «Осьминога». Из шоферской кабины вышли седоволосый человек интеллигентного вида и хрупкая блондинка в кремовом плаще.

«Видно, отец и дочь», – определил дон Амбросио. Поклонившись, он вежливо осведомился: чем может быть полезным приятным гостям?

Приезжий, взглянув поверх очков на стойку, на рыбаков, сидящих в харчевне, спросил:

– Нет ли поблизости свободного домика или опрятной комнаты для моей дочери? У нее слабые легкие. Врачи предписали прогулки и морской воздух.

Дон Амбросио задумался: не сдать ли ему самому комнату наверху? Кому помешает хорошенькая квартирантка? Около «Осьминога» всегда будут толкаться парни. Старик, видно, при деньгах, иначе не повез бы так далеко свою дочь. Но поскольку же берут в таких случаях? И спросить не у кого, – ведь любители морского воздуха прежде не поселялись на Позабытом берегу.

В разговор вдруг вмешался рыжий смотритель маяка, приехавший на мотоцикле за кокосовым маслом, мукой и вином.

– Вас интересует жилье? Найдем! – захохотал он густым басом. – У дюн живет моя сестра Джарманела. У нее почти вся хижина пустует. А если у Джарманелы не понравится, приезжайте на маяк, устрою. И компаньонка подходящая будет. Моя дочь Энрикета такой сорванец, что сеньорита с ней не заскучает.

Рыжий смотритель маяка не дал дону Амбросио даже слово вставить. Он заговорил гостя и увел к своей Джарманеле.

На другой день дон Амбросио узнал, что упустил богатую жилищку, так как старик уплатил все деньги за полный пансион до конца сухого сезона. Надо же было подвернуться этому нахалу смотрителю маяка!

Девушка, поселившаяся у Джарманелы, целые дни проводила на берегу океана. То она часами прогуливалась вдоль прибойной полосы и уходила так далеко, что едва виднелась в желтых песках, то вместе с детишками собирала после отлива разноцветные ракушки и лепила на мокром песке фантастические замки, с башнями и зубчатыми стенами. Чего не придумаешь от безделья!

Взрослые встречали забавлявшуюся сеньориту снисходительными улыбками, а детишки полюбили ее. Они целые дни толпились около Долорес, охотно собирали ракушки, водоросли и помогали сооружать целые селения вокруг замков,

окруженные рвами, зарослями, в которых водились мелкие крабы, морские ежи, звезды, жуки.

Иногда городская сеньорита угощала ребят «чиклетками» – упругими, как резина, конфетками, приготовленными из сока дерева чикле, содержащего гуттаперчу. Чиклетки можно было, посасывая, жевать очень долго, – они медленно уменьшались. Стоило Долорес показаться на пляже, как к ней со всех сторон вприпрыжку устремлялись ребяташки. И матери были довольны: городская сеньорита присмотрит за детьми.

Раза два в неделю к хижине Джарманелы подкатывала на своем красном мотоцикле Энрикета – семнадцатилетняя дочь смотрителя маяка. У калитки она глушила мотор и кричала:

– Долорес! Я соскучилась по тебе. Одевайся, прокачу с ветерком!

И эта сумасшедшая, усадив сеньориту на заднее сидение, проносилась по улице с таким грохотом и треском, что куры разлетались по сторонам и набожные старухи в испуге высывались из окон.

– Господи Иисусе, дева Мария... опять Энрикета! Она убьет приезжую. Таких сорванцов даже среди парней не сыщешь.

Энрикета действительно была отчаянной. За какой-нибудь час до прилива она мчалась с городской гостьей на мотоцикле по песчаной полосе, которую лизали вспененные

языки прибоя. На такую поездку не решались даже сумасбродные парни. Они знали, что в случае порчи мотоцикла можно погубить и машину, и себя. На пятой миле от селения начинались отроги северных гор. Между океаном и обрывистыми скалами, отполированными волнами, по всему пути до маячного мыса оставалась лишь узкая полоса, полностью заливаемая приливом. Если автомобиль либо мотоцикл останавливались в этих местах, то машину потом трудно было сдвинуть с места, так как шины увязали в оседающем мокром песке, засасывающем, как трясина.

Долорес, конечно, возвращалась с маяка только после отлива, потому что другого пути, кроме водного, в рыбацье селение не было.

Если бы набожные соседки Джарманелы могли бы хоть на секунду перенестись к скалистым обрывам у моря, то они бы увидели, что на обратном пути мотоциклом правит не Энрикета, а городская сеньорита. И машина у нее мчалась не на малой скорости, а на предельной, благо впереди – широкая и гладкая дорога без пыли и не нужно опасаться встречных автомобилей. Оказывается, обе девушки любили быструю езду, и трудно было разобраться, которая же из них отчаяннее. Лишь в миле от селения подруги менялись местами, и старшая из них вновь превращалась в хрупкую городскую барышню.

Никому из жителей Позабытого берега и в голову не приходило, что девушки выполняют опаснейшее задание запре-

щенной компартии, ушедшей в подполье.

Во время приливов, когда к маяку по суше нельзя было добраться, девушки уходили на моторном баркасе вдоль берега миль за десять, проникали в какую-нибудь узкую бухточку и, привязав баркас, карабкались на скалы. Установив коротковолновый передатчик, подруги тотчас же начинали вещать: «Говорит радиостанция компартии Южной республики. Повторяем последние известия».

Их передатчик был не главным, а одним из дублирующих. Основная же подпольная радиостанция компартии беспрестанно скиталась по разбитым дорогам Южной республики. Она начинала действовать в точно назначенный час и, проработав минут тридцать, быстро меняла место стоянки, чтобы не быть запеленгованной.

Девушки либо успевали записать дважды переданный текст, либо запоминали его, чтобы составить собственную радиопередачу. Им до отлива никто не мог помешать, а если бы полицейские попытались искать блуждающий передатчик со стороны моря, то подруги заметили бы преследователей издалека и успели бы скрыться в горах.

На маяке, в хорошо замаскированном тайнике под башней, каждое утро дежурили по очереди смотритель маяка и его дочь. Здесь у них была собрана любительская аппаратура коротковолновиков. Надев наушники, кто-либо из них часа два ловил на условленных волнах все звуки в эфире, надеясь наткнуться на сигналы с Панданго. Но сигналов не было: ни

Реаль, ни Диас уже больше двух месяцев не давали о себе вестей.

И волны океана не выбрасывали на Позабытый берег обещанных шифровок.

Долорес напрасно чуть ли не ежедневно совершала дальние прогулки вдоль прибойной кромки, вглядываясь в обломки бамбука, куски коры пробкового дерева, в сорванные с рыбачьих сетей поплавки. Она и ребятишек приспособила для своих поисков: они собирали на берегу все, что могли принести волны, и таскали ей для постройки песочных замков.

Все чаще и чаще тучи заволакивали небо, сверкали молнии, грохотали раскаты грома и теплые дожди обрушивались на Позабытый берег. Приближалась пора ливней.

Долорес жила в тревоге.

«Здесь я ничего не дождусь, – думала она. – Надо было отговорить Хосе от безумной затеи. Он же никого не спасет и погибнет сам. Не пора ли рассказать по радио о тайной каторге? Почему мы молчим?»

Когда к ней под видом заботливого отца на автофургоне приехал связной Центрального Комитета партии, Долорес поделилась с ним возникшими мыслями.

– Нет, – ответил он. – Секретный остров разоблачать рано. Мы подведем Реаля и товарищей. Их уничтожат раньше, чем придет спасение. Запаситесь терпением и ждите вестей. Вы же здесь не бездельничаете, а заняты очень важным де-

лом. Ваш блуждающий передатчик сбивает с толку полицию. Скоро в строй вступит еще одна станция. Будете включаться по точно разработанному расписанию. Настало весьма горячее время. Под ставленниками Зеленого папы горит земля. Их бесстыдная продажность возмущает не только рабочих, но и нашу буржуазию. Нужно в ближайшие месяцы ждать взрыва возмущения.

Связной передал Долорес расписание передач, стопку разоблачительных материалов и воззваний Центрального Комитета партии.

– Подбрасывайте больше горючего в огонь, – сказал он. – У вас хорошая дикция и взволнованный голос. Вы умеете с особым презрением произносить кличку предателя «Пеке-ньо»¹¹. Вашего голоса ждут у радиоприемников, я проверял в домах докеров. Мы поднимем ярость народа и сбросим диктатора!

Штормовая погода иногда мешала выходить на баркасе в море. Девушки надевали на себя сумки с радиоаппаратурой, тяжелыми аккумуляторами и на мотоцикле или пешком отправлялись в горы. Там разыскивали какое-нибудь укрытие, устраивались в нем и в точно назначенный час в микрофон зывали к своему народу.

От ночных походов и волнений Долорес так уставала, что могла уснуть в любом месте. Она заметно похудела, но с аппетитом ела и выглядела посвежевшей. Близость океана и

¹¹ «Пекееньо» – по-испански – «коротышка»

горный воздух действовали благотворно.

Однажды в солнечное утро, когда Долорес возвращалась с маяка, на пляже ее окружили маленькие девочки и стали просить:

– Сеньорита, у нас башенки не выходят. Вы все с Энрике-той катаетесь, поиграйте с нами.

Они усадили ее на песок и отдали все свои игрушки. И вот здесь, среди тряпичных кукол, деревянных формочек для песчаных баб, совков и цветных стекляшек, Долорес вдруг заметила кокосовую пустышку с какими-то знаками, вырезанными на твердой оболочке. Она взяла ее в руки, всмотрелась и, потрясенная, спросила:

– Дети, где вы взяли эту игрушку?

– Ее Пикета на берегу нашла, мы хотели купол на башне сделать, – сказала одна из девочек.

Сомнений не оставалось: на кокосовой пустышке был долгожданный шифр. Долорес уже не могла оставаться с детьми, – ей не терпелось скорее пойти к себе, закрыться и с лупой в руках прочесть весточку с Панданго.

– Девочки, мне сегодня некогда, – сказала она. – Мы поиграем в другой раз. А чтобы вам не скучно было, – хотите я куплю чиклеток?

– Хотим, очень хотим! – ответили девочки и запрыгали вокруг Долорес. Им ведь не часто перепадали сладости.

Захватив с собой кокосовую пустышку, Долорес с ребятами зашла в «Осьминог». Дон Амбросио встретил ее

низким поклоном. Он рад был услужить приятной сеньорите.

– Не слишком ли вы расточительны? – заметил хозяин «Осьминога». – Этих птенцов не накормишь чиклетками. Их в каждой лачуге по дюжине.

– Ничего, на радостях можно.

– Не могу ли я узнать, если не секрет, какая у сеньориты радость?

В глазах дона Амбросио блеснул огонек не простого любопытства. «Не подозревает ли он меня в чем-нибудь? – подумала Долорес. – С таким надо быть осторожнее».

– Мой жених в дальнем плавании, – ответила она. – Мы с ним не виделись около полугода. А вчера я узнала, что он прибудет прямо сюда.

– На пароходе?

– Нет, на «Мерседесе».

– А не рискует ли сеньорита вызвать у жениха ревность? У нее здесь очень много тайных вздыхателей и поклонников.

– Я что-то не вижу их, но на всякий случай учту ваш совет и переселюсь на маяк, – смеясь сказала Долорес.

Раздав девочкам купленные чиклетки, она зашла домой и внимательно прочитав шифровку, поспешила на почту. Ее телеграмма в столицу была короткой:

«Дорогие родители приготовьтесь встретить Хосе тчк Обещает прибыть первым пароходом начале дождей свадебным подарком тчк Целую ваша Долорес».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПЕРЕД ШТОРМОМ

– Душный будет день, – поглядывая на небо, определил Наварро.

– К ночи, видимо, соберется гроза, – сказал Реаль, проявлявший с недавнего времени необычный интерес к погоде. – Солнце в дымке марева всходит и птицы низко летают.

Паоло принялся спорить:

– Нет, день по всем признакам должен быть летным.

Он, как все люди, имевшие дело с воздушной стихией, считал себя знатоком атмосферных явлений.

Весь день палило несколько затуманенное солнце, и только к вечеру поднялся небольшой ветер. В небе появились ключья рваных облаков, несущихся с юга на север.

На работах в приступе лихорадки свалился Диас. Капрал Варош, возвращавшийся с очередного обхода линии электропояса, почему-то смилостивился и приказал стражникам отпустить больного в барак.

В конце дня в шахте рухнула порода и придавила трех заключенных. Больше ничего особенного на острове Панданго не произошло.

После скудного ужина Мануэль с Наварро пробрались на опушку рощи панданусов. Это место было любимым.

Отсюда Мануэль наблюдал за Бородавкой и разговаривал с Реалем и Диасом о побеге. Сегодня он умышленно захватил с собой летчика, нужно было всерьез поговорить с ним.

– Как же ты собираешься жить дальше? – спросил он.

– Надеюсь на побег, – ответил Наварро. – Мне терять нечего. Краснорожий Чинч так и сказал утром: «Жив еще? Ну, походи до приезда полковника, а там – акулам на закуску!»

Похудевший, в выгоревшем мундире без пуговиц, в продранных бриджах, он едва походил на прежнего щеголеватого авиатора. Что-то неуловимо-новое появилось в его лице, в выражении глаз.

– Хосе вас всех зовет товарищами, а меня только по имени, и ни разу не ошибся. Неужели он меня не считает своим? – спросил вдруг Наварро. – Или это потому, что я сказал: «Мне по пути с вами до берега?»

– А где тут берег? – спросил Мануэль. – Сейчас у нас с тобой один путь. – И он указал в сторону синевшего за проволокой океана. – Но разве наша дружба может кончиться там? Мне кажется, она только начнется.

– А я разве возражаю? Вы сами немного сторонитесь... и тайны у вас какие-то от меня.

– Наши тайны ты сегодня узнаешь, – пообещал Мануэль.

Вскоре к ним подошел Паоло, Жан и Паблито; не хватало только Реаля, ушедшего к заболевшему Диасу, и Кончero. Силач задержался на кухне. Он теперь нес оттуда все, что

мог наскрести со дна котлов.

Мануэль знал, что приготовления к побегу близились к концу, – об этом говорилось на последнем совещании в штабе. Группа подготовки доложила о завершении возложенных на нее задач, а штурмовой отряд, проведя ночные тренировки, ждал сигнала к началу действий. Неизвестен был лишь решающий день. Его не могли назначить, так как не знали, когда прибудет хоть какой-нибудь пароход. Но людей нужно было подготовить к выступлению в любой момент.

Прибыл Кончерио и внес оживление: он наступил на растянувшегося под кустом Жана.

– Миллион раз твержу: сначала посмотри – потом шагай! – негодовал француз.

Но он тут же сменил гнев на милость. Силач принес завернутые в листья маисовые пригарки. Все лежащие, а особенно Жан, обрадовались еде. Недавно Хосе исключил себя и Диаса из списка подкармливаемых, приказав распределять «добычу» только среди штурмовой группы.

Наконец на тропинке появился Реаль. Он почему-то остановился и стал вслушиваться.

По дорожке от первого поста шли два пьяных стражника; впереди Лиловый, а позади его толстый соотечественник, получивший от бразильцев кличку «Тосиньо»¹². Они громко разговаривали по-немецки.

– Даже в воскресенье никакой культуры! – жаловался Ли-

¹² «Тосиньо» – по-бразильски – «свиное сало»

ловый. – Эх, то ли дело у нас, дома! Воскресенье... приезжает бродячий цирк. Барабан гремит, девчонки грызут орехи, а мы сначала – шнапса, потом пива. Вечером обязательно драка. Вот была жизнь. Эх! – И он огорченно махнул рукой.

– Колотил же ты «профессора», – напомнил Тосиньо.

– Слабое развлечение! Кажется, я в кого-то загнал пулю?

– Промазал!

– Вот видишь! А ведь был когда-то первым стрелком. Любому пулю в глаз за тридцать шагов всаживал. Не веришь? Отмеряй шаги и становись! Не хочешь? Ну то-то!

Увидев на дорожке Хосе, он вскинул автомат и заорал:

– Эй, каторжник, пляши! Дарю целую сигарету. Пляши, пока я добрый.

– Плясать не обучен, – простодушно разведя руки как бы с сожалением, сказал Хосе. – А вот у нас бык был, честное слово, чечетку копытами отстукивал. Соображал лучше начальства.

– Я вижу, ты из ковбоев, они мастера рассказывать и гадать. А ну, гадай мне на руке, – потребовал Лиловый. – А то тут со скуки подохнешь. Чертовы пальмы, чертов остров и вы все – дьяволы!

– За гадание полагается пачка сигарет, – начал торговаться мнимый ковбой. – Я и без руки вижу, что ты тоже узник, хотя еще и не догадываешься.

– Твое гадание не стоит и окурка! Понял? Через неделю кончается мой контракт. Я отстукал здесь пять лет! Насквозь

просолился и до костей прожарился. Уеду на родину, – надоели вы мне.

– Неужели думаешь, что тебя отпустят? Да никогда! Ты ведь в первой таверне проболтаешься. – Разыгрывая из себя простака, сказал Реаль и стал вглядываться в раскрытую ладонь Лилового. – И линии у тебя, как у любого из нас. Вы каторжники, только с автоматами. И срок у тебя не кончается. Прикажут новую бумажку подписать, – долго еще служить будешь. Не надейся, никуда не уедешь!

Стражники с изумлением тарасили на гадалщика глаза. То, что говорил ковбой, походило на правду. Хосе ухмыльнулся: он знал, что бьет по самому больному месту. Каждый из них в душе опасался именно этого.

– Пять лет! Так говорится в контракте. Понял? – сказал Лиловый и, взглянув в сторону поста, оживился: – Видишь, чертов предсказатель, подходит судно?

Вдали показались огни теплохода, идущего к острову.

– Это наверняка сам полковник! – обрадовался стражник. – Я спрошу у него. И если ты врешь, то я тебя разыщу и заставлю до блеска вылизать мои парадные сапоги.

Мануэль заметил веселый огонек, мелькнувший в глазах Реаля. А Наварро помрачнел, – прибытие парохода не предвещало ему ничего хорошего.

Лиловый бессвязно продолжал выкрикивать:

– Я пойду... Я спрошу! Все знают, что срок кончается, пусть он не крутит. Где мои парадные сапоги? – вдруг рявк-

нул он, уставившись свирепым взглядом на Тосиньо.

– Твои дурацкие сапоги на твоих толстых ногах. По воде, что ли, пойдешь к нему? Утонешь. Для храбрости надо еще выпить. Пошли!

Схватив собутыльника за рукав, он потянул его за собой. Лиловый, вспомнив об обещании, вытащил из кармана пачку сигарет и швырнул их под ноги Реалю.

– На, чертов гаучо, кури!

Стражники удалялись уже не так покачиваясь, как прежде. Неожиданное гадание их, видимо, немного протрезвило.

Реаль подобрал сигареты и, подойдя к друзьям, стал угощать всех. Паоло, как страстный курильщик, моментально достал кремень и высек огонь.

Сделав глубокую затяжку, Реаль взглянул на низко нависшую вдаль тучу, освещенную заходящим солнцем, и сказал:

– Через два-три часа эти тучи закроют все небо. Кто уверял, что сегодня не будет шторма?

– Я, – признался Паоло. – Ты выиграл.

– Нет; кажется, мы оба выиграли!

Реаль поманил к себе Мануэля, что-то шепнул ему. Тот моментально оживился и, позвав с собой Паоло с Паблито, поспешил к баракам.

Сидевшие на камнях Жан с Кончиро тоже получили распоряжение и ушли из роцци.

Издали донесся грохот цепей в клюзах: судно бросило

якорь в проливе.

– Итак, сведения разведки оказались точными, – негромко сказал Реаль. – На остров приходят суда с большой грузоподъемностью. Чудесно, лучшего мы и не ждали.

Он повернулся к задумавшемуся Наварро. Ветер трепал черные кудри летчика, но тот как бы ничего не замечал. Он курил, глубоко затягиваясь.

– Любишься закатом? – спросил Хосе.

– Закат великолепен и предвещает шторм, но мне нынче что-то не до красоты. Если прибыл полковник Луис, вряд ли придется любоваться завтрашним заходом солнца.

– Ну, до утра еще целая ночь, а они теперь стали длинные, – сказал Хосе, следя за стоявшим на рейде судном.

– Для кандидата на тот свет последняя ночь всегда коротка! – ответил летчик, продолжая жадно курить.

– Вы не различаете, сколько людей на той лодке? – вдруг обратился к нему Реаль.

Наварро, отличавшийся профессиональной остротой зрения, взглянул на большую шлюпку, покачивавшуюся вдали: она только что отвалила от судна, направляясь к пристани Бородавки.

– Двенадцать человек. Очевидно, команда судна. Нет, они в форме и с оружием. Новые стражники. – Бросив окуроч, летчик продолжал: – Я благодарен вам, Хосе, за многое. Завтра, без сомнения, они пристукнут меня. Что ж, я сумею умереть. Но хотелось бы посоветоваться. Утром меня вызовут

из строя и поведут на утес. Есть замечательный план! Когда проход откроют, я толкну стражника на провода электропровода и кинусь на второго... Я обзаведусь автоматом и буду драться до последнего патрона!

– Безнадежно! – осветил Реаль, взглядываясь в его решительное лицо. – Когда выводят из лагеря, заключенный идет по проходу один и его держат под прицелом. Стоит сделать шаг назад – и вас прикончат. Здесь все предусмотрено!

– Черт бы их подрал! – помрачнел Наварро. – У меня все не как у людей: едва разобрался, для чего жить стоит, и приходится умирать. Да и умирать-то бестолково!

– Я сказал: до утра времени много. А утро будет не таким, как вам думается, – сказал Реаль и поднялся с камня, так как показался возвращавшийся Мануэль.

– Вы хотите поддержать меня надеждой? Я понимаю, что выживу лишь в случае побега. Но когда он будет, этот побег?

– Сегодня, – заверил Хосе и поспешил навстречу Мануэлю.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЖИЗНЬ!

Изрытый волнами океан бушевал. По проливу катились высокие пенистые валы и с грохотом разбивались о прибрежные камни.

Ветер усиливался. Он гнул деревья, сотрясал стены и крыши барачков.

На Бородавке взметнулся туманный луч прожектора и заскользил по кругу. Коммунисты, собранные по тревоге, упали на землю и прижались к корням панданусов.

В перебегающем свете прожектора искрилась водяная пыль, которой был насыщен воздух. Чувствовалось, что приближается тропический ливень. Горизонт давно затянуло черной, непроглядной завесой.

– Командир группы безопасности, – окликнул Реаль, – все ли у вас налицо?

– Полностью все двадцать пять человек, – отрапортовал по-военному Лео Манжелли – пожилой коммунист, которому довелось воевать в интернациональной бригаде в Испании.

– Хорошо, немедленно приступайте к действию. Особенно зорко следите за тем, чтобы никто не проник к первому посту и замаскированным телефонам. Беспрепятственно про-

пускайте лишь связных, известных вам в лицо, и своих командиров, остальные должны знать пароль и отзыв. Штаб находится до полуночи в роще панданусов. Если перейдет в другое место, мы вам сообщим.

Реаль подошел к Лео Манжелли и шепнул на ухо:

– Пароль на сегодня: «Да здравствует жизнь». Отзыв – «Борьба».

– Понял, – ответил командир отряда и шепотом повторил услышанное. Затем он построил своих бойцов и повел расставлять ночные секреты и дозоры.

– Группа переброски собралась? – спросил Реаль.

Из темноты вышел Паоло.

– Да, в полном составе... Приспособления собраны в одно место. Ждем указаний.

– Приступайте к установке «карусели». Сегодня уже не тренировка, а настоящий побег. Все наши отряды будут включены в действие.

«Наконец-то!» – подумал каждый из заключенных, но никто из них ничем не выдал своей радости.

– Перебросить только тех, кто намечен штабом, – приказал Хосе. – И никого больше.

Группа переброски пошла среди деревьев уверенным шагом, несмотря на темноту. Ночные тренировки помогли изучить и запомнить путь.

Хлынул долгожданный дождь. Луч прожектора еще больше потускнел; он с трудом пробивался сквозь стену ливня.

Грохот грома, рев океана и шум непогоды заглушали все звуки.

* * *

Самой серьезной преградой при побеге была смертоносная проволока электропояса. Не раз возникала мысль: нельзя ли подкопаться под нее и выбраться на волю? Выяснилось, что невозможно: стражники ежедневно производили обходы с овчаркой, обученной находить подкопы. Все деревья на расстоянии в двадцать метров от электропояса были вырублены. Если появлялись в этой полосе кусты, то их выдирали с корнями при обходах.

Реалю казалось, что не трудно будет изготовить лестницы и набросить на проволоку щиты, сделанные из сучьев, и по ним перебраться на другую сторону. Но где все это хранить? Готовые изделия громоздки, на них всякий наткнется, поинтересуется: «Что это такое?» – расскажет другим. Тогда – прощай, свобода! А если подготовить и спрятать материал да в разных местах? Но хватит ли времени на изготовление и переброску воздушной дороги через электропояс? А вдруг кто сорвется?

Реаль поручил инженерам из группы подготовки разработать самые быстрые способы вязки лестниц, щитов и подсчитать, сколько времени уйдет на одну лишь работу.

Инженер, которого все звали Хорхе, придумал более

быстрый способ переброски людей за проволочные ограждения. Его сооружение походило на букву «Т». Конструкция основана была на принципах карусели и колодезного журавля. На изготовление «Т» шло гораздо меньше материалов. Требовался столб с вершиной, затесанной на конус, плаха с выдолбленным гнездом, длинные жерди и крепкие лианы.

Несколько столбов с заостренными вершинами лежали за кухней; выдолбленную плаху и два десятка бамбуковых жердей заключенные притащили в лагерь во время заготовки дров. Делали они все это под предлогом устройства переносного ложа-сидения с балдахином из пальмовых листьев для старшего надзирателя. Подобная забота об удобствах начальства даже несколько тронула Тумбейроса. Он приходил в благодушное настроение, видя, как в полосе зарослей всюду за ним на плечах заключенных передвигалось и «ложе», лежать или сидеть на котором было несравненно удобнее, чем на сырых и колючих ветвях. К тому же сверху не жгло солнце и не падали с ветвей проклятые муравьи.

Все тренировки с сооружением Хорхе проходили по ночам в роще. Сейчас же инженерная группа, захватив с собой материалы, подошла почти к самому электропоясу. Четыре человека металлическими ложками принялись копать для столба яму, а остальные стали связывать тонкими и крепкими лианами и наращивать в длину бамбуковые жерди. Одно из плеч «Т» должно было быть не менее двенадцати метров.

Работа шла без заминок. Ночные тренировки, на которых

настаивал Реаль, приучили всех действовать в темноте на ощупь.

Длинная вязка бамбука, закрепленная на плахе, наконец была водружена на вершину столба, вкопанного в землю. Благодаря конусу и гнезду в плахе верхняя часть «Т» могла подниматься и опускаться, как коромысло, и вращаться, словно карусель.

Паоло подергал лямку для седока, сплетенную из лиан.

– Для проверки крепости не мешало бы подвесить камень, – сказал он.

– Зачем терять дорогое время, – запротестовал Хорхе. – Я уверен в прочности и готов первым испытать коромысло.

Инженер уселся в лямку, а его товарищи, пригнув короткое плечо «Т» к земле, подняли Хорхе вверх. Связанный бамбук изогнулся, но не очень сильно.

– Давайте на ту сторону, – негромко предложил Хорхе.

Длинное плечо с сидевшим на конце инженером, еще больше изогнувшись, описало в воздухе полукруг над смертоносными проводами и остановилось. Хорхе спрыгнул на камни побережья и радостно воскликнул:

– Да здравствует свобода!

А ливень не прекращался. Рассеянный свет прожектора тускло озарял происходившее. С Бородавки в такую погоду невозможно было заметить новое сооружение. Не зря Реаль, Мануэль и Диас несколько вечеров подряд выбирали место для возведения воздушной переправы.

Тем же рассчитанным движением товарищи вернули побывавшего на воле Хорхе. Инженер спрыгнул на песок и пустился в пляс: он радовался, что изобретенная карусель работает безотказно.

Оставив строителей, Паоло поспешил в штаб доложить, что первое препятствие преодолено. Решив сократить путь к роще панданусов, он срезал угол. Когда Паоло уже подходил к роще, что-то метнулось к нему из тьмы. Сбитый с ног, он свалился и больно ударился о корневище.

По железной хватке и довольному сопению летчик догадался, что попал в могучие объятия Кончеро, и у него отлегло от сердца.

– Говори слово! – потребовал тот, немного ослабив хватку.

Паоло с трудом прохрипел:

– Да здравствует жизнь!

– Ну то-то! – сказал силач, добросовестно охранявший подходы к роще: – Значит, это ты, Паоло?

– А не мог бы ты хватать полегче? – спросил летчик, потирая пострадавшую шею. – Отвернешь кому-нибудь голову. В твоих лапах не только пароль, но и как зовут, не сразу вспомнишь!

– Я сначала схвачу, а потом спрашиваю, – стал оправдываться силач. – Так надежнее!

– Ох, Кончеро, лучше бы ты делал наоборот!

– А ты не ходи, где не указано, – посоветовал силач.

Паоло, прихрамывая, направился к роще, где и доложил об успешном сооружении воздушной переправы.

Перед руководителями стояла группа людей в промокших от ливня «полосатках». Это был десантный штурмовой отряд Мануэля, которому предстояло теперь приступить к действиям. Не хватало двух участников. Гомес выбыл потому, что стражник повредил ему прикладом кисть руки. К вечеру она распухла. Несмотря на боль, Гомес одним из первых явился по вызову, горя желанием принять участие в трудном деле. Отстраненный Реалем, он стоял в стороне, чуть ли не в слезах, проклиная стражника.

Его заменили рослым, но несколько медлительным в движениях Чезаре, бывшим лесорубом. Выполняя приказ, Чезаре занял место Гомеса.

Неожиданно Жуан Пэрифуа смущенно обратился к Реалу:

– Командир, мне стыдно признаться... но я боюсь и ничего не могу сделать с собой.

Все выжидательно молчали. Лишь Ренни – из резервной группы, пренебрежительно буркнул:

– Трус!

Случай был неприятным. В этот отряд, о назначении которого знало лишь руководство, подбирались наиболее сильные и умеющие плавать люди, а их было не так уж много среди истощенных обитателей политических бараков. Все же Реаль мягко ответил:

– Я понимаю тебя, Жуан... трудно сейчас смотреть в глаза товарищам? Но признаться в слабости – тоже нужна смелость. Никто не упрекает тебя, ты не трус, – просто такое задание тебе не по плечу. Хорошо, что сказал о нервном состоянии, потом было бы поздно. Что ж, ты пригодишься для другого дела.

Жуана передали в распоряжение Лео Манжелли в группу безопасности. Тот, проинструктировав его, отправил следить за проходом к первому посту, наиболее отдаленному и спокойному участку.

– Оказывается, выше своей головы не прыгнешь, – высказался Жан.

– Смотря, какая голова! – возразил Ренни, стоявший в резерве.

Ренни не был членом партии; его зачислили в резерв по рекомендации одного из руководителей пятерок и главным образом потому, что он умел плавать и казался парнем решительным. Ренни занял в строю место Жуана.

– Выбор подпольного центра пал на вас, умеющих плавать, – сказал Реаль собравшимся. – Вы отправляетесь на выполнение очень рискованного задания. От ваших успехов зависит общая судьба. Вас перебросят через электропояс. Ночь и шторм укроют от прожектора. В проливе сильное течение – оно может вынести в океан. Но вы поплывете курсом, который рассчитал опытный пловец, бывший рекордсмен Наварро. Сегодня впереди особенно ценный приз

– собственная жизнь. Наварро придется позаботиться, чтобы вы не сбивались с пути. Вы не утонете: у вас будет кое-что...

Стоявшие в строю оживились. Оказывается, путь через бурный пролив не так уж страшен: все предусмотрено, обо всем позаботились организаторы. «Бедняга Жуан, напрасно он испугался», – мелькнуло у многих в голове.

Мануэль взглянул на пловцов, молчаливо стоявших в строю. До сегодняшней ночи он всегда был рядовым бойцом, подчинявшимся старшим товарищам. Сейчас же ему предстояло вести за собой смельчаков, обязавшихся победить во что бы то ни стало. Малейшая ошибка вела к гибели. Только сейчас Мануэль почувствовал всю тяжесть ответственности. Ему стало не по себе, и он оглянулся на Реалья. Тот, угадав его опасения, ободряюще шепнул:

– Что, лихорадит немного? Так всегда бывает перед схваткой. Все продумано и рассчитано, остается только хладнокровно действовать. Одно ваше появление в тылу у ничего не подозревающего противника обеспечивает половину успеха. Остальное довершит смелость.

По знаку Хосе на полянку, освещенную слабым светом маяка, вышли Паблито и Кончero, принесшие в корзине что-то завернутое в мешковину. Силач был освобожден от охраны роши Лео Манжелли, расставлявшим свои посты.

Реаль, не надеясь на истощенные силы товарищей, решил перед началом операции как следует подкрепить пловцов. Кроме пригарков, собранных Кончero, в корзине был кув-

шин с настойкой «иоко» добытой у индейцев.

Пловцы оживились, увидев угощение.

– Закусим здесь, а выпить придется в проливе, – балагурил Жан, поедая пригарки. – Ай да Кончero! Как это ты весь котел не захватил?

Но силача не веселили его шутки; он стоял около Реалья и с грустью вздыхал, словно желая о чем-то просить.

Мануэль еще раз оглядел лагерь. Через несколько минут он расстанется с этими пальмами, панданусами и опротивевшим островом. Начнется иная жизнь.

– Итак, компанейрос, выпейте по чашке «иоко» – и в путь, – сказал Реаль. – Пусть заря встретит вас свободными!

Десантники молча выпивали у Паблито настой «иоко» и уходили к «воздушной переправе». Первыми скрылись во мгле Паоло с Жаном, потом радист Гвидо Фернандес с Ренни, а за ними тяжело зашагали лесоруб Чезаре и Мануэль.

Кончero пошел за ними и шепотом начал уговаривать командира десантной группы замолвить перед начальством слово о нем.

Реаль на минуту задержал Наварро в роще и тихо сказал:

– Если с Мануэлем что-либо случится в пути, – все сорвется. Ваша обязанность – стать его негласным телохранителем. Он неплохо плавает, но был ранен в руку... да мало ли еще какие опасности ждут впереди.

Наварро вытянулся по-военному и коротко ответил:

– Ясно. Будет исполнено!

Луч маяка появился над их головами. Косой ливень уходил, провожаемый огненными зигзагами молний.

– Мы будем зависеть от вашей решительности и находчивости, – напомнил Реаль. – Надеюсь, вы не растеряетесь?

– Я выполню все, что смогу. Меня ведь ждет смерть!

– Нас ждет победа и жизнь, – сказал Реаль и на прощание крепко пожал ему руку.

Рамон поспешил за товарищами и исчез в потоках дождя.

Оставшись один, Реаль подошел к ограждению и начал всматриваться в темные воды океана. Луч прожектора бродил вдали. Прошло полчаса, начали прибывать связные Манжелли, сообщая о ходе дел на различных участках острова.

Появившийся Кончеро растянулся, зацепившись ногой за корень. За ним, бесшумно ступая, подошел Паоло.

– Так что они уже за проволокой, – поднимаясь, начал докладывать Кончеро. – Я сам Мануэля переправлял, вот как! Он просил велеть... нет, велел приказать... – Силач с надеждой взглянул на Паоло, чтобы тот помог ему выпутаться, но командир инженерной группы молчал. – У них одного человека не хватает. Меня, значит! Мануэль сказал, что очень уж я надоел ему. Он возьмет меня с собой, если вы разрешите. Ох, уплывут они без меня!

Эта просьба, с трудом изложенная Кончеро, вызвала невольную улыбку. Очевидно, силач не только надоел Мануэлю, но по пути обрабатывал и Паоло. Реаль повернулся к

командиру инженерной группы.

Паоло коротко сообщил о завершении переброски десантников за ограждение.

Кончero, видя, как уходят драгоценные минуты, решил ускорить события:

– Я настoй «иoko» выпил и Мануэлю помогать буду, да мало ли что... на все пригожусь. Я же самый сильный! – пустил он в ход свой последний козырь.

– Нужно плыть больше километра, а у нас нет больше запасных вязанок из бамбука, – объяснил ему Реаль.

Кончero моментально оживился:

– Зачем мне бамбук? Я два часа на воде держусь... Пустите.

– Отпусти его; надоел он со своими просьбами, – вставил Паоло и при этом напомнил рассказ силача о том, как, спасаясь от встpeпки грозного деда, Кончero заплывал на середину озера и держался там по несколько часов подряд, пока старый Педро не упрaшивал его выйти. – Кроме того, ты нам не дал Луиджи.

– Он плохо плавает и останется пока в резерве, – ответил Реаль.

– Отдай Кончero, он пригодится там, а здесь будет лишь бродить да вздыхать.

– Выдержит ли «воздушная переправа»? Ведь он весит больше всех? – критически оглядывая огромную фигуру Кончero, высказал свое сомнение Реаль.

– Во мне никакого веса! – поспешил уверить силач. – Меня, бывало, дедушка Педро за волосы к потолку поднимал. Какой там вес? Я легкий.

– Ты, Кончери, самый упрямый человек на свете, – улыбнулся Хосе. – Ладно, отправляйся, если Мануэль не раздумал взять тебя с собой.

Вне себя от радости, силач начал поторапливать Паоло: он опасался, как бы товарищи не уплыли без них.

Паоло сбросил размокшую «полосатку» и остался в одних трусах.

– Одежда каторжника больше мне не понадобится, – сказал он. – Не забудьте разобрать нашу «Карусель».

– Не беспокойся, сделаем, но только после вашего сигнала с Бородавки, – пообещал Реаль.

* * *

Хосе долго стоял у проволоки электропояса. Отсюда ему удобнее было наблюдать за проливом. Наконец он заметил почти сливавшиеся с темнотой девять полураздетых фигур. Они шли по самой кромке берега, неся на плечах легкие вязанки из сухого бамбука, которые должны были помочь им держаться на воде.

Десантники остановились за оградой, почти напротив Реаля. Один из них жестом указал направление. «Это Наварро», – догадался Хосе.

Он рассмотрел, как летчик первым бесстрашно бросился в высокие, вихрящиеся волны. За ним во тьме залива исчезали и другие. Даже в луче прожектора, скользнувшем по заливу, не видно было их голов.

– Доплывут, – уверил себя Реаль и вернулся в рощу панданусов.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

НОЧЬ НА БОРОДАВКЕ

– Стой, не волочи... здесь камни острые! – устало произнес Наварро.

Вместе с Кончеро они вынесли на берег опутанного морскими водорослями Мануэля, уложили его на широкий плоский камень и сели отдохнуть сами.

– У меня в глазах все крутится в разные стороны, – сказал Кончеро. Его мучило; силач порядком наглотался горько-соленой воды, никак не мог опомниться от качки на волнах. Но легчик был беспощаден, он не позволил долго отдыхать.

– Вставай!.. Иди на помощь другим.

Кончеро поднялся и, пошатываясь, направился к высоким волнам, разбивавшимся о прибрежные камни. Путь через бурный пролив оказался гораздо труднее, чем они предполагали.

Шторм заметно ослабевал, но нависшие тучи продолжали поливать волны и скалы теплым дождем.

В самые трудные минуты Наварро пришлось плыть, подерживая на себе Мануэля. В каких-нибудь полутора-двух метрах от берега судорога свела руку командиру десанта. Хорошо, что подоспел Кончеро, иначе не хватило бы сил вытащить Мануэля на сушу.

Видя, что Мануэль уже приходит в себя, Наварро пошел разыскивать товарищей. На отмели он встретил Кончero, тащившего на себе обессиленных Чезаре и Жана.

Вблизи Бородавки высокие откатные волны разметали пловцов. Изнемогающий Паоло никак не мог добраться до берега: бешеная вода то бросала его к нависшим скалам, то тянула назад, в море. Наварро, найдя опору, удачно схватил его за отросшие длинные волосы и вытянул на прибрежные камни. Таким же приемом он извлек из волн и Паблито. Даже теряя сознание, неразлучные друзья были рядом.

Подбежавший Кончero горестно сообщил:

– Чезаре не дышит и шевелиться не хочет.

– Сделай ему искусственное дыхание, – предложил Наварро и вновь поспешил в клокочущий вихрь пены и брызг.

«Делай искусственное дыхание, но как? Главного-то и не сказал! – огорчился Кончero и, спотыкаясь, пошел к неподвижному лесорубу. Он понимал, что нужно какое-то вмешательство. Но какое? – Не дышит, – значит, в нем воды много. Надо вылить ее, авось легче станет», – решил силач и приступил к оживлению Чезаре.

Взвалив большое обвисшее тело себе на спину, он принялся раскачивать его, держа головой вниз. Скоро из носа и рта Чезаре хлынула вода и он зашевелился. Силач удвоил усилия, продолжая трести и раскачивать товарища с таким усердием, что мертвый наверное бы проснулся.

– Ох, и здорово я придумал! – радовался он.

Отлежавшись на берегу, Мануэль открыл глаза. Ему вспомнилось все, что еще недавно пережили. Сначала они плыли в открытый океан, иначе сильное течение пронесло бы десантников мимо Бородавки. Расчет опытного Наварро оказался правильным. Летчик все время держался рядом с Мануэлем, подбадривал всех. Он успел помочь Чезаре перетянуть распутившийся бамбуковый круг.

Наконец они повернули к Бородавке, пересекая стремительное течение. Внезапно из тьмы, обдавая терпким запахом йодистых водорослей и смолы, возникло нечто черное, бесформенное. Летчик рванул Мануэля за плечо в сторону. Это спасло командира десантников от столкновения с забредшими в пролив обломками судна, плывущими по течению. Но радист Гвидо Фернандес не успел уклониться, его ударило обломками мачты. Он коротко вскрикнул и исчез. Краем зацепило и Наварро, но Мануэль остался невредимым. «Вот она, непредвиденная опасность!» – вспомнил он последние напутственные слова Реаля.

Кончero опустил Чезаре на песок; тот глубоко вздохнул и зашевелился. Силач удовлетворенно перевел дух и, заметив рядом распростертого француза, сказал:

– А теперь примусь за Жана. Где у него тут ноги?

Француз, увидевший, что делал силач с Чезаре, поспешил отползти в сторону.

– Не надо, дружище! Сам оживу, – сказал он.

Наварро принес на спине безжизненное тело Ренни.

– Пришлось дважды нырять, – сказал он. – Едва вытянул. Посмотрите, – что с ним?

Паоло и Паблито начали приводить в чувство Ренни. Жан им помогал.

– Да ты не краба ли проглотил? – по привычке балагурил француз. – Хоть глазом мигни... больше никаких сигналов не надо.

Ренни вскоре очнулся, но он настолько ослабел, что не мог даже поднять головы.

– Один Фернандес не доплыл, – сказал со вздохом Мануэль.

Все опустили головы, вспоминая, каким добрым и бесстрашным парнем был радист.

Шторм заметно стихал. «Этак и дождь скоро прекратится», – подумал Мануэль. Наступало время решительных действий. В трех сотнях метров от прибрежной скалы, под которой расположились десантники, в окнах комендатуры светились огни. Там, на скалистой террасе, в каменном доме жили стражники во главе с африканским капитаном.

– Друзья, – сказал командир десантной группы. – Нас всего восемь человек... Путь через пролив был нелегок, но самое трудное – впереди. В нашем распоряжении ливень, темная ночь и неожиданность. Предстоит сначала овладеть комендатурой: там не подозревают о нашем прибытии. Это и есть тот удар с тыла, о котором говорил Хосе. Я отправлюсь на разведку. Паоло, ты остаешься за командира.

– Возьмите меня с собой, – предложил Чезаре и с готовностью поднялся.

Но Мануэль остановил его.

– Нет, – сказал он. – Со мной отправится наша ночная кошка – Кончерио. Понадобится его сила. Не напрасно же он напросился в десант. Пусть поработает за троих. Остальным – отдыхать, набираться сил и терпеливо ждать сигнала...

Для Лилового воскресенье закончилось неудачно: от каприала он получил предписание немедленно явиться в распоряжение капитана Томазо. Ночное дежурство на Бородавке, где свирепствовал Африканский капитан, не предвещало ничего доброго.

Допив остатки виски и попросив у «Тосиньо» вылить на голову ведро воды, Лиловый переоделся, причесался и на катере отбыл на Бородавку.

Явившись к капитану, который уставился на него налитыми кровью глазами, он так лихо отрапортовал о своем прибытии, что зазвенел стаканчик, надетый на горлышко бутылки.

Похвалив Лилового за выpravку, Томазо назначил его в ночное дежурство возле комендатуры, предусмотренное инструкцией, но совершенно никчемное, по мнению стражников.

С двумя гранатами и парабеллумом на поясе, автоматом на шее, одетый в непромокаемую накидку с капюшоном, Лиловый мрачно расхаживал по площадке у зачехленной пуле-

метной установки. «Эх, жаль, не захватил бутылочку с собой. Кто бы здесь заметил? В такую погоду ни одна собака не выйдет!»

Вода лилась сверху и хлюпала под ногами. Прибой грохотал внизу. Кругом – темнота, изредка озаряемая коротким и туманным лучом прожектора. Невеселые думы одолевали Лилового.

«Дернуло же меня подписать контракт в Южную Америку; никто бы и дома не тронул. Живут же другие...»

Три года подряд ефрейтор зондер-команды Генрих Лютце жег селения, вешал и расстреливал мирных жителей. Потом пришлось убегать от партизан и от наступавших танкистов. В конце войны, чтобы не попасть в плен советским войскам, он сдался американцам. Те загнали его в концентрационный лагерь.

Через некоторое время стали появляться списки военных преступников. Многих немцев отправили в те места, где они зверствовали. Ефрейтор Лютце во сне видел, как его ведут от одного выгоревшего селения к другому, как протягиваются костлявые руки убитых им женщин и мужчин. Всюду качаются петли из толстых веревок. Просыпаясь в холодном поту, он замечал, что и соседям не спится. Многие из них сидели нахохлившись и от малейшего стука со страхом смотрели на дверь барака. Спасение пришло неожиданно: появился вербовщик, подsunул бланк, на котором надо было расписаться, петля больше не угрожала.

Скорее туда, к пальмам, прелестным сеньоритам и всему тому, что он видел когда-то в кино! Но не все так вышло, как хотелось. Ефрейтор сначала попал на работы в топкие болота и кормил москитов своей, кровью, потом по новому, более выгодному контракту выехал на этот остров. И здесь выяснилось: пальм, виски и соленой морской воды – сколько угодно, но никаких сеньорит! Вокруг смерть, каторжники и тоска.

Часовой ожесточенно выругался и сплюнул. Во рту у него пересохло. «Эх, идиот! Кто же в такую погоду на посту без фляги!» Неужели он и в самом деле не расстанется с этим чертовым островом? Ведь сейчас и в Германии нашлось бы хорошее местечко!

Ефрейтору показалось, будто за спиной что-то зашуршало. Он медленно и нехотя повернулся. И в этот момент словно на него обрушилось небо. От удара по голове в глазах Лилового сверкнула молния, земля закачалась... и свет прожектора померк.

Мануэль повернул сбитого с ног часового и, убедившись, что стражник не дышит, снял с него автомат и, отстегнув кобуру, вытащил парабеллум. Впервые за эти годы его рука вновь ощущала холодную сталь оружия. Кончоро, сняв с ефрейтора плащ, сапоги и одежду, толкнул Лилового с площадки в море.

Вдвоем с Мануэлем они приблизились к кирпичному одноэтажному зданию, стоявшему на высоком фундаменте.

Свет горел лишь в дежурном помещении. Окно было высоко.

Кончero ткнул Мануэля в бок, согнулся и прижался к стене под окном. Поняв это безмолвное приглашение, Мануэль не мешкая вскарабкался на широкую спину силача и прильнул к стеклу.

Несколько минут он разглядывал помещение, откуда доносился рыкающий голос Томазо. Капитан муштровал ночную смену караула.

Шестеро десантников, тесно прижавшись друг к другу, всматривались в темноту и прислушивались. Колеблющийся луч прожектора скользнул по скале, под которой они притаились.

– Кто бы мог подумать, – произнес Ренни. – Оказывается, для спасения не нужно чудес... немного силы и смелости.

– Что же ты не сообщил о своем открытии раньше? – спросил Жан. – Мы бы уже давно гуляли на свободе. Но тебе все же следовало бы летчика поблагодарить. Если бы не Наварро, лакомились бы тобой акулы.

Вскоре из темноты появился Мануэль; он был в мундире, брюках и сапогах стражника. За ним следовал Кончero в длинном плаще, развевавшемся на нем, как парус.

– Все идет по плану, – сообщил Мануэль. – Часовой уже пошел на дно. Это был Лиловый.

– Туда ему и дорога!

– Кто умеет обращаться с такой штукой? – спросил Мануэль подняв автомат.

Оказалось, что из десантников только Наварро знаком с современным автоматическим оружием. Вновь появившийся луч прожектора дал ему возможность разглядеть автомат.

– Системы Томпсона, – определил Рамон. – Известная машинка.

Показав, как автомат действует, он отдал его Мануэлю. Командир десантного отряда, переглянувшись с товарищами и поняв без слов, вернул оружие летчику.

– Вручаем тебе. Применять будешь только в случае провала, – предупредил он. – Первый же выстрел всполошит охранников и погубит наши замыслы.

Паоло и Паблито получили по гранате. Кончоро, к своему огорчению, лишился кинжала, который успел нацепить себе на пояс. По приказанию Мануэля им вооружили Жана.

– Зачем тебе этот ножик? Твой кулак почище кувалды сработает, – попытался утешить его француз. – Только по своим не угоди. Сначала посмотри, – потом бей, а не наоборот!

Мануэль, рассказав товарищам о том, что ему удалось увидеть в комендатуре, напомнил:

– Пирамида с оружием стоит слева, почти у двери. Не спят только шесть человек караула и капитан. Пока мы с Наварро держим их под прицелом, быстрее вооружайтесь. Ну, пошли!

Горсточка смельчаков вышла из-под скалы и двинулась туда, где светилось окно комендатуры.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПРЕДАТЕЛЬ

– Эх вы, верблюды одногорбые! Грустно смотреть на ваши рожи, – выговаривал Томазо, с печалью уставившись на примолкшую шеренгу стражников. – Людей я из вас, конечно, не сделаю, но начальство уважать научу.

Над большим столом, за которым сидел Томазо, чернел репродуктор, присоединенный к телефону. Не желая утруждать себя, капитан выслушивал телефонные рапорты подчиненных из репродуктора, отвечая в стоявший перед ним микрофон. Слева у входа виднелись винтовки разнообразных систем, лежали автоматы и ручные пулеметы.

Напротив входа находились две двери – одна в спальню, другая – в кабинет капитана. Благодаря этому вся жизнь стражников протекала на глазах Томазо и они испытывали на себе все изменения настроений капитана.

Шеренга из шести стражников облегченно вздохнула, видя, что капитан, наконец, потянулся к бутылке с ромом. Наполнив рюмку, Томазо произнес:

– Я ли не забочусь о вас, бездельники, а вы до сих пор не научились приветствовать майора Чинча. Кто из вас утром не козырнул ему? Молчите? Нет виновных? Ух, противные морды, смотреть на вас не могу! Шеренга... Кру-у-гом! Ша-

гом марш! Пока в стену носом не уткнетесь.

Выпив ром, капитан крикнул и вновь стал поучать подчиненных:

– Я вижу, зажирели; не только бегать, – стоять разучились! Я за вас возьмусь! У меня будете шелковыми. Вся прежняя служба раем покажется...

Стражники стояли почти уткнувшись лбами в стену, когда дверь беззвучно отворилась. В комнате появился Мануэль с парабеллумом в руке. Следом за ним вошел Наварро; он направил автомат на шеренгу и скомандовал:

– Руки вверх! Не оборачиваться, стреляю без предупреждения.

Стражники, ничего не понимая, подняли руки, а пораженный Томазо с недоумением смотрел на пришельцев: не мерещится ли ему?

Мануэль шагнул к капитану и коротким движением ударил его по голове тяжелой рукояткой парабеллума. Пьяный офицер обмяк и как-то боком соскользнул со стула на пол.

– Всем лечь лицом вниз! – приказал Мануэль.

Стражники послушно выполнили его команду. Вбежавшие десантники мигом разобрали оружие с пирамиды.

Мануэль поспешил к двери, из которой доносилось сонное сопение и храп, и осторожно прикрыл ее. Его взгляд упал на крышку подвального люка в центре комнаты. Внизу был карцер. Многие знали его назначение. Наварро поднял крышку и, заглянув внутрь, сказал:

– Знакомый подвал, черт его побери! Здесь-то они меня и колотили. Кричи, взывай, – никто не услышит! Пусть теперь сами посидят в нем.

Стражников за ворот поднимал Кончero. Паблито с Паоло обыскивали их, забирая револьверы, спички, ножи, зажигалки, затем передавали Жану и Чезаре, а те снимали мундиры и сталкивали пленников в подвал.

Через несколько минут все караульные очутились внизу, так и не разобрав, что произошло.

Теперь предстояло захватить спальню. С оружием в руках это было уже не так сложно. Шестеро десантников вошли в обширное помещение, освещенное тусклым светом. Пахло дешевым табаком, прелой кожей и отвратительным спиртным перегаром. На койках, расставленных в два длинных ряда, спали стражники и надзиратели. Один из них, скрипя зубами, что-то бормотал во сне.

– Эй ты, вставай! – толкнул его в бок Мануэль.

– Отстань, свинячья шкура! – выругался охранник и, повернувшись на другой бок, засопел.

– Дайте-ка мне, – тихо проговорил Кончero.

Он сгреб не просыпавшегося стражника в охапку, донес его до распахнутого люка и, как на салазках, спустил по лестнице. А за ним таким же образом принялся сплавлять и других обитателей спальни. Чезаре, обладавший значительной силой, помогал ему. Остальные, с автоматами наготове, следили за спящими.

Когда несколько стражников проснулись от шума, то уже поздно было думать о сопротивлении. Грозные лица десантников и дула автоматов объяснили им все без слов. Трясущимися руками стражники стали натягивать на себя брюки, опасливо косясь на каторжников.

Один из них не выдержал и, с самым умильным выражением на лице, предупредил Паоло о чрезвычайно легком спуске гашетки автомата. Волей случая его собственное оружие было сейчас направлено на него же.

Другой, сообразив, в чем дело, заботливо прихватил с собой недопитую бутылку виски и подушку.

Старший надзиратель, подойдя к люку, хотел было запротестовать, но, увидев в подвале капитана Томазо, опустил голову и покорно спустился вниз. Остальные были послушны так же, как начальство.

Наварро и Паоло, осмотрев опустевшую спальню, заметили торчавшие из-под койки ноги в носках, с продранными пятками. Пинком подняв стражника, вздумавшего спрятаться, они прогнали его в подвал и захлопнули крышку люка. Замок механически защелкнулся. Без помощи сверху сидящие в карцере уже не могли выбраться.

Трудная операция была выполнена без выстрела. Это воодушевило десантников.

Поставив Паблито часовым, Мануэль приказал всем переодеться в одежду стражников.

Наварро заглянул в кабинет Томазо. Со стен на него смот-

рели голливудские кинозвезды и какие-то военные в форме иностранного легиона. Тут же висело фото расстрела связанных арабов. Летчик пристально вглядывался в людей в бургусах, с презрением глядевших на карателей, направивших на них дула автоматов.

– Вот как умирают! – с уважением прошептал он.

Под большим простреленным зеркалом, между флаконов с одеколоном, пистолетных патронов и бритвенных принадлежностей, стояла солидная бутылка с ромом. Наварро сперва понюхал, а затем, отведав ее содержимое, прищелкнул языком.

– Ямайский ром! – определил он. – Чудесное питье. Я думал, что и попробовать больше не доведется.

В шкафу он обнаружил белье и крахмальные воротнички, а в соседнем отделении висела капитанская парадная форма.

– Пожалуй, она мне подойдет, – решил Наварро.

Он нарядился, как военный щеголь, и закурил сигарету.

Остальные также переодевались в захваченную одежду. Мануэль надел мундир Томазо, висевший на спинке кресла, и направился во внутренние помещения комендатуры. Навстречу ему вышел франтоватый офицер с дымящейся сигаретой в зубах. Выхватив пистолет, Мануэль прицелился в него. Офицер выронил сигарету и крикнул:

– Не стреляй, Мануэль! Какого черта! Это же я.

– Руки вверх или душа вон! – одновременно раздался позади грозный голос Жана.

Наварро поднял вверх руки вместе с бутылью.

Узнав летчика, Мануэль опустил странно потяжелевший пистолет и перевел дыхание, а Жан тут же крикнул:

– Чего же ты поливаешь меня! Опустить бутылку, говорю!

– Приказ есть приказ, особенно когда он подтвержден пистолетом, – ответил Рамон, опуская руки. Увидев на полу лужицу вина, летчик расстроился: – Думал, парни согреются после проплыва, а оно теперь вот где. Твоя доля, Жан, вся здесь.

Собравшись вместе, десантники с трудом узнавали друг друга. У Кончиро был вид обиженного неудачника. Мундир не сходился на его груди, а брюки треснули по шву.

– Все перемерил, ничего нет подходящего, – жаловался он.

Наварро присел за стол и, раскрыв папку со списками личного состава, сказал:

– Ничего, оденем парня без всякой примерки. Так... Вес у тебя какой? Был сто шесть килограммов? Сейчас, значит, не более девяноста. Рост сто восемьдесят семь? А ну, вызвать сюда старшего надзирателя Тумбейроса. Он понадобится и Мануэлю.

Жан поднял крышку люка и крикнул:

– Старший надзиратель, на носках!

– Чего изволите? – высунув круглую физиономию, с подобострастным видом спросил Тумбейрос.

– Принесите сюда вашу парадную форму! – приказал лет-

чик.

Сопровождаемый Паоло надзиратель прошел в кладовую за спальней и вынес разглаженный мундир с брюками. Силач натянул объемистые брюки Тумбейроса и сразу же заулыбался.

– Что ты скажешь, в самый раз! – восхищался он.

Неожиданно очнулся Томазо. Он поднялся по лесенке, держась за голову и заметив, что старший надзиратель стоит в одной ночной рубашке, по привычке рывкнул:

– Почему без штанов? В карцер захотелось? Помогите подняться!

Мануэль распорядился столкнуть ничего не соображавшего капитана вниз и взялся допрашивать надзирателя. Тот на все вопросы не отвечал и только хлопал глазами. Пришлось припугнуть:

– Утопим, если не заговоришь.

Трясаясь мелкой дрожью, Тумбейрос, наконец, заговорил:

– И... и... я... з-заикаюсь. И... и... н-не соберусь с мыслями. Ночью сюда никто не является. Распоряжения поступают к ужину, а сейчас уже десять часов. Господин майор и медик живут на той стороне утеса. В клубе отдыхают стражники, прибывшие вечером на судне. Что еще изволите?

– Кто может позвонить сюда? – осведомился Наварро, взглянув на черный рупор на стене.

– Никто! Кто же осмелится беспокоить капитана Томазо по пустякам?

– Как отвечаете на вызов?

– «Пост номер два слушает». Очень прошу снисхождения, пощадите меня, господин начальник. Детки у меня... они еще маленькие, не оставьте сироток.

– Вот ради детишек, пожалуй, и следует тебя утопить – с самым серьезным видом сказал Жан.

– Ох, господа, пощады! Я буду верно служить вам, – упав на колени, принялся канючить Тумбейрос.

Его подняли и потащили в подвал. Но стоило открыть крышку люка, как снизу послышался хриплый голос Томазо:

– Послушайте, как вас там, черти, дьяволы! Почему меня посадили вместе с солдатами? Не положено. Немедля переведите в другое помещение, – требовал капитан. – Нарушаете международные законы о содержании военнопленных. Я жаловаться буду!

– А-а, сразу о законах заговорил! Жалуйся старшему надзирателю, – сказал Жан. Подтолкнув вниз Тумбейроса, он закрыл за ним крышку люка.

Десантники стали распахивать по карманам патроны и запасные обоймы к автоматам. Лишь Кончери, действуя вместо ложки двумя пальцами, молча трудился над раскрытой банкой консервов, с наслаждением уплетая холодные бобы с мясом.

Мануэль вышел на улицу. Внизу, где светился фонарь, у пирса покачивались два морских катера. Они, казалось, только ждали властной руки рулевого, чтобы ринуться в оке-

анскую даль. Никого из команды на катерах не было. Мануэль разыскивал в рубке аккумуляторный фонарь. Он сошел с ним на пирс, повернулся в сторону острова Панданго и трижды включил свет. Это был условный знак – теперь Хосе знал, что комендатура захвачена.

«Что происходит там? – подумал Мануэль, всматриваясь в темноту. – Видимо, от радости обнимаются, поздравляют друг друга. Но не рано ли?»

Он вернулся в комендатуру. Ренни откуда-то притащил вторую бутылку вина и стал разливать по кружкам.

– За долгожданную свободу, друзья! – торжественно сказал он. – За удачу!

Внезапно резко прозвучал продолжительный звонок. Десантники растерянно переглянулись. Звякнула выпавшая из рук Ренни кружка, ром разлился по полу.

– Что обозначает этот звонок? – не понимал Мануэль и жестом приказал Рамону, стоявшему ближе всех к телефону, снять трубку.

– Пост номер два слушает! – ровным голосом сказал летчик.

– Говорит пост номер один! Капрал Варош просит капитана весьма срочно! – зарокотал репродуктор на стене.

– Спокойнее, капрал, спокойнее, – начальственным тоном ответил Наварро. Капитану Томазо некогда... Он занят!

– Чрезвычайное происшествие! – настаивал Варош.

Из репродуктора слышалось его прерывистое дыхание.

– Тогда передайте донесение адъютанту полковника Луиса. Он сейчас подойдет к телефону. Извольте трубочку, сеньор адъютант! – проговорил Наварро, обернувшись к Мануэлю. Тот, благодаря выдержке летчика, успел опомниться и, взяв трубку-микрофон, недовольным голосом спросил;

– Ну, что там у вас, капрал?

– Важное сообщение! Потому я решил потревожить капитана. Сейчас к электропоясу явился каторжник. Он вызвал меня по секретному телефону и назвал пароль. Это разведчик С-122. Ввиду чрезвычайности, я открыл проход и пропустил. Агент утверждает, что сегодня ночью или утром намечен побег. Он настаивает на личном докладе майору Чинчу.

Мануэль взглянул на десантников. Ближе всех находился Жан, устремивший напряженный взгляд на репродуктор; рядом с ним стояли, обеспокоенно прислушиваясь, Паоло и Паблито. Кончero недоумевающе переводил взгляд от рупора на товарищей, ничего не понимая.

Неожиданное спокойствие овладело и Мануэлем; он произнес твердым голосом:

– Что за чепуха, капрал! С Панданго побег невозможен. Надеюсь, что вам это известно?

– Так точно! Но разведчик утверждает...

– Где этот разведчик?

– Согласно инструкции, посажен в камеру. Никто не видел в лицо, даже часовой. Как прикажете действовать дальше?

– До нашего приезда ничего не предпринимать! Боюсь, что полковник не похвалит за такой вздор. Разведчик, видимо, решил выслужиться, а вы и уши развесили. Ждите меня! Через час мы выясним все на месте.

– Господин адъютант, прошу извинить, но я поступаю по инструкции, – оправдывался капрал, смущенно покашливая.

– Понимаю. Благодарю за службу, капрал Варош! – ответил Мануэль и, выключив микрофон, взглянул на притихших товарищей.

Сообщение Вароша смутило десантников. По первому впечатлению казалось, что план Реалья рушится, что стражники первого поста подняты по тревоге.

Ренни отшвырнул ногой кружку и сказал:

– Ясно, на Панданго среди нас был предатель; он предупредил оставшихся там стражников. А нас всего восемь человек! А что, если вся эта затея не только глупость, а кое-что похуже? Ваш Хосе изобретал спасательные поплавки из бамбука, но почему-то сам не поплыл на них. – Не получив ответа, Ренни продолжал с возрастающей уверенностью: – Нам, друзья, повезло; мы вырвались оттуда. Конечно, мы спасли бы и остальных, но вмешалось предательство. В нашем распоряжении ночь и катера. Оружие и консервы есть, не забыть бы захватить пресной воды. Нужно спастись, пока не поздно.

– А как же товарищи? – недоумевая, спросил Чезаре.

– Теперь мы не в силах помочь им. Не погибать же и нам!

– Один все же нашелся! – с горечью сказал Мануэль. – Вот что делает страх... глупый, животный страх!

– Я не трус, но это разумный выход, – возразил Ренни, рассовывая по карманам консервы и галеты. – Вы не годитесь в командиры, раз не понимаете, в какое положение мы попали.

– Я думаю о спасении всех, – начал было Мануэль, но Ренни перебил его:

– Дешевка! Красивые слова. Я не хочу подчиняться краснобаям, когда своя шкура горит. Ты не учитываешь обстановки.

Паблито, переглянувшись с Паоло, сказал:

– Лучше погибнуть, чем бросить товарищей.

– Они скажут, что мы подлецы! – добавил Паоло.

Жан бросился к ящику и выхватил несколько гранат.

– Погибать – так по-настоящему! Веди нас, Мануэль, на катер. Будем брать Панданго силой! Ты говоришь, их там полсотни? Их останется много меньше, когда мы умрем. Эх, сюда бы креола Лескано, вместо этого труса! А ты запомни: умирают только раз, так сумей хоть это сделать по-человечески!

Настроение большинства было понятно Мануэлю, но он спросил:

– А что думает Наварро?

Летчик сидел на патронном ящике, курил и шурился от дыма. Он был преобразен офицерской формой и казался го-

стем в этой комнате.

– Я подчиняюсь приказаниям командира, – ответил Наварро. Пусть он и распоряжается. Мое дело – выполнять, а не рассуждать.

Ренни посмотрел на летчика с укором. Он знал, что Наварро не коммунист, и втайне рассчитывал на его помощь.

– Я спрашиваю потому, что в дальнейшем мне нужны только надежные люди, – пояснил Мануэль. – Пусть враги пронюхали, но мы ведь вооружены. Наша задача: во что бы то ни стало завладеть Бородавкой. Потом мы займемся островом Панданго. Таков план нашего штаба, вы отлично его знаете. То, что предлагает Ренни, вызвано растерянностью и страхом. Нам пока ничто не грозит. Мы продолжаем начатое. Спасение не в бегстве, а в соединении с ожидающими нас товарищами.

Ренни, поправив висевший на нем автомат, пододвинул мешок с консервами к выходу.

– У меня свой вариант, – сказал он. – Внизу стоят два катера. Я забираю один себе. Желаящие могут оставаться и погибать по этическим соображениям. Это фанатизм; я предпочитаю жить!

– Напрасно Наварро вытянул тебя из воды, – глухо сказал Жан. – Снимай оружие и проваливай на свой катер!

– Спокойнее, французик! Я предвидел все, – ответил Ренни, водя стволом автомата. – Сидите на месте, пока не уйдет катер, иначе я не ручаюсь.

– Предусмотрительный, ничего не скажешь! – отметил Жан. – Ничего, может, еще где-нибудь встретимся.

– Выдержка, товарищи! Первый выстрел погубит все, – предупредил Мануэль. – Они вызовут по радио миноносцы, побег сорвется, и тогда...

– Что тогда? – наглея, спросил Ренни. Он понимал, что никто не рискнет выстрелить в него. – Повесят всех.

– Даже висеть с таким противно. Ты не трус, нет, ты – расчетливый негодяй! Бери второй катер, он нам не нужен. Мы останемся продолжать начатое. Труса можно понять и простить, но ты смеешь угрожать товарищам, спасшим тебя! – сказал Мануэль.

– Посмотрим, далеко ли ты уплывешь в одиночку, – добавил Жан. – Кланяйся от нас морским ежам!

Ренни на миг задумался. Представив все трудности плавания в океане, он взглянул на Рамона и развязно сказал:

– Когда приходит неудача, лозунги меняются. Правильно я говорю, легчик? Твое положение еще хуже, чем у них.

– Почему? – буркнул Наварро.

Ренни криво усмехнулся.

– Ты же не коммунист; тебе-то зачем рисковать? Идем со мной. Какие тут идеалы, когда смерть берет за глотку?

Наварро слегка покосился на его автомат и сказал:

– Всякое хорошее дело для меня под конец обязательно обернется какой-нибудь пакостью! А почему я вдруг так полюбился тебе?

– Пусть никто не упрекнет в неблагодарности. Ты все-таки вытянул меня из воды, а теперь я спасаю тебя. Вдобавок, ты и в моторах разбираешься.

– Вот для чего я понадобился, – усмехнулся Наварро.

– Им ты тоже был нужен не за красивые глаза, – цинично заметил Ренни. – Ты только попутчик! Идем-ка лучше на катер, пока не поздно.

– Ну что ж, видно, судьба готовит мне свои пути, – вздохнув, сказал летчик и шагнул к пирамиде.

Жан пренебрежительно швырнул окурок к его ногам. Наварро опустил голову и начал выбирать винтовку.

– Так-то оно умнее! Не копайся, бери любую, – в нетерпении торопил Ренни, по-прежнему держа остальных под прицелом.

– На тот свет торопиться не следует, – возразил ему Наварро. – В наших условиях без надежной винтовки далеко не уйдешь. Она точнее бьет, чем автомат.

Он выбрал винтовку потяжелее и, как бы взвешивая ее на руке, коротким взмахом вдруг ударил Ренни по голове. Тот закачался, но не упал. Предатель недоуменно таращил глаза, готовый вот-вот нажать гашетку автомата. Наварро пришлось еще раз ударить его. Только после этого у Ренни подкосились ноги и он тяжело рухнул на пол.

– С оружием не шутят. По приказу Хосе я обеспечиваю безопасность командира, – сказал товарищам Рамон.

– Молодец, – похвалил Чезаре. – Хосе в тебе не ошибся.

Лесоруб сел на корточки, осмотрел Ренни, снял с него оружие и с чувством гадливости сказал:

– Больше этот трус не встанет и не солжет.

Тело изменника оттащили в сторону и прикрыли мешком.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

РУКИ ВВЕРХ!

Предстояло захватить маяк, радиостанцию, солдатский клуб, квартиры Чинча и медика. Главной опасностью был клуб. Он находился на другой стороне утеса.

Разделившись на две группы, десантники покинули комендатуру. Паблито остался на пристани. Ему было приказано наблюдать за катерами и оборонять тыл от всяких неожиданностей.

Жан и Кончero пошли к маяку, луч которого по-прежнему медленно скользил по волнам пролива и побережью Панданго. Силач на всякий случай захватил с собой моток веревки.

– Вязать-то чем будем? – сказал он. – Веревка всегда пригодится.

Подойдя к высокой башне, из которой вырывался яркий луч, обшаривавший остров, они на время словно ослепли и не могли обнаружить дверь маяка.

– По-моему, она там, – наугад определил Жан и ткнул пальцем прямо в открытый рот Кончero.

– Нет, Жан, она за твоей спиной, – сплюнув, шепнул силач.

– Чего же ты раньше не сказал?

– Ты же велел молчать!

Тяжелая железная дверь действительно оказалась рядом. Но она едва лишь приоткрылась: ее держала изнутри цепь. Все попытки француза просунуть руку внутрь и снять цепь ни к чему не привели. Кончero, молча наблюдавший за возней Жана, наконец спросил:

– А если открыть ее с другой стороны?

– Как это с другой?

– А вот так!

Взявшись за низ двери, силач снял ее с металлических крюков, на которых она была повешена, и отставил в сторону.

– А ты все-таки считаешь иногда, – отметил Жан. – Ну, пошли наверх, только не топай, а ступай мягко.

Вдвоем они стали подниматься по крутой винтовой лестнице. От непривычки у Кончero закружилась голова, но он молчал, чтобы не вызвать насмешек Жана.

Добравшись до площадки, они заглянули в застекленное помещение, где находились вращающиеся линзы прожектора. К их удивлению, здесь никого не было. Маяк действовал механически.

Освоившись, Кончero заметил тут же в углу на площадке низенький диванчик. На нем безмятежно спал дежурный. От толчка в бок он проснулся и сел, тараща заспанные глаза на пришельцев.

Жан мгновенно обезоружил его. Техник и не думал со-

противляться, полагая, что его постигло наказание за неположенный сон на посту. Больше никого на маяке не оказалось, лишь ровно гудел мотор и щелкали автоматические переключатели.

Веревка пригодилась. Кончоро связал пленнику руки и потащил его за собой вниз.

Жан ничего не тронул на маяке. «Пусть прожектор крутится, – решил он. – Иначе вызовешь тревогу не только на острове, но и на пароходе».

* * *

Мануэль, Паоло, Наварро и Чезаре добрались до радиостанции, расположенной на берегу под двумя высокими мачтами-антеннами.

Паоло осторожно потрогал дверь; она была заперта на ключ. Но рядом виднелось распахнутое окно. Чезаре заглянул в него.

Радист, надев наушники, сидел в конце комнаты и, видимо, слушал музыку. Он так увлекся, что ничего не замечал вокруг.

Чезаре осторожно подсадил Паоло. Тот сел на подоконник, спустил ноги в комнату и на цыпочках прошел к двери. Повернув ключ, он тихо открыл ее.

Первым вошел Мануэль. Подойдя к радисту, он сдернул с него наушники и, схватив его за ворот, оттянул подальше

от передатчика. Испуганный радист, увидев дуло пистолета, сам поднял руки.

Связав его, Мануэль приказал разбить и растоптать всю аппаратуру и запасные лампы. Сам он взялся за передатчик.

Через пятнадцать минут радиостанция Бородавки перестала существовать. Радиосвязь острова со всем миром была прервана.

Пришедшим Жану и Кончero Мануэль велел отвести радиста в подвал. Но они замешкались на радиостанции. Жан, не понимая, чего хмурится силач, спросил:

– Отчего у тебя такой кислый вид? Завидуешь, что они действуют, а мы лишь пленных водим?

– Нет, завидовать нехорошо, – ответил силач. – Я не поэтому. У меня сапоги жмут. Ведь я их выбирал без Рамона. Малы, кажется!

– Ну, чепуха; разносишь, – утешил его Жан.

После разгрома радиостанции – пошли на квартиру к медику, но того дома не оказалось.

– Не у Чинча ли он? Пошли к коттеджу, – сказал Мануэль. – Там обоих возьмем.

Приблизясь к коттеджу майора, десантники прильнули к освещенным окнам и стали наблюдать. Чинч был не один: за столом, уставленным бутылками, фруктами и закусками, сидел плотный, раскрасневшийся моряк. Гость внимательно слушал майора и кивал головой. А Чинч, словно цыганка, раскладывал перед ним на столе замусоленные карты.

За последнее время, изверившись во всем, начальник каторги пристрастился к гаданию. Он обзавелся книжкой «Карты предсказывают судьбу» и по вечерам самозабвенно тасовал колоду, поминутно заглядывая в справочник. Сейчас он демонстрировал свое искусство капитану дальнего плавания, которому сбывал для перепродажи скопленные наркотики, ваниль, копру и фрукты. Задуманная комбинация Чинчу не удавалась. Стараясь помочь судьбе, он перетасовывал карты третий раз.

– Проклятый туз пик! – бормотал он. – Все время лезет, куда не нужно.

– Туз пик означает неожиданный удар! – сообщил моряк. – Вам грозит неприятность. Но, честно говоря, – карты всегда врут!

Окна и здесь оказались открытыми, а дверь была заперта изнутри. Мануэль решительно постучал. Чинч обозлился. Он с проклятиями поднялся и, выйдя в прихожую, открыл дверь. Увидев перед собой стражника, майор возмутился:

– Я же говорил капитану Томазо, что списки просмотрю утром! Положи на конторку и уходи, только не забудь захлопнуть дверь. – И Чинч, поглощенный гаданием, вернулся к гостю и разложенным картам.

Мануэль пропустил в прихожую товарищей и вместе с ними вошел в комнату.

– Руки вверх! – громко сказал он.

– Что еще за чертовщина? – обозлился Чинч.

– Остров Панданго захвачен подпольным центром! – ответил Мануэль. – Сопротивление бесполезно.

Моряк послушно поднял руки, а побагровевший майор сидел неподвижно. Наварро подошел к нему и, хлопнув по плечу, сказал:

– Пора и вам расплачиваться.

Чинч, узнав летчика, как-то странно перекошил лицо и боком медленно повалился на ковер: его разбил апоплексический удар.

В комнату вошел Жан, а за ним осторожно ступающий Кончоро. Они явились за новыми пленниками. Майор уже был не опасен, десантники занялись его гостем.

– Я капитан судна «Серингейрос», зафрахтованного полковником Луисом. Меня не касаются события, происходящие здесь, – ответил изрядно захмелевший моряк. – Я должен лишь забрать товары, проданные Чинчем.

Больше ничего путного от капитана добиться не удалось. Моряка усадили в кресло и надежно привязали к спинке.

– Вот и отлично, – не упаду в случае качки. Замечательная идея! Надо будет учесть нашему буфетчику, – сказал бравый моряк и попросил: – Налейте-ка вон из того графина, чтобы скучно не было. А эта война Алой и Белой розы меня не касается. Я буду спать.

Он выпил стакан вина, поднесенный к его губам Жаном, довольно крякнул и, пожелав всем «спокойной ночи», очень быстро захрапел.

Покидая коттедж Чинча, Кончero забрал с собой ключ от дверей.

– Не лазать же все время в окна! – сказал он.

– Совсем обленился беби, – заметил Жан. – Предпочитает парадный ход!

Они опять подошли к дому медика. Дверь по-прежнему была открыта, но хозяин словно провалился сквозь землю. На столе стояла пустая бутылка и прямо на скатерти валялись объедки маринованных сельдей. Было похоже, что медик пировал в одиночку.

– Не отправился ли он в клуб? – сказал Жан. – Спьяна куда не забредешь.

Десантники скорым шагом подошли к солдатскому клубу – бывшему бомбоубежищу, сооруженному под скалой. Масивная дверь клуба легко поддалась толчку Мануэля. Держа в руке автомат, он первым перешагнул порог. Остальные последовали за ним, предчувствуя, что здесь им будет не легко.

В большом, ярко освещенном зале за двумя длинными столами сидели незнакомые стражники. Видимо, это были гости с прибывшего судна. Одни из них, отчаянно споря и ругаясь, с азартом сражались в «очко», другие пили ром и вели громкие разговоры. Табачный дым застилал низкий потолок бомбоубежища. Длинноносый человек, сидевший у буфетной стойки, лениво брэнчал на банджо.

У каждого стражника на поясе виднелась кобура с увесистым пистолетом.

«Человек двенадцать будет», – определил Мануэль.

Пожилой стражник с золотыми нашивками на рукаве, стремясь перекричать всех, требовал внимания.

– Это что! – восторженно кричал он. – Вот я расскажу!

Шли мы как-то в Буэнос-Айрес...

Но сидевшие за столом не слушали его, их внимание привлекли вошедшие. Раздались возгласы:

– Давно бы так, а то мы одни пьянствуем!

– Начальство отпустило или потихоньку смылись?

– А ну раздвинься, давайте все сюда!

Мануэль, держа автомат наготове, потребовал:

– Руки вверх!

Гуляки, приняв его команду за шутку стражников-старожилов, расхохотались.

– Старый трюк, не пройдет!

Десантники ожидали всего, только не этого. Мануэль грозно повторил:

– Руки вверх!

Наступила тишина. Лишь рассказчик с золотыми нашивками ничего не замечал.

– Да слушайте же, черти! – требовал он внимания. – И вот заходим мы в Буэнос-Айрес...

Все вскочили, отшвырнув стулья. Сухопарый стражник первым сообразил, что приход вооруженных людей не шутка.

– Кабальеро, это каторжники! – крикнул он, выхватывая

из кобуры пистолет. – Уничтожайте их!

Подбежавший Наварро прикладом винтовки ударил его по руке. Взведенный пистолет, упав на цементный пол, от удара выстрелил. Пуля, взвизгнув, отлетела от каменной стены и рикошетом задела Кончero. Силач охнул и согнулся, схватившись за лоб.

В ту же секунду Мануэль нажал гашетку автомата... Грохот частых выстрелов и заметавшееся эхо наполнили гулом низкое помещение клуба.

Десантники стреляли до тех пор по стражникам, пока никого из них за столом не осталось: все они валялись без движения на цементном полу. Лишь рассказчик с золотыми нашивками, поднявшись на колени, судорожно вытаскивал пистолет из заднего кармана. Наварро, почти не целясь, выстрелил в него. Полицейский качнулся и сунулся лицом в чье-то сомбреро. История путешествия в Буэнос-Айрес так и осталась недосказанной.

В наступившей тишине было слышно, как со стола капало вино из пробитых графинов. Кислый пороховой дым наполнял бывшее бомбоубежище.

– Проверить, не притворился ли кто! – приказал Мануэль, опуская автомат.

Со стен у буфета послышался мелодичный бой часов. Они торжественно пробили двенадцать ударов.

Пока одни десантники осматривали убитых стражников, снимая с них оружие, другие занялись раненым Кончero.

Пуля, отскочившая рикошетом от стены, задела вскользь его лоб и сорвала полоску кожи. Кровь обильно заливала силачу глаза и рот.

– Я умру? – робко спрашивал он, с надеждой смотря на Жана.

– Умрешь через полсотни лет, – утверждал тот, перевязывая лоб оторванным куском скатерти. – Да не вертись ты! Убитым не полагается. И не вздыхай, как лошадь, – скорей пройдет.

Собрав все оружие, десантники покинули солдатский клуб и поспешили к комендатуре.

На пристани их встретил Паблито. Он был встревожен стрельбой.

– Что там было? Кончero ранили?

– Все наоборот, – ответил Жан. – Кончero сам боднул пулю, иначе она бы пролетела мимо.

– Как тебе кажется – на Панданго слышали нашу стрельбу? – спросил у Паблито Мануэль.

– Думаю, что нет. Стрельба была глухой...

Все занялись погрузкой оружия, одежды, ящичков с гранатами. Кончero, обнаружив в кладовой комендатуры избыток консервов, наполнил ими мешки и, забыв о ранении, начал перетаскивать их на катер.

– Ну как, не очень больно? – спросил у него Жан, думая о ране.

А Кончero, не поняв его, радостно сообщил:

– Нет! Теперь совершенно не жмут. Прямо благодать на душе.

Чезаре с Паоло, погрузив на катер несколько мешков с обувью, проверили, надежно ли закрыт подвал с пленниками, затем уничтожили телефонную связь и, заминировав гранатами входную дверь, вылезли из комендатуры в окно.

Не найден был только ненавистный всем врач. Но тратить время на его поиски не имело смысла. Надо было действовать по намеченному плану, – на Панданго десантников ждали товарищи.

Жан снял замок со скорострельной пушки, находившейся в каменной амбразуре, а Наварро вытащил пружины из дввоенных пулеметов. Бородавка – стала безопасной.

Паблито, исследовав машинное отделение катера, довольно легко включил мотор. Суденышко затряслось, как живое.

Кончери, забравшийся в рубку, с робким почтением смотрел на Паоло, взявшего в руки штурвал и поглядывавшего на приборы. Внимание силача привлекла блестящая стрелка под стеклом. Она колебалась при малейшем толчке, но упорно возвращалась на старое место. Он впервые видел обыкновенный корабельный компас и был потрясен его особенностями.

– Колдовство, не иначе, – прошептал он и тайно перекрестился.

Десантники, не желая оставлять второй катер противнику, взяли его на буксир. Оба судна плавно отошли от приста-

ни и двинулись через залив к Панданго.

Длинный луч прожектора, обшаривавшего море и берега, из опасного врага превратился в союзника, помогающего отыскать нужный путь.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

НА ПАНДАНГО

Капрал Варош, внимательно оглядев дежурное помещение, озабоченно покачал головой. На полу около камеры, в которую он недавно посадил мокрого разведчика, остались следы грязи. Пришлось самому взять швабру и подтереть их.

Часы на стене показывали полночь. Скоро прибудет начальство с Бородавки. Варош зевнул и уселся за стол, рядом с пультом управления подъемными сооружениями электропояса. Самое скучное занятие на свете – это ожидание, а особенно, когда ждешь начальство.

В первом часу ночи к острову подошли два катера. Дежурный на пристани был предупрежден Варошем. Выбежав им навстречу, он ловко подхватил бросательный конец и помог катерникам пришвартоваться.

Не спуская трапа, на пирс спрыгнули два рослых полицейских в плащах, а за ними – офицер.

«Главный», – решил дежурный и поспешил навстречу. Он знал, что придут незнакомые офицеры. Едва стражник успел вскинуть руку к козырьку, как был оглушен ударом Чезаре. То же самое случилось и с часовым, к которому подошел Кончеро.

С катера сошли остальные и, не говоря ни слова, направились к первому посту.

Роли у них были распределены еще на катере: Мануэль остался капитаном, а Наварро «разжаловали» в лейтенанты, споров лишние нашивки.

Варош вытянулся, когда офицеры с автоматчиками вошли в дежурное помещение. Среди ночных гостей не было ни одного знакомого лица. «Наверное, личная охрана полковника Луиса», – решил капрал и уже приготовился полным голосом отрапортовать, но красивый лейтенант предупреждающе поднял руку.

– Отставить рапорт, капрал! Сейчас ночь.

– Да, солдатам нужен отдых, не тревожьте их, – подтвердил капитан. – Прикройте-ка лучше дверь в спальню. Пусть спят.

Крупный и довольно неуклюжий стражник с перевязанной головой, фигура которого вызвала у Вароша безотчетное воспоминание о кухне, опрометью бросился исполнять приказание. Он плотно прикрыл дверь и даже заложил зачем-то на железный крюк.

– Идеальный порядок в дежурном помещении, а главное – чистота! – заметил лейтенант. – Не напрасно наш друг Томазо хвалил капрала.

– Да, молодцом, капрал, молодцом! – снисходительно одобрил капитан и отдал совершенно неожиданное приказание: – Откройте проход через электропояс!

Варош поспешил к пульту, но счел долгом доложить:

– Господин капитан, ночью открывать небезопасно. Прикажете вызвать дополнительную охрану, согласно инструкции?

– К чему это? Пусть отдыхают. На пристани достаточно моих людей. Пошевеливайтесь, капрал!

Включенный мотор чуть слышно загудел внизу под полом, поднимая на тросе подвижное звено электропояса. В наступившей тишине слышно было дыхание людей. На пульте вспыхнула зеленая лампочка.

– Ваше приказание выполнено, господин капитан. Проход открыт! – доложил Варош, и на мгновение ему показалось, что в глазах пришельца вспыхнул насмешливый огонек.

Загорелый стражник приблизился к пульту и начал разглядывать надписи на кнопках. В другое время Варош одернул бы нахала за неуместное любопытство, но сейчас было неудобно – гости.

Капитан вполголоса что-то приказал одному из своих спутников. Тот козырнул и поспешил из помещения на улицу.

– Так где же у вас разведчик С-122? – обратился лейтенант к капралу.

– Согласно инструкции заперт в отдельной камере, – доложил Варош и снял со стены ключ от камеры.

– Выпустите его, я побеседую, – распорядился капитан.

Звонко щелкнул замок камеры, и на пороге показалась

неимоверно грязная, полосатая фигура шпика.

– Наконец-то, господин капитан! – обрадованно сказал он. – Я эс сто двадцать два. Мной только что раскрыт заговор. Здесь действует подпольный центр. Надо немедленно объявить тревогу.

Десантники изумленно смотрели на стоявшего перед ними Алонзо Альвареца. А тот, возбужденный важностью сообщения, не разглядывая их лиц, продолжал:

– Каторжник, которого зовут Энрико, у них вожак.

– Совершенно правильно! – сдержанно подтвердил капитан. – Говори дальше... Кто еще замешан?

Альварец замер, услышав голос капитана; этот характерный тембр был ему памятен с детства.

– Ма... Мануэль! Это непостижимо, – с трудом выговорил он, узнав друга, преображенного военной формой.

Командир отряда, едва сдерживая ярость, спросил:

– Ну, что же ты замолчал? Говори дальше.

Одновременно в бок капрала уперлось дуло пистолета, неведомо как очутившегося в руке смуглого красавца офицера.

– Поднять руки!

Варош беспрекословно повиновался; он знал, что может последовать в случае малейшей заминки с исполнением такого приказа.

Наварро, обезоружив капрала, предупредил:

– Советую молчать, если хочешь жить!

Варош и без предупреждения онемел: все происходившее не укладывалось в его мозгу.

Шпион, оценивая обстановку, осмотрелся. У выхода он заметил рослого Чезаре. Спальню охранял могучий Кончоро. Рядом с капралом находился Наварро. Единственное окно было затянато проволокой, – не убежишь!

– Мануэль, ты, наверное, считаешь меня изменником? – в отчаянии вырвалось у Альвареца. – Я ведь хотел помочь... запутать их. Хорошо, что сразу встретились. Мы ведь с тобой старые друзья. Объясни им, кто я. Да пусти ты меня, не души, – окрысился он вдруг на Паоло, схватившего его за ворот.

Тот, отпустив шпиона, с недоумением смотрел на Мануэля. Командир десантников стоял словно каменный, лишь желваки вздувались на скулах, а обнаглевший Альварец, торопясь и захлебываясь, продолжал:

– Я расскажу, как провел их... Вы сейчас разберетесь.

– Уже разобрались! – оборвал его Мануэль.

Альварец, поняв бессмысленность дальнейшего притворства, потребовал:

– Я настаиваю, чтобы мной занялся Центральный Комитет. Ты не имеешь права. Везите меня на материк, там все поймут.

– Ну и человек! – удивился Кончоро. – Сплошной обман.

– Я требую высшей инстанции! – чтобы выиграть время, настаивал Альварец.

– Подыщите что-нибудь повыше, и с веревкой, – сказал Мануэль. – Он вполне заслужил самую высокую перекладину.

– Нич-ч-чего, до утра еще далеко, – стал угрожать предатель, стремясь оттянуть развязку.

Заткнув Альварецу рот грязной тряпкой, которой еще недавно капрал навел чистоту в помещении, Чезаре и Паоло выволокли шпиона из помещения. Капрала же заперли в камеру. Варош не сопротивлялся; он не мог понять, как заключенные попали на Бородавку и вернулись сюда в форме стражников, обманувшей его.

Через открытый проход в электропоясе пришли руководители подпольного центра. Увидев, как тащат к мачте Альвареца, Хосе поглядел ему вслед и сказал:

– Этот подлец проскочил за электропояс сразу же после сигнала с Бородавки, но мы знали, что вы добыли оружие и придете на выручку.

– Мы готовы были при малейшем сопротивлении разнести первый пост из катерных пулеметов, – подтвердил Мануэль. – А как мог проникнуть сюда Альварец?

– Наша вина, – ответил Лео Манжелли. – Он проломил голову Жуану, дежурившему у подъемного звена.

– Тому, что струсил плыть через пролив?

– Да. Смерть настигла его в самом, казалось, спокойном месте.

Благодаря последним словам умирающего, Лео Манжел-

ли удалось установить, что произошло. Альварец, разнюхав о начале событий, незаметно вылез из барака через окно и добрался до электропояса. Там его остановил сидевший в засаде Жуан. «Меня прислал Мануэль», – сказал шпион. Услышав знакомое имя, Жуан подпустил его к себе. Как бы собираясь шепнуть на ухо пароль, Альварец вдруг ударил его камнем по голове. Да не один раз, а несколько.

Над пристанью высилась пятнадцатиметровая мачта. По торжественным дням Чинч приказывал поднимать на ее вершину пестрый флаг острова Панданго, сшитый по его проекту.

Накинув петлю на предателя, Чезаре вздернул его над землей и так оставил висеть.

– Теперь он добился... Для таких негодяев это последняя инстанция!

Обезвредить стражников, спавших в соседнем помещении, было не трудно. Их в одном белье закрыли в подвале.

Со времени начала операции прошло более четырех часов. До рассвета уже оставалось немного времени.

Подчиненные Манжелли привели с пристани пришедших в себя дежурного и часового и заперли в камеру с Варошем.

Подпольному центру осталось еще захватить темневший на рейде теплоход, прибытия которого так терпеливо ждал Хосе. Он стоял в полукилометре восточнее первого поста. Во мгле светились лишь два тусклых огня. Команда теплохода, видимо, спала, не подозревая о событиях, происшедших

в эту ночь на острове.

Для захвата судна группа десантников была пополнена свежими силами. Снять вахтенного на теплоходе поручили строителю «воздушной переправы» – Хорхе, обученному в годы войны диверсионным действиям в тылу противника. Ему предложили любой пистолет на выбор, но инженер отказался.

– Мой пистолет еще на теплоходе, – сказал он. – Оружие, отнятое самим у противника, – самое лучшее оружие на свете!

Хорхе вооружился лишь кинжалом, взятым у Жана.

Пока Реаль отправлял связных по баракам, чтобы вывести за электропояс заключенных, намеченных к освобождению, отряд Мануэля погрузился на две шлюпки, стоявшие у пирса, и отправился в путь.

Бесшумно действуя веслами, десантники приблизились к судну и остановились у его округлой, нависшей над водой кормы. Здесь Кончоро, став во весь рост, уперся руками в железную обшивку теплохода, а Хорхе с обезьяньей ловкостью вскарабкался ему на плечи, ухватился за фальшборт, подтянулся на руках и перебрался на палубу.

Наверху, чуть слышно посвистывая, словно маятник, ходил от борта к борту вахтенный. Внезапно свист его оборвался, послышался шум борьбы, и вскоре все смолкло. Минут через пять рядом со шлюпками шлепнулся в воду конец штурмтрапа.

– Поднимайтесь, компанейрос! – негромко сказал Хорхе.

Карабкаясь по шатким балясинам штурмтрапа, десантники один за другим поднялись на палубу судна.

– А что с вахтенным? – шепотом спросил Мануэль.

Хорхе указал на связанного человека, лежавшего около шлюпбалки. Затем он хлопнул себя по карману, из которого торчала рукоятка пистолета, и сказал:

– Вот и я вооружен. Дело оказалось несложным.

Три человека были оставлены Мануэлем для действий на верхней палубе. Четверых вместе с Жаном он послал в машинное отделение, откуда доносилось монотонное бульканье помпы, видимо откачивавшей воду из трюмных отсеков, а сам с Паоло и Наварро приступили к осмотру надстроек и жилых помещений.

В рубке и капитанской каюте никого не было. В матросском кубрике на двухъярусных койках при тусклом свете спали полураздетые люди. Их было человек двенадцать.

– Механики, – определил Наварро, заметив, что у многих моряков руки потемнели от масла.

– Подъем! – скомандовал Мануэль.

Лежащие подняли головы. Они удивленно переглядывались, не понимая, для чего пришли в кубрик стражники.

– Одеться! – приказал Наварро.

Один из механиков, надевая промасленную робу, про себя ворчал:

– Сколько продажных шкур развелось!

– Не говори, дружище! – согласился сосед по койке.

– Я думал, пришли люди, а это стражники! – заметил третий моряк. – Дня им мало, по ночам таскаться вздумали.

Десантники никак не ждали, что их форма встретит такое открытое презрение.

– Берут обыкновенного негодяя, наряжают в казенный мундир, суют дубинку или скорострельный пистолет в руки и – вот вам вполне приличная шкура. Любуйтесь! – сказал первый механик и кивнул в сторону Наварро.

Летчик прикрикнул на него:

– Ты, приятель, не очень-то... полегче на виражах!

– Твои приятели в джунглях воют! – сердито сказал моряк. – Ведите, что ли!

В кубрик заглянул Хорхе. Он был в полосатой одежде каторжника, с пистолетом в руке. Моряки изумленно переглянулись: появление каторжника с оружием, спокойно беседующего с ненавистными людьми, могло смутить кого угодно.

– Что за маскарад? – спросил один из моряков.

Узнав, что судно захвачено политическими заключенными, он стал разговаривать по-иному, а сердитый машинист отвел Мануэля в сторону и негромко спросил:

– Коммунист?

– Да.

– Я думал, арестовать пришли. Эти ребята сочувствуют. Можете на нас рассчитывать, не подведем. – Потом он повернулся к Наварро и попросил: – Извини, дружище! Я и то

смотрю – парень с виду ничего, а в такой паршивой робе. Не сердись!

Всех помощников капитана, двух радистов и пассажиров в военной форме, отказавшихся подчиняться десантникам, на катере отправили на Панданго и посадили вместе со стражниками в подвал.

От механиков Мануэль узнал, что перед выходом в море часть команды была неожиданно списана на берег и заменена портовым сбродом. Лишь дизелисты были оставлены на своих местах. Потом явились стражники. Они расположились в носовых каютах и пьянствовали весь рейс. Незадолго до отплытия один из электриков видел подозрительного полковника, беседовавшего с капитаном судна и радистом. Отправился ли этот полковник в море, сошел ли на берег, – моряки не знали. Им лишь было известно, что судно следует в одну из североамериканских гаваней. Судя по количеству запасенного топлива, порт назначения находился далеко. Продовольствия и пресной воды было взято на длительное плавание.

* * *

На Панданго перед выходом из лагеря и на пути к баракам была выставлена вооруженная охрана. Люди Лео Манжелли дежурили попарно. Трагическая гибель Жуана была для них хорошим уроком.

Чтобы не взбудоражить и не поднять прежде времени уголовников, решено было вести разговоры только в бараках политических заключенных и у индейцев.

Энрико Диас, борясь с приступами лихорадки, пошел в третий барак, где больше всего водилось доносчиков и шпионов. Разбудив спящих, он сообщил о захвате парохода и спросил: кто желает вырваться на свободу? Ему казалось, что сейчас все кинутся к нему и станут допытываться, как скорее попасть на теплоход. Но оживились лишь человек семьдесят, которые поспешно начали одеваться, а остальные даже не поднялись с нар.

– Не провоцируют ли нас? – перешептывались они.

Многие не верили в удачный исход побега и решили не связываться в затею двух первых барачников.

– Ну, бог с вами, оставайтесь на острове! – в сердцах сказал Энрико. – Выслуживайтесь перед Коротышкой; может, вас выпустит.

– Но у нас будет к вам требование! – выкрикнул пучеглазый арестант, назвавший себя юристом. – Вы отняли у охраны оружие. Без вас уголовники начнут бесчинствовать. Они перебьют и нас, и стражников. Будет бесчестно, если вы не поделитесь с нами оружием.

– А вы его сами добудьте, – предложил Диас. – Любите чужими руками жар загребать. Прошу построиться тех, кто желает быть свободным! Только проверьте, не станут ли рядом с вами шпионы Чинча. Приглядитесь друг к другу.

Заключенные построились и после проверки вытолкнули из шеренги человека, вобравшего голову в плечи. Это был обладатель золотого зуба, осточертевший всем провокационными вопросами.

Рослый арестант, отвесив ему оплеуху, сказал:

– Оставайся с пучеглазым, будете друг друга предавать.

– Внимание! – скомандовал Энрико. – Выходите по двое и молча. Остальным оставаться в бараке. До рассвета никому не выходить! – приказал он.

То же самое происходило и в других бараках. Одна за другой выходили цепочки людей и двигались к пристани, где их ждали катера. Заключенные, выполняя приказ, шли молча, но радостный блеск глаз говорил больше слов: там, на теплоходе их ждет свобода!

* * *

В помещении первого поста сошлись Мануэль, Хосе и Диас, – надо было обсудить дальнейшие действия.

– Нас уже упрекают, что мы оставляем политических на произвол уголовников, – сказал Диас. – Потом такое выдумают, что и оправдаться не сумеешь.

– Посоветуем им выйти за ограждения, – предложил Хосе. – Закроем проход, а уголовников оставим в лагере.

– Но они же выпустят стражников! – заметил Мануэль.

– Ну и пусть! Без оружия и радиостанции они нам не

страшны.

Лео Манжелли привел длинноусого заключенного с нависшими бровями.

– Капитан дальнего плавания, – доложил он. – Берется вести судно куда угодно.

Видно было, что каторга прежде времени состарила некогда бравого моряка. После нескольких вопросов выяснилось, что он попал на Панданго за высмеивание в кругу знакомых распоряжений правительства «Пекинью» и отсидел за это больше трех лет.

– Принимайте судно, – сказал Реаль. – Каким курсом пойдём, я вам скажу позже.

Кончero привел в штаб истощенного сторбленного старичка, державшего в руке продранную шляпу. Это был известный всем профессор.

– Насилу уговорил, – сообщил силач. – Может, он действительно профессор.

– Да, я профессор Чарльз Энгер, – подтвердил старик. – И уговаривали меня необычно. Встряхнули за ворот и спрашивают: «Сам пойдешь или нести тебя?».

– Подумаешь, за ворот взяли! – не смущался Кончero. – Меня самого сегодня контузило. И ничего, не умер. Я, конечно, вежливо встряхнул и посоветовал помалкивать, пока не дойдем до первого поста.

– «Только пикни», говорит, – дополнил старик под невольный смех присутствующих.

– Как же иначе, если он сумасшедший? – не сдавался си-
лач.

– А я в свою очередь решил, что стражник с ума сошел, –
не без юмора сказал Энгер, вызвав новый взрыв смеха. – Гос-
пода, кто же здесь старший? – обратился он ко всем.

Диас глазами указал ему на Реалья. Старик низко поклон-
ился и отрекомендовался:

– Я был когда-то известным человеком, имел свою хирур-
гическую клинику. Ее так и звали: Клиника профессора Эн-
гера.

– Профессор, а вы не припомните, кто бы мог сказать та-
кую фразу: «Сквозь тьму надвигающейся на человечество
ночи я вижу свет»? – неожиданно спросил Хосе.

– «Он идет с востока, озаряя страдающий мир», – закон-
чил удивленный старик. – Откуда эти слова известны вам? Я
сказал их тогда... на конференции. Потом они потребовали,
чтобы я отказался, написал письмо в газеты. Они часто били
меня по голове резиновыми палками.

В комнате стало тихо.

– Средневековые инквизиторы принудили великого Гали-
лея отречься от своего учения. Он был слаб и стар, господа,
и подчинился, – продолжал говорить профессор. – Но зем-
ной шар ведь все равно вертится!

– За слова правды мракобесы сослали вас на каторгу, –
сказал Реаль. – А мы, коммунисты, освобождаем вас и при-
ветствуем как честного ученого!

Когда Энгер понял, для чего его сюда привел Кончоро, слезы потекли по его впалым щекам. Борясь с волнением, он пояснил:

– Это слезы радости не за себя, нет! Я радуюсь за несчастную родину, за все человечество. На свете существуют мужественные люди, которые не позволят торжествовать реакции. Да, господа, я преклоняюсь перед вами. – И седой человек, по-старомодному шаркнув, склонил голову в торжественном поклоне.

Люди, не привыкшие к благодарности, смущенно опустили глаза; они не считали себя героями.

Реаль, поручив Жану позаботиться о старике, отправил – их на корабль вместе с капитаном дальнего плавания. Часы на стене пробили три звонких удара; приближался рассвет. Надо было расставаться с островом Панданго.

Штаб восставших вновь отправил посыльных в бараки с предложением ко всем, не желающим оставаться с уголовниками в лагере, выйти за пределы электропояса. На размышления давались пятнадцать минут, после чего проход через электропояс закрывался.

Минут через десять послышался стук деревянных подошв: «клюк-клек-кляк». За электропояс выходили люди, опасно озирающиеся по сторонам. Вид повешенного Альвареца пугал их; они шарахались в сторону от пристани и собирались на берегу небольшими группами.

– Вот до чего дошли! – с презрением сказал Диас. – Даже

свободы бояться. А вдруг просчитаются, если убегут? Авось Коротышка смилостивится и простит их. Трусы презренные!

– Все вышли? – спросил Реаль.

– Так точно. Из политических в бараках как будто никого не осталось, – доложил Лео Манжелли и тихо добавил: – Тут какой-то уголовник требует, чтобы немедленно подошли к нему для переговоров.

– Кто такой?

– Тот, что без руки.

– Пусть остается. На свободе таким делать нечего. Гангстеров и без него хватает. Выводите своих часовых. Через три минуты проход закроем.

Диас отошел к пристани. Поднятая секция электропояса медленно опустилась, и проход закрылся.

– Всем, кто борется за свободу, перейти на катера! – командовал Реаль.

Вместе с часовыми Лео Манжелли, спешившими покинуть берег, человек десять отделились от групп, стоявших на берегу, и устремились к отходящим катерам.

– Поднять трапы! – вскоре раздалась команда.

Заработали винты. Взбурлив воду, оба катера одновременно отошли от пристани и направились к темневшему на рейде судну.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ВЫЗОВ НЕ СОСТОИТСЯ

Погруженный во мглу остров медленно таял, как бы растворялся в белесоватом тумане, поднимавшемся над океаном. Все дальше и дальше уходил блекнувший луч вращающегося маяка.

Более семисот каторжников застыли в торжественном молчании. Они прощались с опостылевшим островом, с кошмарами дней и ночей, пережитых на нем.

Людам все еще не верилось, что желаемое свершилось, что они уже свободны и скоро увидятся с родными и любимыми. Многих тревожила мысль: «Каким-то будет новый день? Что предпримут враги? Они, конечно, постараются не выпустить на берег. Скоро появятся самолеты, выйдут миноносцы и помчатся по дорогам машины с полицейскими. Неужели придется умирать в море? Впрочем, что бы ни случилось, – впереди свобода!»

Появилось желание петь. Кто-то затынул «Бандера роха» – песню а красном знамени, будившую воспоминания о героической борьбе свободных испанцев.

Вместе с рабочим, крестьянин, шагай.

С песней иди на врага.
Мы от фашистов очистим свой дом.
Вражьи отряды с дороги сметем.

Когда песня стихла, с капитанского мостика в рупор слышалось:

– Компанейрос! Прошу всех покинуть верхнюю палубу. Отдыхайте, пока есть время. Новый день будет трудным. На вахте остаются лишь назначенные.

Разойдясь по каютам, кубрикам и трюмам, группа Манжелли начала составлять списки освобожденных: перед лагерными номерами ставились настоящие имена и фамилии. А попутно шла проверка, не скрывается ли в группах беглецов кто-либо из агентов Луиса.

В каюте люкс лежал Энрико Диас. Приступ тропической лихорадки, начавшийся перед грозой, окончательно свалил его с ног. Реалья он встретил благодарным пожатием руки.

– Спасибо, Хосе: твоя чудесная голова, смелость и решительность помогли нам свершить чудо.

– Я только был крошечным фитилем, поднесенным к пороху, – ответил Реаль.

– Не скромничай. Даже если нам грозит смерть, то смерть на свободе! А главное – весь народ будет знать, что нас не удалось ни запугать, ни сломить. Пусть дрожат продажные шкуры, стоящие у власти! Весь мир узнает, на что способ-

ны эти подлецы, лебезящие перед Зеленым папой, чтобы удержаться у власти. Я тебя очень прошу связаться по радио с нашими и продумать, как лучше высадить и разместить всех спасенных. Потребуется одежда, продукты, нелегальные квартиры, документы.

– Не беспокойся, мы обо всем договоримся. Скоро наступит час действий нашей коротковолновой станции. Прими хинин, который я тут разыскал, и спи, ни о чем не думай.

Вместе с Мануэлем Хосе спустился в машинное отделение. Здесь их встретил равномерный гул и тепло, идущее от работающих машин. Знакомые механики-дизелисты показывали своим помощникам из заключенных, как надо обслуживать главный двигатель и что делать на вахте у приборов. Чувствовалось, что недавние каторжники получают наслаждение от того, что могут прикасаться к маслянисто поблескивающим механизмам и опять заняться привычным и любимым делом. Каждый новый оборот винта уносил их прочь от острова смерти.

– Выстоите смену? – спросил Реаль. – Не понадобятся новые помощники?

– Выстоят, ребят хороших прислали, – ответил машинист. – В общем рабочий класс не подведет. Налаживайте службу наверху. Мы поработаем, сколько нужно.

Мануэля, несмотря на усталость, не покидало чувство радостной уверенности, что все пройдет хорошо. Нервное напряжение исчезло, наступило блаженное состояние челове-

ка, хорошо потрудившегося на благо товарищей. Он, готов был вновь идти на любое задание партии.

Из машинного отделения они перешли в большое трюмное помещение, гудевшее от возбужденных голосов. Здесь разместились человек двести. Во всех углах обсуждались события прошедшей ночи. Увидев вошедших руководителей, спасенные каторжники окружили их и стали спрашивать: далеко ли до берега? Дадут ли всем оружие? Нельзя ли высаживаться поближе к родным местам?

– Компанейрос, на все вопросы я вам сейчас не отвечу. Мне надо связаться по радио с берегом. Но одно могу сказать: товарищи, действующие на берегу, помогут нам. Отдыхайте, набирайтесь сил, день будет трудным. Уже светает... Спать, всем спать!

Но разве могли уснуть в такую ночь возбужденные, полные радостных надежд и планов люди?

На верхней палубе возле трюмного трапа дежурил парень из группы безопасности. Исполняя, приказ Манжелли, он никого не выпускал на палубу. Судно должно было сохранять обычный вид. Мануэль и Реаль заглянули в рубку. Там распоряжался длинноусый капитан. На его седой голове уже красовалась белая морская фуражка с широким козырьком. В углу над картой склонился Наварро; он прокладывал курс и отмечал пройденное расстояние. Чувствовалось, что летчик с моряком уже нашли общий язык.

– Пройдено двадцать шесть миль, – доложил капитан. –

Часа через три-четыре увидим берег.

За штурвалом стоял Жан. Взявшись выполнять знакомое дело, он старался быть серьезным, но не смог удержаться и похвастался:

– Летим на всех парусах!

Не желая мешать товарищам, занятым делом, Реаль потянул Мануэля на палубу и сказал:

– У тебя уже глаза ввалились. Иди поспи хоть часок.

– А ты как?

– Ну, для меня ночная работа – дело привычное.

Поднимавшееся солнце рассеивало легкий туман и окрашивало верхушки волн в золотисто-розовые тона.

Отослав товарища в каюту, Реаль направился в радиорубку. Пора было связаться с товарищами на берегу.

Приблизясь к надстройке, он заметил, как в двух больших иллюминаторах вспыхнул электрический свет.

«Странно, – подумал Хосе. – Всем приказано находиться внизу, а здесь кто-то ходит и зажигает свет». Ему, конечно, нужно было вызвать для проверки помещений надстройки кого-нибудь из команды Манжелли, но не хотелось возвращаться назад. Он без стука толкнул дверь; она легко открылась. Реаль вошел в темное помещение и, нащупав выключатель, зажег свет. На столе он увидел передатчик и инструменты. Это, видимо, была мастерская или подсобное помещение радистов.

Оглядев каюту, Хосе заметил за портьерой еще дверь. Он

толкнул ее, но она оказалась запертой изнутри.

* * *

Полковнику Луису после известий по радио не спалось; он долго ворочался, и лишь под утро снотворное помогло ему забыться. Но сон не принес облегчения, – полковнику приснилось, будто судно плывет у берегов Испании и его захватили волонтеры интернациональной бригады, небритые, оборванные, с ножами в зубах. Он явственно слышал их голоса, топот ног и грозную песню «Бандера роха».

Луис проснулся в холодном поту, а песня все еще звучала в ушах. Не слишком ли часто он видит сны о том, что попадает в руки своих беспощадных врагов? «Нервы пошаливают, – думал полковник. – Пора лечить. Вот отберу на урановые рудники человек двести каторжников и недели на три уеду на какой-нибудь курорт».

Он потянулся к ночному столику, нащупал сигареты, закурил и, гася спичку, вдруг почувствовал, что судно не стоит на якоре, а движется: за бортом плескалась вода, и снизу доносился равномерный гул работающих дизелей.

«Что за чертовщина? Не на погрузку ли мы идем? – сообщал Луис. – Да нет, я ведь не давал никаких распоряжений. Капитан, видно, своевольничает».

Он поднялся, зажег свет и нажал кнопку электрического звонка, проведенного в ходовую рубку. Минуты через две

послышался стук в дверь.

«Быстро прибежал», – удовлетворенно отметил про себя полковник и, подойдя к двери, повернул ключ.

– Почему такая качка, черт возьми! – начал он, но осекся, видя перед собой человека в затрепанной одежде. – Вы кто такой? Кто вам позволил войти сюда?

– А-а, полковник Луис! – узнал его Реаль. – Приятная встреча. На всякий случай поднимите-ка руки вверх!

Ошеломленный полковник, почувствовав дуло пистолета, уткнувшегося в живот, поднял обе руки и попятился.

Реаль прошел за ним в каюту. Несколько секунд противники молча рассматривали друг друга. Потом Хосе спокойно пощупал карманы пижамы полковника, но там, кроме портсигара, ничего не оказалось. Он шагнул к столу, отодвинул верхний ящик и, найдя в нем небольшой маузер, сунул его в карман.

– Теперь можете опустить руки и сесть, – сказал он.

Полковник уселся в кресло, на спинке которого висели его брюки. Глядя на вороненый ствол пистолета, он осторожно осведомился:

– Что все это значит?

– То, что наши роли переменялись. Вы не помните меня? Мы ведь с вами виделись месяца четыре назад.

– Да, да, что-то припоминаю. Вы тот бедный сирота?

– Удивительная у вас память! Но не такой уж я бедный, как вам показалось, – насмешливо сказал Реаль. – Вы плохой

психолог. Между прочим, вам повезло, что никто в спешке не заметил этой каюты в радиорубке. Но ничего, вы довольно ценный пленник!

– Вас интересует сейф? – спросил Луис, заметив мимо-летний взгляд в сторону большого стального шкафа в углу каюты.

– Скорей его содержимое, – уточнил Реаль. – Я думаю, там найдется немало интересного. Например, списки шпи-ков, которых вы повсюду засылаете.

Полковник, не зная, что же ему предпринять, попросил:

– Разрешите, я закурю. Эти утренние беседы под дулом пистолета немножко действуют на нервы. Здоровье не то, постарел, видимо. Ох, время, время! Итак, вас интересу-ет сейф? Дело в том, что он открывается условным набором букв. Несмотря на то, что ключ торчит в замке, быстро вам его не открыть. А там нашлось бы кое-что любопытное. Жаль, время работает не на вас. Через час или два самолеты разыщут похищенное судно и отправят его на дно. А я бы мог предотвратить катастрофу.

– Я считал вас сообразительнее, полковник, – усмехнув-шись ответил Реаль. – Среди каторжников всегда отыщутся любые специалисты. В крайнем случае – пакет взрывчатки... Но я вижу, наш разговор бесполезен и не стоит его затяги-вать.

– Вы не так поняли меня! – поспешил заверить Луис. – Вам нужен сейф? Пожалуйста, я открою его. Списки развед-

чиков, говорите вы? Да, есть такие! Предположим, вы разоблачите их, но через несколько месяцев появятся новые. А вот если бы вы уговорили меня служить вам, это было бы ценнее списков, милейший! Мне достаточно честного слова, гарантирующего жизнь. Я джентльмен, и вы джентльмен; мы могли бы договориться конфиденциально...

Реаль внимательно следил за ним. Он знал, что прожженный организатор шпионажа хитер и верить ни одному его слову нельзя. А полковник вкрадчиво продолжал:

– Сейчас у меня единственный выход – служить вам. Сражаются идеи и принципы, а меня, признаться, больше интересует собственная жизнь. Вы видите, я откровенен с вами. На континенте уже второй день творится бог знает что! Вы только послушайте радио...

Луис рассчитанно медленными шагами направился в угол. Понимая, что за ним наблюдают, он, остерегаясь излишне резких движений, включил радиоприемник и, шаркая спадающими ночными туфлями, вернулся на место.

Приемник едва слышно гудел, пока нагревались радиолампы. И вдруг в кабину проник знакомый женский голос:

– Говорит радиостанция компартии Южной республики! Повторяем экстренный выпуск последних известий. Сегодня забастовка уже охватила всю страну. Вчера к вечеру стало известно, что к докерам присоединились железнодорожники, трамвайщики, служащие автотранспорта, шахтеры и рабочие консервных заводов...

Это Долорес! Он узнал ее голос сквозь треск разрядов и гудение. Откуда она говорит? Почему так трещит приемник?

Желая избавиться от помех, Реаль подошел к приемнику и, поворачивая ручки, стал ловить чистый звук. Это ему удалось: в каюту ворвался громкий голос Долорес. Девушка взволнованно призывала:

– Если не прекратятся бесчинства военной хунты, мы оставим наших угнетателей без воды, света, горячего и пищи. Довольно быть рабами Зеленого папы! Богатства, которые мы создаем, должны стать достоянием народа, а не североамериканских монополий...

Луис, нащупав висевшие на спинке кресла брюки, вытащил из потайного кармана небольшой пистолет, осторожно сдвинул предохранитель и, с кривой усмешкой нажав на гашетку, выпустил три пули.

Хосе вздрогнул, затем медленно опустился на колени и ткнулся лицом в коврик. Пули полковника попали в цель, – на таком расстоянии промахнуться было невозможно.

Луис наклонился над распростершимся противником и повернул его. Быстро расплзавшиеся на груди пятна крови успокоили его. Он торжествовал:

– Я знал, что радио отвлечет... на это и рассчитывал. Не позволительно так доверяться противнику, даже если он и молит о пощаде! Впрочем, вас учить уже ни к чему. Маленькая ошибка иногда стоит жизни.

Подняв пистолет, полковник перешагнул через повержен-

ного противника и, подойдя к радиопередатчику, сказал:

– А теперь мы вызовем миноносцы и торпедные катера.

Реаль с трудом поднял голову; он мгновенно понял все. Луис завладел его пистолетом, но в кармане был другой. Хосе, как бы корчась от боли, повернулся на бок, вытащил маузер и, стиснув зубы, дважды выстрелил...

Он увидел, как дернулась голова полковника, как тот хотел еще раз выстрелить, но не сумел и рухнул около загудевшего передатчика.

«Вызов не состоится», – облегченно подумал Хосе и бесильно опустил голову.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

НЕВЕСЕЛОЕ УТРО

Заключенные, оставшиеся на Панданго, терпеливо ждали, когда судно с беглецами отойдет на такое расстояние, что им не страшна будет стрельба с его борта. Как только контуры судна поблекли в предутреннем тумане, многие из них бегом устремились к первому посту – освобождать арестованных надзирателей и стражников.

Отправив заключенных в бараки, Варош попытался по телефону связаться с начальством на Бородавке, но никто ему не ответил.

«Неужели там никого не осталось в живых? – недоумевал он. – Придется съездить и проверить на месте».

Лодок на острове не оказалось. Один из стражников вспомнил о большой деревянной лохани, стоявшей в прачечной. Ее вытащили на берег и спустили на воду. Лохань не протекала. Капрал, привязав к ней канат, приступил к испытаниям: посадил двух стражников с лопатами и оттолкнул лохань от берега.

«Мореплаватели», отойдя от пристани метров на десять, вдруг перевернулись и, чертыхаясь, забултыхались в воде. – Вертлявая очень, – утверждали они.

Пришлось для остойчивости прибить к бортам лохани

два шкафчика-тумбочки, а на корму приладить самодельный руль. Судно стало неуклюжим, но больше уже не опрокидывалось.

Сделав два длинных весла, капрал в одиночку отправился в рискованный рейс.

Его долго кружило течением и прибило к Бородавке не с той стороны, с какой капралу хотелось, а с другой. Но Варош был рад и этому.

Выбравшись на камни, он очутился возле действующего маяка, посылавшего свои лучи в залитый солнцем океан.

На дорожке Варош заметил важно шествующего врача. Медику ночью повезло: спяна он заснул в уборной, обнимая фаянсовый унитаз. Никому из десантников и в голову не пришло заглянуть в помещение, не предназначенное для сна.

Проснувшись, медик вспомнил о прибытии полковника Луиса. Он быстро побрился, надел новый мундир и отправился в комендатуру.

Вилламба так спешил, что не счел нужным остановиться на оклик капрала. Подойдя к комендатуре, он важно поднялся на крыльцо и боком толкнул дверь... И тут гранаты, подвешенные Паоло, сработали: раздался сильный взрыв, от которого представителя медицины откинуло к спуску на пристань.

Когда капрал подошел к нему, медик уже был мертв. Сняв фуражку, Варош перекрестился и стал ждать: не появится ли

кто из комендатуры. Но в доме все было тихо.

Постояв минут десять, капрал, набравшись храбрости, поднялся на крыльцо комендатуры и заглянул в помещение. Там в углу он обнаружил мертвеца в форме стражника. Убитый был не знаком ему. «Наверное, из вновь прибывших, – решил Варош. – А где же наши? Пойду искать начальство».

В коттедже начальника концлагеря он нашел окоченевшего майора и живого капитана судна, привязанного к креслу. Моряк был пьян. Ничего путного от него нельзя было добиться. Он бормотал о какой-то судьбе и картах.

На небольшой электростанции, стоявшей в стороне под скалой, капрал разбудил безмятежно спавшего техника. Тот ничего не знал о ночных событиях. Правда, после полуночи он слышал глуховатую стрельбу из автомата, но, решив, что это развлекается прибывшее начальство, даже не выглянул на улицу.

«Эх, я же в карцер не заглянул!» – вдруг вспомнил Варош. Не мешкая, он вернулся в комендатуру и открыл люк в подвал.

Первым на вызов показался Томазо. Опухшее лицо капитана было черно от злости. Увидев перед собой вытянувшегося в струнку капрала, он заорал:

– Где вы болтались столько времени? На посту дрыхли, да? Я с вас три шкуры сдеру! Почему от вас убегают каторжники, дьявол их разорви?..

Отведя душу в криках и проклятиях. Томазо прошел в

свой кабинет и вскоре выскочил оттуда еще более разъяренный.

– Кто украл мой ром, разбивал шкафы и поливался моим одеколоном? – допытывался он, трясся капрала.

– Не могу, знать, господин капитан, я сам был посажен в камеру, – оправдывался тот. – Не ваш ли ром на подоконнике?

На подоконнике действительно стояла чудом уцелевшая бутылка с ямайским ромом.

Капитан, налив полный стакан рому, залпом выпил его и, несколько успокоясь, потребовал подробного доклада.

Выслушав довольно бессвязное сообщение Вароша, Томазо помрачнел еще больше и, хлебнув ром прямо из горлышка бутылки, заключил:

– Хорошо Чинчу, окочурился вовремя, а нам теперь отдувайся за него. Застрелиться и то нечем. Все украли бродяги. Как радиостанция, действует?

– Разбита каторжниками. И радист вроде не в себе... не скоро починит.

– Вызвать ко мне, я его живо в чувство приведу!

* * *

В каюте лежал наскоро перевязанный Реаль; он был в бессознательном состоянии.

– Что же мы будем делать без него? – в отчаянии спраши-

вал Мануэль. Он не мог себе простить, что оставил Хосе одного. – Мы же не знаем шифра. Надо хоть на время привести его в чувство.

– Я уже послал Паоло и Кончero, – сказал Наварро. – Они соберут всех медиков и приведут сюда. Устроим консилиум.

Вскоре в каюте появился Паоло с двумя врачами: бывшим военным хирургом Стоманом и терапевтом Теодуло Мендес. Они оба были в истрепанных полосатых одеждах. А Кончero привел знакомого ему профессора.

– Чарлз Энгер, – представился старик своим коллегам.

Те переглянулись. Они ведь учились по учебникам Чарлза Энгера.

– Мы ждем распоряжений, господин профессор, – сказал Стоман, поклонившись.

Врачи, тщательно вымыв руки и надев халаты, найденные в изоляторе, внимательно осмотрели раненого. В Хосе попало две пули: одна, сломав ключицу, застряла где-то в мышце, вторая насквозь пробила грудную клетку. Кровь в ранке пузырилась. Видимо, задето было легкое.

– Скажите, мы сумеем доставить больного в госпиталь? – спросил Энгер.

– Наверяд ли, – ответил Мануэль. – Нам очень важно привести его в сознание немедленно. От этого зависит наша судьба.

– Хорошо, сделаем все возможное. На корабле, надеюсь, найдутся хирургические инструменты?

– Да, я их видел в изоляторе. Пройдемте со мной, подбе-

рете нужное.

Через каких-нибудь четверть часа врачи стали готовиться к операции. Кончero, выполнявший обязанности санитаря и связного, поглядывал на медиков с надеждой. От вида зловеще поблескивающих скальпелей и зондов у силача подкашивались ноги.

Свежий халат, резиновые перчатки и маска на лице совершенно преобразили Энгера. Наскоро превратив каюту в операционную, он отдавал короткие распоряжения, а его коллеги беспрекословно выполняли их.

С Реаля сняли одежду, уложили его на стол, покрытый простынями, и приступили к операции.

Судно покачивало. В каюте стояла такая тишина, что слышно было, как потрескивала электрическая лампа большого накала.

Друзья Хосе, собравшиеся в соседнем отделении радиорубки, тревожно прислушивались ко всему, доносившемуся из операционной.

– Луис, видно, хотел вызвать кого-то; передатчик включен, – заметил Наварро. – Как он остался здесь?

– Мы во всем виноваты, – опутив голову, сказал Мануэль. – Плохо обыскали надстройку. А ведь Хосе дважды напоминал об этом... Эх!

Из операционной донесся негромкий голос Энгера:

– Приподнимите... так! Отлично! Ланцет!..

Кончero, стоявший у дверей, схватился за голову: «Что

доктор нашел там отличного, если человек прострелен насквозь?» Силач ничего не мог поделать с собой; губы его дергались, он безмолвно плакал.

– Одна надежда на врачей, – прошептал Мануэль. – Хоть бы благополучно прошла операция!

Через несколько минут все услышали, как звякнуло что-то в тазу. Это хирург бросил извлеченную пулю.

– Тампоны... так! Перевязывайте.

Первым из соседней каюты вышел Энгер.

Он снял с лица маску, марлевую повязку и, подойдя к раковине, стал мыть руки.

– Он выживет? – спросил Мануэль.

– Ему нужен полнейший покой, – уклончиво ответил профессор. – Остается опасность внутреннего кровоизлияния.

– А сказать хотя бы несколько слов ему можно?

– Лучше бы его не тревожить.

– Но нам надо...

– Он ожил, открыл глаза... шевелит губами! – закричал обрадованный Кончоро.

Мануэль с Энгером поспешили к раненому. Реаль лежал с открытыми глазами.

– Включите передатчик, – слабым голосом попросил он.

– Включен давно, – сообщил Мануэль.

– Прошу много не говорить... только самое необходимое, – предупредил Энгер. – А лучше бы молчать и не шевелиться.

– Мне нельзя болеть, – тихо проговорил Хосе. – Я должен закончить... пароль и шифр известны только мне. Дайте возможность продержаться несколько минут.

Энгер, неодобрительно покачав головой, взглянул на Мануэля. Тот понял, что риск большой, но иного выхода не было.

– Да, – сказал он, – придется выполнить желание Хосе, хотя это и вредно.

Энгер, нахмурясь, покопался в аптечке и, вытащив коробку с ампулами, передал ее Стоману. Хирург, наполнив шприц прозрачной жидкостью, подошел к раненому и сделал подкожное впрыскивание.

Лицо Реалья стало розовым. У Мануэля отлегло от сердца, хотя он и понимал, что минутное возбуждение может дорого обойтись раненому.

– Нужно... связаться с нашими, – заговорил Реаль. – Они ждут условленного сигнала... на коротких волнах.

Мануэль растерялся:

– Но как мы это сделаем? Фернандес утонул, у нас нет другого радиста.

– Радист найдется, – перебил его Наварро. – Я знаком с передатчиком этого типа, могу попробовать.

– Хорошо, Рамон, вызывай. Волну я скажу, пригнись, пожалуйста, – попросил Хосе.

Летчик пригнулся, Реаль на ухо шепнул ему длину волны. Наварро кивнул головой и поспешил к передатчику.

Паоло стал помогать ему. Найдя переносный микрофон, он протянул шнур к изголовью Реалья и подключил его.

Дробно застучал ключ передатчика. Вскоре Наварро обрадованно сообщил:

– Они нас слышат.

Из репродуктора вначале доносилось ровное гудение, затем мужской голос внятно произнес:

– Кто вызывает? Интересно, сколько будет дважды два? Этакая детская задачка!

В углу Кончери прошептал:

– Дважды два – четыре.

– Иногда восемнадцать! – сказал в микрофон Реаль, и глаза его заблестели.

– Четный? – радостно воскликнул голос в репродукторе. –

Мы все беспокоились...

– У меня мало времени, – перебил Реаль. – Сообщаю: мы отправились за пески. Понятно?

– Да, да. Говорите!

– Известный вам толстяк пожертвовал большое корыто. Нас много, мы нуждаемся в одежде и еще кое в чем...

Реаль, видимо, от головокружения и боли, скривился. Энгел двинулся к нему, но он остановил его жестом и продолжал:

– Поторопитесь связаться с нами, согласно договоренности.

– Дороги будут закрыты. Ждите гостью. Какой сигнал,

чтобы птичка не смутилась?

– Две зеленых ракеты. Разговор кончаем.

Реаль устало отодвинул микрофон и обратился к Мануэлю:

– Принимай командование... Скоро прилетит самолет... дайте ему опознавательный сигнал ракетами. Обязательно откройте сейф. Взломайте, взорвите... но добудьте все и передайте представителю Центрального Комитета. Теперь там знают, что мы идем к скалам Позабытого берега. Скажите Долорес...

Хосе внезапно сник и умолк. Мануэль в отчаянии схватил микрофон и крикнул:

– Вы слышите нас? Он ранен... тяжело ранен!

Но из репродуктора доносились лишь звуки далекой скрипки.

Врачи окружили Реаля, и в каюте остро запахло медикаментами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

В полдень открылся маяк Позабытого берега. Дул легкий, почти не ощутимый бриз. Океан дышал спокойно; его гладкая поверхность едва колыхалась. Вокруг стояла такая тишина, что слышно было, как из далекого рыбацкого селения доносился колокольный звон.

«Какой же сегодня праздник? – не мог вспомнить Мануэль. – Надо выслать на разведку группу Лео Манжелли».

Он заглянул в ходовую рубку. Там капитан озабоченно листал лоцию и поглядывал на карту. Оказывается, судно вошло в опасную зону, изобилующую рифами и банками. Дальше двигаться без опытного лоцмана было рискованно.

– Ну что ж, станем на якорь, – сказал Мануэль. – Пошлем за лоцманом и заодно выясним обстановку на берегу.

Судно застопорило ход и бросило якорь. Вскоре один из катеров, шедших на буксире, приблизился к борту. На него стали спускаться по штурмтрапу люди Манжелли. И вдруг с юта послышался громкий голос Кончero:

– В небе гудит! Летит что-то черненькое!

Все подняли головы и, прислушиваясь, стали всматриваться в том направлении, куда показывал силач. В чистом небе действительно показалась черная точка. Она быстро

увеличивалась.

– К нам летит одномоторный разведчик или почтарь, – определил Наварро.

«Но чей? – хотелось бы знать Мануэлю. – Может, правительство уже разнюхало о побеге? Сейчас самолет приглядится и вызовет по радио бомбардировщиков».

Он приказал всем покинуть верхнюю палубу, а Наварро – приготовить две зеленые ракеты.

Самолет летел не особенно высоко. Заметив неподвижно стоявшее в океане судно, он стал кружить над ним.

Недавние каторжники из тамбуров рубки и других укрытий следили за воздушным гостем.

Но вот в небе возникла дымная ниточка, распавшаяся многоцветным фейерверком.

– Свои... наши! – послышались радостные возгласы.

На встречу самолету взвились две зеленые ракеты. Заметив их, летчик приветственно покачал крыльями и повернул к берегу.

Над пляжем самолет развернулся и, снижаясь, полетел над узкой полоской прилизанного волнами песка. Приземлился он не сразу: коснувшись колесами пляжа, он странно подпрыгнул, пролетел еще метров десять, сделал поменьше скачок и застыл на месте у самой воды.

– Вот это дал козла! – воскликнул Паоло. – Удивительно, как он носом не ткнулся, мог скапотировать.

– Новичок, – заметил Наварро. – Отчаянный парень!

По приказанию Мануэля, они оба перебрались на отходивший катер, который полным ходом пошел к самолету.

Издали Паоло и Рамон видели, как из кабины вылез на крыло человек в рабочем комбинезоне, огляделся и спрыгнул в одежде и ботинках в воду. Окунувшись, он лег на отмели, подставляя голову набегавшим волнам прибоя.

«Здорово разогрелся этот парень! – подумал Наварро. – Видимо, рад, что жив остался».

Когда катер подошел к отмели, он первым подбежал к купавшемуся пилоту. Увидев перед собой довольно молодого человека, с раскрасневшимся от возбуждения лицом, он спросил:

– Что же ты, брат, на ровном месте такую отчаянную посадку делаешь?

Поднявшийся из воды пилот сначала смутился, потом потряхнул мокрой головой и весело рассмеялся.

– Для бортмеханика, ей-богу, не плохо! – сказал он. – Я ведь не учился на пилота. И машина эта собрана по частям. С трудом склепали и отрегулировали. Сегодня я впервые вылетел так далеко. Чуть не скапотировал.

– Похоже было. Но ты молодчина! Не всякий механик осмелится взлететь, – похвалил его Наварро. – И приземлился для новичка лихо, – на две точки. Говорю тебе как специалист, сам не раз давал козла.

– Вы, значит, летали прежде?

– Конечно. И на спортивных и на боевых. Асом числюсь.

Не зря же в воздушный легион приняли, – похвастался Наварро.

– И я на таком же гробу, как твой, летал, – сообщил Паоло.

Парень вдруг посуровел, не без подозрения оглядел собеседников и спросил:

– Простите, а вы кто такие? Откуда прибыли?

– Мы полосатики с острова Панданго.

– Китобои? Охотитесь за полосатыми китами?

– Да нет, просто каторжники.

– Ах, вот оно что! – обрадовался парень. – Вас-то мне и надо! Случайно, нет ли там на катере Хосе и Энрико?

– К сожалению, они остались. Но если тебе срочно, мы мигом доставим.

– А как же самолет?

– Поезжай, я присмотрю, – успокоил его Паоло. – Только выкатить надо. Видишь, как колеса увязли? Скоро совсем засосет.

С помощью парней Манжелли они выкатили самолет на крепкий грунт и развернули так, что он мог взлететь в любое время.

– Ну, а какие ты нам вести привез? – полюбопытствовал Паоло.

– Самые хорошие. Полиции не опасайтесь, ей сегодня не до вас. Под самим Коротышкой земля горит. Взбунтовались солдаты и офицеры. В городе сумятица. Вам опасны только

«гринго»¹³. Они, чего доброго, могут подняться со своих военных баз и разбомбить. Так что лучше укрыться вам под скалами. Одежду и еду скоро подбросят на автофургонах. Дорога к Позабытому берегу нами оседлана...

* * *

В часы дежурства в радиорубке смотритель маяка уловил сигналы с судна, захваченного каторжниками, но первым связаться с ним не сумел, так как от волнения оборвал тросик, а когда исправил его, то расслышал лишь конец разговора с подпольным центром и выкрик Мануэля.

Когда утром вернулись девушки, передававшие последние известия и воззвания Центрального Комитета, смотритель маяка рассказал им об услышанном.

Весть о ранении Реаля так напугала Долорес, что она стала упрашивать Энрикету немедля выйти на баркасе встречать беглецов.

– Не советую торопиться: в океане легко разойтись с судном, – сказал смотритель маяка. – Лучше дождаться здесь; они скоро должны показаться.

– А как вы думаете, есть там врач? – волнуясь допытывалась Долорес.

– Насчет этого не слышал, но знаю, что на каждом судне

¹³ Гринго – презрительная кличка североамериканцев в странах Латинской Америки

существуют аптечки и человек, умеющий оказывать первую помощь.

Долорес больше ни о чем не расспрашивала. Взяв бинокль, она поднялась по железной винтовой лестнице на самый верх башни и оттуда наблюдала за морем. Как только на горизонте показался теплоход, девушка закричала:

– Посмотрите, это, кажется, они!

Смотритель маяка, всмотревшись в судно, замедлявшее ход, сказал:

– Им, видно, нужен лоцман. Пошли!

Взяв с собой только Долорес, он повел баркас к теплоходу на полной скорости.

Капитан, издали разглядев на лоцманском суденышке женщину, приказал спустить забортный трап и вызвать кого-нибудь из штаба.

Долорес первой взбежала по качающемуся трапу на верхнюю палубу. Здесь ее встретили два человека: молодой был в полицейской форме, а бородатый – в какой-то полосатой рвани. У девушки тревожно забилося сердце: «Не провокация ли?»

Бородатый каторжник почему-то смотрел на нее сияющими глазами. Он вдруг раскинул руки и, схватив Долорес в объятия, принялся при всех целовать и приговаривать:

– Пальмита... моя Пальмита!

Так называл ее в детстве только брат Энрико. Как он пожелтел и постарел, бедняга!

– А почему ты с полицейскими? – шепотом спросила она.

– Какой он полицейский! – засмеялся Энрико. – Это наш Мануэль, знакомься. Моя сестра Долорес, – представил он ее товарищам. – Я думал, уж никогда не увижусь.

– Я тоже, – особенно тут, на Позабытом берегу. Извелась, ожидая от вас шифровки. – Не видя нигде Реалья, она забеспокоилась: – А где Хосе, что с ним?

– Нелепейшая история! Меня лихорадка свалила, но он все время был с ними, только на какие-то минуты остался один. И вдруг выстрелы. Мы все в этом виноваты, под конец распустились, ослабили вожжи. Но ты не беспокойся, он выживет. На счастье, нашлись хорошие специалисты, ему сделали операцию. Сейчас он спит.

– Я не разбужу... Мне только взглянуть.

– Хорошо, идем.

Энрико взял ее за руку и привел в радиорубку. Реаль лежал на койке забинтованным. Его бледное заострившееся лицо с выгоревшими усами и бровями было удивительно спокойно. Долорес подошла ближе и, нагнувшись, прикоснулась губами к его пылавшему лбу.

– Вот мы и встретились, любимый, – прошептала она. – Это я, Долорес.

Веки у Хосе задрожали и глаза медленно раскрылись. Они были затуманенными; казалось, что он ничего не видит. И вдруг Реаль отчетливо сказал:

– Я сдержал свое слово, вернулся.

– Милый, скажи, тебе очень плохо?

Он закрыл глаза и, видимо, опять впад в забытие, не ответил. Дежурный врач жестом показал, что надо выйти. За дверями он шепнул:

– Большая потеря крови. Видимо, придется делать переливание.

– Его положение безнадежно? – спросила она.

– Этого я не скажу. От таких ран не умирают, но возможны осложнения. Нужен абсолютный покой.

В это время прибыл прилетевший бортмеханик и передал Диасу письмо из Центрального Комитета партии. Оно было недлинным:

«Поздравляем всех с освобождением и началом великих событий!

Не сегодня-завтра, а может в ближайшие часы, правительство Коротышки будет сметено. Против него поднимаются почти все слои населения. Вы окажете нам большую помощь, если организуете выступления по радио известных в стране людей. Пусть они расскажут о тайной каторге и подлости властителей и обратятся с призывом свергнуть предателей и убийц, торгующих родиной. Все выступления мы запишем на пленку и будем передавать с мощной радиостанции.

Советуем на судне не задерживаться. Возможны налеты авиации. Слабых укройте в горах (палатки, одежду и продукты высылаем), а тех, кто может сражаться, вышлите в наше распоряжение.

Желаем успеха. Крепко жмем всем вам руки. До скорой встречи.

По поручению Революционного Комитета – Карлос».

Обсудив письмо, беглецы приняли решение: судно немедленно подтянуть к скалистому берегу и высадиться. Тут же были распределены обязанности. Лео Манжелли получил в свое распоряжение один из катеров. Он должен был организовать охрану самолета и подступов к маяку. Мануэлю поручили сформировать вооруженный отряд для посылки в столицу, а Долорес и Наварро – наладить и поддерживать радиосвязь с подпольным центром.

Подбором людей, способных выступить по радио, занялся Диас.

– Эх, беда, Хосе выбыл из строя! – сожалея, сказал Энрико. – Он сумел бы подобраться к душе слушателей.

Чтобы судно могло подойти к обрывистому берегу, смотритель маяка пересел на свой баркас и, делая промеры глубин, повел теплоход по извилистому, известному лишь местным рыбакам фарватеру к бухте Терпение. Эта тесная и открытая для всех ветров бухта имела достаточные глубины, но считалась опасной для стоянки судов: во время штормов в ней трудно было удержаться на якоре.

Капитан решил идти на риск.

– Все равно, если нам не удастся стать в тень нависших скал, – сказал он, – то придется затопить судно. А так мы будем иметь жилье, камбуз и радио.

Невдалеке от бухты все почувствовали толчки: судно днищем коснулось грунта. Капитан застопорил ход.

– Надо пассажиров выгрузить! – крикнул с баркаса смотритель маяка. – Нам лишь эту банку перевалить, там глубже будет.

Судно стало на якорь. Оба катера вместе с баркасом начали переправлять пассажиров на берег.

Долорес тем временем связалась по радио с подпольным центром. Оттуда потребовали к микрофону Реаля.

– Он тяжело ранен, – ответила она. – Лежит без памяти.

Говоривший заволновался:

– Почему вы раньше не сообщили? Мы бы немедленно послали врача.

– Врачи у нас есть. Операцию делал профессор Энгер.

– Если можно, попросите профессора к микрофону.

В радиорубку позвали Чарлза Энгера. Старик коротко сообщил о состоянии больного.

– Что вам понадобится для успешного лечения?

– Было бы замечательно, если бы вы достали граммов пятьсот крови для переливания и недостающие медикаменты. Могу дать записку в клинику. Надеюсь, что там найдется хоть кто-нибудь из моих учеников или друзей.

– Хорошо. Когда вышлете с вашей запиской птичку?

Профессор не знал, что ответить. В разговор вмешался Наварро.

– Вышлем через двадцать-тридцать минут. Куда прикаже-

те прибыть?

– Туда же, где она была.

– Ясно. Будет выполнено.

Разговор закончил Энрико Диас. Он намеками сообщил о принятых решениях и пообещал выслать весьма важные материалы для печати.

Но эти материалы не так-то легко было достать. Паблито с Жаном возились с сейфом полковника Луиса уже более часа. Разглядев на диске замка буквы, они пришли к выводу, что толстая литая дверца открывается лишь после набора определенных слов. Но что это за слова?

Они перелистали записную книжку Луиса, в надежде найти нужную запись, обшарили карманы кителя, заглянули в ящики стола и нигде не обнаружили шифра. Видимо, тайну замка полковник доверял лишь памяти.

Жан принялся наугад набирать различные слова, но все напрасно: механизм не срабатывал, замок не открывался.

– Его и не взорвешь, пожалуй, – сказал Паблито. – Вся рубка взлетит на воздух.

Кончиро, молча наблюдавший за действиями друзей, вдруг предложил:

– А если попробовать без всякого колдовства? Какой прок от букв, когда они не помогают?

Жан вздохнул и, сев на диванчик, объяснил:

– Здесь, беби, мозгами шевелить надо, а не мускулатурой.

И он невольно усмехнулся, видя, как силач, упершись но-

гой в край сейфа, схватился за литые ручки. Затем что-то произошло непонятное. Жану показалось, будто на него рухнула надстройка: раздался грохот, треск... и большая тяжесть навалилась на француза. «Сейф заминирован», – решил он.

Но взрыва не было. Кончоро, не ожидавший, что дверца откроется, с такой силой рванул ее, что не удержался и полетел на спину... Он сбил с ног Паблито и, свалившись на диванчик, придавил Жана.

Возможно, случайный набор букв открыл сложный замок, а вернее всего – Луис, ложась спать, лишь захлопнул стальную дверцу, не набрав секретного слова.

– Из тебя, беби, когда-нибудь выйдет толк, – сказал Жан, с оханьем поднимаясь. – А сейчас ты только способен людей расплющивать.

Все найденные в сейфе папки с бумагами, шифры, фотографии и деньги они уложили в мешок и отправили вместе с Наварро на самолете.

После высадки пассажиров у судна уменьшилась осадка; оно осторожно вошло в бухту и стало на якорь в тени под нависшей скалой. В этом месте его трудно было заметить с воздуха.

Большинство высадившихся на берег посбрасывали одежду и, войдя в воду, принялись плескаться, нырять, плавать. Соленая и прозрачная вода приятно холодила тело.

Пленники Панданго давно не испытывали такого насла-

ждения, – на острове им не разрешалось купаться.

Парни, отобранные Мануэлем в вооруженный отряд, после купанья тут же на берегу получили одежду, найденную в рундучках и каютах арестованных моряков, и оружие.

Обед был праздничный: на первое – суп с шушу¹⁴ и картофелем. На второе – разогретая мясная тушенка с бобами; на третье – холодное консервированное пиво. От непривычной сытой еды многие опьянели и улеглись в тени скал вздремнуть.

Когда полуденная жара начала спадать, к маяку прибыли автофургоны, покрытые брезентом.

Мануэль пошел на теплоход – проститься с товарищами по штабу.

У радиорубки толпились люди, собранные Диасом. Они предупреждающе зашикали:

– Тише, идет передача!

Перед микрофоном выступал профессор Энгер, рассказывавший, как над ним издевались в лагере.

Мануэль молча пожал руку Диасу и на цыпочках прошел в соседнее отделение.

Реаль лежал с закрытыми глазами; он словно прислушивался к едва внятному гудению радиопередатчика, у которого сидела Долорес.

Девушка жестом предупредила, чтобы Мануэль не будил больного.

¹⁴ Шушу – мексиканский огурец

– Я только шепотом, – сказал он. – Мы уезжаем; хотелось бы на прощанье сказать... постараемся не опозориться. Если Хосе когда-нибудь понадобится помощь бескорыстных друзей, – пусть даст знать, явимся в любое место.

– Хорошо, я передам ему, – пообещала Долорес.

На прощанье Мануэль осторожно взял огрубевшую на ка-торжных работах руку Хосе, подержал ее в своей, погладил и опустил на постель.

– Спасибо от всех, – шепнул он. – Выздоровливай скорей.

Потом Мануэль крепко пожал руку Долорес и, стараясь ступать бесшумно, ушел.

* * *

Вечером из столицы прилетел Наварро; он привез из кли-ники все, что просил в записке профессор Энгер.

Реалю сделали переливание крови. После этого лицо его заметно порозовело, и вскоре он открыл глаза.

– Как наши дела? – едва слышно спросил Хосе.

– Все идет так, как тебе хотелось, – успокоил его Диас, оправившийся от лихорадки.

– Я только что прилетел из города, – доложил Наварро. – Там ходят слухи, что Коротышке не удалось выйти из пике. Власть в столице в руках левых партий. Я сам видел у Кон-гресса, на аэродроме и у входа на радиостанцию патруль из наших ребят. Похоже, что мы вовремя бежали. В ближайшие

дни североамериканцам не до нас будет: они сами удирают и, видно, не скоро опомнятся. В общем, ветер дует на нашу мельницу.

Хосе слабо улыбнулся.

– Похоже, что ты с нами не только до берега?

– Похоже. Я и тогда сказал это по глупости. Теперь сам вижу – попал с вами в одну эскадрилью на всю жизнь! Довольно мудрить одиноким.

Долорес, сидевшая у радиоприемника, вдруг прислушалась к едва внятной бормотанью микрофона.

– Послушайте только... это передает Революционный Комитет, – сказала она и усилила звук.

В каюту ворвался торжествующий мужской голос:

– ...диктатор бежал на военном бомбардировщике. Министр внутренних дел скрывается в посольстве одного из европейских государств. Остальные министры сложили с себя полномочия... Власть перешла в руки народа...

Рамон подмигнул Энрико: «Слыхал, мои прогнозы безошибочные».

– Революционный Комитет призывает к спокойствию, выдержке и порядку. Не поддавайтесь провокациям иностранных агентов!.. Будьте бдительны!

– Есть, смотреть в оба, – ответил Диас, словно его могли услышать в Революционном Комитете.

На радостях Энрико поспешил на капитанский мостик, взял для усиления звука мегафон и крикнул товарищам, не

слышавшим радиопередачи:

– Поздравляю с победой! Мы больше не каторжники. Да здравствует народная республика!